

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ ПО ВЫСШЕМУ ОБРАЗОВАНИЮ
Самарский государственный университет
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ ПОВОЛЖЬЯ

Ю.Н.Смирнов, Э.Л.Дубман,
В.Ф.Барашков, Л.М.Артамонова

САМАРСКАЯ ЛУКА В XVI - НАЧАЛЕ XX ВВ.

Учебное пособие

Издательство "Самарский университет"
1995

ББК.63.3.(2)46
С 506

Смирнов Ю.Н., Дубман Э.Л. и др. Самарская Лука в XVI-начале XXвв.: учебное пособие. Самара: Изд-во "Самарский университет". 1995. -200 С. 10 илл.

ISBN 5-230-06034-4

В учебном пособии рассматривается история наиболее уникальной территории Поволжья - Самарской Луки со времени включения ее в состав Российского государства до 1917 г. Хронологическое и тематическое описание населения, хозяйства, культуры этого района дополняется очерком топонимики и словарем исторических названий. Книга предназначена для студентов-историков, а также для всех, интересующихся историей родного края.

Под общей ред. доктора исторических наук, профессора
П.С.КАБЫТОВА

Ответственные редакторы: канд. истор. наук Э.Л.ДУБМАН
и канд истор. наук Ю.Н.СМИРНОВ

Рецензент доцент, кандидат исторических наук
Т.И.ВЕДЕРНИКОВА

С $\frac{0503020200 - 017}{6К4(03) - 95}$ Б.з объявления

ISBN 5-230-06034-4

© Смирнов Ю.Н.,
Дубман Э.Л.,
Барашков В.Ф.,
Артамонова Л.М., 1995

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многие годы ранняя история Самарского края и его сердцевины – Самарской Луки оставалась вне поля зрения исследователей. Обычно сведения по тому периоду читатель получал из мифических "легенд и былей Жигулей". Лишь в последнее время появилась возможность использовать весь комплекс источников по Самарской Луке, включая письменные документы, данные топонимики, фольклорные материалы, а также те сведения об исторических событиях, которые передавались из поколения в поколение (устная история). Богатый материал был собран в ходе проводившейся в последние годы инвентаризации памятников истории и культуры нашей области.

Авторам учебного пособия удалось показать не только основные этапы заселения и освоения Самарской Луки, но и выделить характерные черты культурно-исторического облика территории, показать своеобразие хозяйственного уклада и быта ее населения. Материалы книги подчеркивают уникальность исторического прошлого Самарской Луки, которая стала своеобразным плацдармом для освоения Степного Заволжья. Думается, что данная книга будет стимулировать дальнейшую разработку истории Самарского края, послужит хорошим подспорьем для студентов, учащихся средних учебных заведений, преподавателей вузов и школ, всех тех, кто занимается изучением истории малой Родины.

профессор П.С.Кабытов

ВВЕДЕНИЕ

Уникальный географический объект, каким является Самарская Лука, представляет большой интерес также как особая территория, обладающая своеобразным исторически сложившимся природно-хозяйственным и этнокультурным обликом. К настоящему времени выявлен специалистами и накоплен большой материал по проблемам истории и культуры Самарской Луки с момента вхождения данной территории в состав Московского государства во второй половине XVI в. и до конца существования Российской империи (1917). Этот материал не получил до сих пор надлежащего обобщения, что и определило необходимость подготовки данного пособия. Познавательная значимость представленных здесь результатов исследования определяется и учебными целями. Последние заключались в том, чтобы на конкретном примере показать будущим специалистам-историкам возможности комплексного изучения отдельных территорий, продемонстрировать пути и методы решения задач исторического краеведения, приложимых к другим таким территориям.

Основополагающим при региональном исследовании является определение основных сущностных черт исторической территории, выявление общего и особенного в развитии избранного региона. Наиболее значимыми признаками для Самарской Луки явились своеобразие хозяйственного освоения и общность исторических судеб различных этнических групп переселенцев. К ним же можно отнести наличие сходных черт в социально-психологическом облике жителей, в их культуре, способах использования природных ресурсов.

Отсутствие коренного оседлого населения, синхронность обживания территории различными этническими и социальными потоками переселенцев не позволяли какой-либо одной национальной группе претендовать на роль исконного хозяина этих земель. Здесь все находились в одинаковом положении,

должны были изыскивать возможности для взаимовыгодного сотрудничества.

Освоение новых земель в Поволжье приводило к адаптации крестьянина, предпринимателя, вотчинника к природным условиям, отличающимся от климата и почв центральных районов России. Становление Среднего Поволжья как целостного единого образования (системы) шло в течение веков. Исследование основных особенностей его исторического развития на протяжении длительного хронологического периода позволяет выявить направления дальнейшей эволюции данной системы, а по возможности и скорректировать негативные последствия в настоящем. Естественной частью этого региона, но обладающей рядом особенностей, является Самарская Лука.

В качестве основных направлений изучения исторического опыта регионального развития избраны следующие:

становление аграрного комплекса Самарской Луки;

ее промыслово-торговое и индустриальное значение;

формирование и организация крупного аграрного и промыслово-аграрного хозяйства Самарского Поволжья;

- культура, здравоохранение, просвещение;

социальные, демографические, этнические факторы;

- историческая топонимика (специфика исследования данной темы потребовала структурного выделения для неё особой главы в пособии и развернутого словарного приложения).

Исследования по отдельным вопросам истории Самарской Луки могут стать началом комплексного изучения основных сторон исторического опыта хозяйственного, общественно-политического и культурного развития отдельных территорий нашего края, средневожского и соседних регионов.

Коллектив авторов создавал эту книгу в тесном сотрудничестве друг с другом, но все же следует указать конкретный вклад каждого из исследователей. Введение написано Ю.Н.Смирновым и Э.Л.Дубманом; глава 1 – Э.Л.Дубманом; глава 2 – Л.М.Артамоновой и Ю.Н.Смирновым; глава 3 – Ю.Н.Смирновым; глава 4 и словарь географических названий – В.Ф.Барашковым при участии Ю.Н.Смирнова и

Э.Л.Дубмана; Заключение – Э.Л.Дубманом; Л.М.Артамоновой, Ю.Н.Смирновым. Таблицы к главе 1 составлены Э.Л.Дубманом, к главам 2 и 3 – Ю.Н.Смирновым. Иллюстрации и карты подобраны Л. Э.Дубманом и Ю.Н.Смирновым.

Большую помощь авторскому коллективу в сборе материалов для этой книги оказали историко-экокультурная ассоциация “Поволжье” и ГПНП “Самарская Лука”.

Хронологические рамки

На рубеже XVI-XVII вв. начал складываться исторический и этнокультурный облик Самарской Луки эпохи нового времени. Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству создало предпосылки для формирования на данной территории постоянного аграрно-промышленного комплекса с устойчивым оседлым населением.

Именно с этого времени на Самарской Луке возникла сеть постоянных сельских поселений, у жителей которых складывалась устойчивая система социальных, этнопсихологических, конфессиональных и культурных отношений, особенностей культуры и быта. Большинство из этих поселений уцелело до нашего времени, на их современной территории и в окрестностях иногда полно, а чаще фрагментарно сохранились особенности исторической планировки и специфики хозяйствования, отдельные здания и комплексы построек. За теми местностями, с которыми связаны наиболее яркие исторические события, закрепились характерные наименования, фольклорные сюжеты и т.п. проявления народной памяти.

Время с конца XVI до начала XX вв. являлось наиболее плодотворным в формировании историко-культурного облика Самарской Луки. Именно в этот период сложились те уникальные особенности, которые позволяют выделить данную территорию среди других регионов Среднего Поволжья и России, наделили её культурным и историческим своеобразием.

Процесс формирования устойчивого историко-культурного облика был резко оборван событиями начала XX века: Октябрьской революцией, гражданской войной и последовавшим

за этим переустройством российского общества – разрушением религиозно-православной системы, коллективизацией сельского хозяйства, искоренением традиционных черт быта, социальной психологии и культуры.

Таким образом, выбор данных хронологических рамок исследования вполне обоснован и соответствует законченному периоду в истории Самарской Луки.

Территория

К настоящему времени сложилось два основных подхода к определению территории Самарской Луки:

Большая Лука, ограниченная на западе условной линией, проходящей через с.Усолье и г.Сызрань.

Малая Лука, естественной границей которой является перешеек у с.Переволоки.

Анализ постепенного исторического складывания единого историко-культурного комплекса Самарской Луки принуждает нас несколько отступить от обоих данных вариантов деления. В конце XVI – начале XVIII вв. (на начальном этапе освоения Самарской Луки предками современного населения) пределы изучаемой территории на западе более правильным будет совместить с межами и гранями Надеинского Усолья, проходящими от впадения в р.Волгу р.Актуши до устья р.Тишерека, далее спускающимися по р.Усе до современных с.Переволоки и Печерского, переходящими вниз к югу на волжский берег. Этот рубеж, во-первых, включает в территорию Луки непосредственно связанный с ней в историческом развитии район Надеинского Усолья и, во-вторых, отделяет от нее сформировавшиеся позднее районы Поволжья с иными особенностями складывания населения и хозяйства.

Указанная территория первоначально входила в состав нескольких уездов – Самарского, Казанского, Симбирского. Затем она попала в 1781-1850-х гг. под общее административное управление самарских властей, а с 1851г. отошла в Сызранский уезд, где позднее была разделена на Рождест-

венскую, Аскульскую, Жигулевскую, Осиновскую, Усольскую и Переволокскую волости.

Источники Административная подчинённость территории Самарской Луки в течение долгого времени властям Казани и Симбирска не способствовала значительному накоплению документальных материалов, относящихся ко времени до середины XIXв., в архивах Самарской области. Более того, ранний период истории (конец XVI – начало XIXвв.) практически не представлен в архивах и других поволжских городов.

Эти обстоятельства создают дополнительные трудности в изучении региона и вынуждают исследователя обращаться к коллекциям документов, отложившихся в центральных архивохранилищах страны – Российского государственного архива древних актов (далее РГАДА), Российского государственного военно-исторического архива (далее РГВИА), находящихся в Москве; Российского государственного исторического архива (далее РГИА), Архива Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории РАН (далее А СПб ФИРИ РАН) в Санкт-Петербурге; музеях и библиотеках. Перечисленные архивохранилища, а также отдел рукописей Российской Государственной библиотеки (ОР РГБ) являются основными и для более позднего времени (XIX – начало XXвв.).

Ещё одна сложность изучения начального периода заключается в том, что материалы архива приказа Казанского дворца, в ведении которого находились данная территория в конце XVI – начале XVIII веков, практически полностью погибли при пожаре 1703г. Поиск сохранившихся документов в фондах других учреждений средневековой России представляет значительные сложности, что является общей трудностью для всех историков Среднего Поволжья.

И все же совокупность источников по ранней истории населения Самарской Луки представляется вполне репрезентативной. Лучше других сохранились документальные материалы церковных корпораций – монастырей и архиерейских домов в фондах РГАДА (ф.281 "Грамоты Коллегии Экономии",

ф.280 "Коллегии Экономии", ф.237 "Монастырский приказ", ф.1199 "Савво-Сторожевский монастырь", ф.125 "Монастырские дела", ф.26 "Государственные учреждения и повинности в царствование Петра I" и другие). Они представляют собой коллекции грамот, прихода-расходных, межевых, писцовых, переписных, описных и других книг, описаний оброчных владений, челобитных, спорных дел и т.д. В связи с тем, что в течение большей части XVII века церковь являлась основным землевладельцем на Луке, документы по истории её владений позволят представить всю раннюю историю освоения региона. Уникальным собранием источников является фонд Печатного приказа (ф.233) РГАДА, содержащий краткие записи о частных сделках, пожалованиях и т.д.

Переписные, писцовые книги, материалы первых трех ревизий представлены в фондах ф.1209 "Поместный приказ", ф.1239 "Дворцовый отдел", ф.248 "Сенат", ф.350 "Ландратские книги" и т.д. Сведения о Надеинском Усолье второй трети XVII в. содержатся в ф.214 "Сибирский приказ", об истории складывания отдельных селений – в ф.396 "Оружейная палата", других фондах РГАДА, ОР РГБ, Архива СПб ФИРИ РАН и пр.

Большинство из этих материалов практически неизвестно широкому кругу исследователей, и лишь малая толика из них опубликована П.В.Алабиным ("Переписная книга г.Самары и Самарского уезда 1646 года")¹, А.Н.Зерцаловым ("Писцовая и межевая книга Надеинского Усолья 1686/87 гг.")², в некоторых других изданиях.

Архивные источники, начиная со второй половины XVIII в. представлены более широко. Выдающееся значение среди них имеют фонды крупнейших землевладельцев края: Орловых и Орловых-Давыдовых (РГАДА. ф.1273; Государственный архив Ульяновской области, далее ГАУО. ф.147; ОР РГБ. ф.219), Паниных (РГАДА. ф.1274), удельного ведомства (ГАУО. ф.318, 322) и др. Исключительную ценность имеют межевые фонды и собрание Экономических примечаний к Генеральному и другим межеваниям (РГАДА. ф.1336,1355,1377; ГАУО.

ф.17). Отдельные сведения разбросаны в фондах многочисленных центральных и местных учреждений столичных и областных архивов. Для второй половины XIX начала XX вв. практически уже невозможно перечислить все фонды, относящиеся к Симбирской губернии и содержащие сведения по Самарской Луке, в архивах Ульяновска, Москвы, Петербурга.

Со второй половины XVIII в. возрастает роль географических и статистических источников. К важнейшим из них относятся уже давно опубликованные научные отчеты П.С.Палласа, И.И.Лепехина и других членов академических экспедиций³. К их числу необходимо добавить "Топографическое описание Симбирской губернии" Т.Г.Масленицкого, так и не нашедшее до сих пор своего издателя⁴.

С середины XIX столетия огромное значение для исследователя приобретают публикации статистических и справочных сборников⁵. Достаточно регулярно выходили такие справочники, как "Списки населенных мест ...", "Статистические ежегодники" и другие издания по Симбирской губернии за различные годы. Интересные сведения содержатся также в многочисленных местных и центральных периодических изданиях.

Изучение географических названий Самарской Луки требовало от коллектива исследователей использования как вышеречисленных, так и других видов источников. Оригинальные материалы по исторической топонимике, по устной истории региона были выявлены в результате экспедиционных работ на территории Луки и систематизированы в документах, отчетах, картах, хранящихся в научном фонде ГИИП "Самарская Лука".

Анализ всей совокупности имеющихся в распоряжении коллектива исследователей материалов позволил сделать вывод о том, что данная источниковая база в целом достаточна для исследования исторических процессов, протекавших на Самарской Луке во второй половине XVI - начале XX вв.

Литература

В научной и научно-популярной литературе историко-культурный облик Самарской Луки конца XVI — начала XX вв. как единое целое практически не рассматривался. Вместе с тем особенности формирования здесь населения, развития хозяйства, традиционной культуры и т.п. вызвали интерес у исследователей.

Стараниями симбирских краеведов второй половины XIX — начала XX веков была создана необходимая основа для дальнейшего изучения культурной, конфессиональной и других сторон развития района. Следует отметить труды М.Суперанского о начальной народной школе, Н.Баженова о храмах и приходах, К.Воробьева о кустарно-ремесленных промыслах⁶.

Первой печатной публикацией, посвященной непосредственно истории Самарской Луки в XVI-XVIII вв., следует назвать статью известного симбирского поэта и краеведа Д.Н.Садовникова "Жегули и Усолье"⁷. Использование автором разнообразных источников, оригинальная интерпретация их содержания, размышления об особенностях исторического развития западной части Самарской Луки — Надеинского Усолья остаются важными и интересными до сего времени.

В 1882 г. вышла книга Г.И.Перетятковича "Поволжье в XVII и начале XVIII веков (очерки из истории колонизации края)", включающая, пожалуй, лучший до настоящего времени очерк истории раннего освоения Самарской Луки⁸. Для изучения нашей темы важное значение имеют также труды саратовского ученого А.А.Гераклитова, прежде всего статья о раннем мордовском заселении края⁹.

Время после Октябрьской революции не дало сколько-нибудь заметных исследований по истории складывания историко-культурного облика Самарской Луки. В обобщающих трудах, посвященных истории Самарского Поволжья, о Луке, как правило, говорилось вскользь (П.А.Преображенский, К.Я.Наякшин и др.), изложение строилось на уже известном материале¹⁰. Исключение составляют издания по истории Са-

марского края, подготовленные в последние годы авторским коллективом историков местного университета с привлечением впервые вводимого в научный оборот материала¹¹.

Определенную роль в изучении Самарской Луки сыграли работы местных краеведов, среди которых выделяется обширная, но неопубликованная рукопись А.К.Преображенской¹².

Несомненно, что очень привлекательным для исследователей районом было Надеинское Усолье с его промыслами, старинными селениями, могущественными вотчинниками. Большой интерес представляет статья известного российского ученого С.В.Бахрушина, в которой он рассматривает раннюю историю местного соляного промысла при его основателях ярославских гостях Светешниковых¹³.

Различные аспекты истории монастырских промыслов и вотчин Самарской Луки и ее окрестностей в XVII-XVIII вв., заселения и освоения этого края рассматриваются в работах Э.Л.Дубмана¹⁴. В 1930-х-1940-х годах И.М.Катаев и коллектив авторов под его руководством предпринял небезуспешную попытку рассмотреть ряд вопросов, посвященных истории крепостных вотчин Самарской Луки преимущественно в XVIII-XIX вв. Эта же тема затем нашла отражение в трудах А.В.Клеянкина¹⁵. В последние годы отдельные эпизоды истории здешних помещичьих вотчин рассмотрены в статьях В.Н.Шульгина, Л.М.Артамоновой, Ю.Н.Смирнова¹⁶. Памятники архитектуры и садово-паркового искусства на Луке упоминаются в книге Е.А.Ахмедовой¹⁷.

Примечания

- ¹Алабин П. Несколько старинных документов, относящихся до истории г.Самары и Самарского края. Самара, 1900.
- ²Зерцалов А.Н. Материалы для истории Симбирска и его уезда. Симбирск, 1896; Его же. Материалы по истории Симбирского края 17 и 18 веков. Симбирск, 1900.
- ³Лелехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годах. Ч.1. СПб., 1775; Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. СПб., 1809.
- ⁴Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф.ВУА. Д.19026.
- ⁵Липинский А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Симбирская губерния. Ч.1-2. СПб., 1868.
- ⁶Суперанский М. Начальная народная школа в Симбирской губернии. Симбирск, 1906; Баженов М. Статистическое описание соборов, монастырей, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск, 1903; Воробьев К. Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916.
- ⁷Садовников Д. Жегули и Усолье // Беседа. 1872. № 11 - 12.
- ⁸Перетякович Г.И. Поволжье в XVII и начале XVIII века (очерки из истории колонизации края). Одесса, 1882.
- ⁹Герасимов А.А. Роль Саратова и Самары 17 века в жизни мордвы. Саратов, 1920.
- ¹⁰Преображенский П.А. Колонизация Самарского края. Самара, 1923 и др. работы автора; Нахшин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962.
- ¹¹История Самарского края. Саратов, 1987; Земля Самарская. Куйбышев, 1990; Самарская летопись. Кн. 1-2. Самара, 1993.
- ¹²Преображенская А.К. Усольская вотчина графов Орловых и Орловых-Давыдовых. Рукопись. Самарская областная научная библиотека; Кузминский П.А., Ситников Н.В. Край богатырки Усолки. Куйбышев, 1981.; Гурьянов Е. Древние веки Самары. Куйбышев, 1986.
- ¹³Бахрушин С.В. Промышленные предприятия русских торговых людей в XVII веке // Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2. М., 1954.
- ¹⁴Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVIII в. Куйбышев, 1991. Его же. Надинское усолье // Самарский земский сборник. Самара, 1995.
- ¹⁵Катаев И.М. На берегах Волги. Челябинск, 1948; В крепостную эпоху на Средней Волге / Под редакцией И.М.Катаева. М.-Самара, 1934; Клеянкин А.В.Хозяйство помещичьих и удельных крестьян Симбирской губернии в первой половине XIX в. Саранск, 1974.
- ¹⁶Шудьгин В. Графы Орловы-Давыдовы и крестьяне их Усольской вотчины // Черный перелом. Самара, 1992; Артамонова Л.М. Лекарь из Вены на Самарской Луке // Самарский краевед. Самара, 1994 - 1995; Ее же. Гаврилова Поляна и ее окрестности // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995; Смирнов Ю.Н. Освоение и заселение земель к югу от низовьев реки Самары в XVIII первой половине XIX века // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995; Его же. Самарское "графство" Орловых // Самарский краевед. Самара, 1995.
- ¹⁷Ахмедова Е.А. Региональный ландшафт: история, экология, композиция. Самара, 1991.

Глава I

У ИСТОКОВ СТАНОВЛЕНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА САМАРСКОЙ ЛУКИ (конец XVI - начало XVIII вв.)

§1. Административное устройство

Основной, наиболее стабильной единицей административного деления в средневековой России был уезд. После завоевания Среднего Поволжья по мере складывания на его территории органов русского управления, а также освоения края, в Самарском крае начала формироваться система уездов.

Первые упоминания о Самарском уезде, главным административным центром которого являлась Самара, появились в 1630-х гг. Прежде всего, Самарский уезд охватывал населенные земли Самарской Луки, всю её восточную часть до границы с Надеинским Усольем (примерно, по линии с.Моркваши (современный Жигулевск) с.Брусяна) и промысловую акваторию р.Волги от Куньей воложки (рядом с современным Тольятти) до устья Иргиза. Незаселенные степные пространства, прежде всего Левобережья были как бы ничейной землей. В основном они находились под юрисдикцией казанских воевод, но зачастую правом распоряжаться на них пользовались и власти Самары. Кроме того, до начала быстрого расширения Симбирского уезда (за счет Сызранского Поволжья) воеводы Самары держали под своим контролем земли по рекам Крымзе, Сызранке и т.д. В изучаемый период в условиях Среднего Поволжья, где процессы колонизации только начали разворачиваться, границы между смежными уездами точно фиксировались только тогда, когда проходили по землям, где жило оседлое население. В нашем случае определенную, проведенную по граням и приметным местам, границу Самарский уезд имел только с Надеинским Усольем, обшир-

ной частновладельческой территорией, занимавшей всю западную часть "большой" Самарской Луки.

У Надеинского Усолья был свой особенный феодальный статус. При первых владельцах Светешниковых (1631/32-1658гг.) административную принадлежность Надеинского Усолья определить довольно сложно из-за отсутствия достоверных данных. Исходя из контекста имеющегося корпуса источников, можно лишь предположить, что оно не входило в состав Самарского уезда, и местные воеводы не вмешивались во внутреннюю жизнь промысла.

В 1660-1670-е гг.(1660-1673), после того как Усолье перешло к звенигородскому Савво-Сторожевскому монастырю, за порядком на промысле, исправным сбором пошлин и налогов надзирали симбирские приказчики, то есть оно практически вошло в состав Симбирского уезда. Однако власти привилегированного монастыря смогли добиться, чтобы симбирские и самарские воеводы не вмешивались во внутренние дела вотчины. Усолье было отнесено к далекому Казанскому уезду, а фактически управлялось из центральных приказов – Большого Дворца, Тайных Дел, Посольского, Мастерской палаты. Монахи для своего промыслового владения добились едва ли не полной автономии от местных властей.

Самарские воеводы долго не могли смириться с таким положением дел, тем более, что значительная часть земель Надеинского Усолья была неосвоена. На этих, якобы ничейных, территориях власти Самары то позволяли селиться переселенцам (д."Яблоная" в Яблоневом овраге), то начинали устраивать укрепленные пункты (район Переволок).

Кроме уездной системы в России XVII начала XVIIIвв. существовала и более крупная, так называемая, "городовая", по которой вся территория страны делилась на отдельные области –"города". Самарская Лука входила в область "низовских" (понизовых, низовых) городов, всей полнотой власти в которой обладал приказ Казанского Дворца, находившийся в Москве.

Реформа 1708г. разделила страну на губернии, и Самарская Лука оказалась в составе огромной Казанской губернии. В 1719г. новые территориально-административные изменения привели к тому, что изучаемая территория оказалась включенной в Астраханскую губернию.

Система волостей для Самарской Луки окончательно сложилась только в первой половине XVIIIв. В документах этого времени мы встречаемся с дворцовой Рождественской, частновладельческой Усольской и другими волостями.

§2. Сельское расселение

**Инициаторы
и организаторы
начального заселения
Самарской Луки**

"История России есть история страны, которая колонизируется". В этой фразе выразились взгляды крупнейших русских историков второй половины XIX -начала

XXвв. С.М.Соловьев, В.О.Ключевский, другие исследователи, отдавая дань широчайшей народной колонизации пустынных и слабозаселенных пространств, как основной упорядочивающий фактор определяли колонизацию государственную. В советской исторической науке напротив, практически все историки на первое место ставили вольную беглую крестьянскую и посадскую колонизацию, рассматривая её прежде всего в рамках классовой антикрепостнической борьбы.

Думается, что последнее утверждение нуждается в серьезной коррекции. Попытки вырвать отдельные, хотя и весьма важные стороны, из целостной системы развития общества, его политических институтов и социальных отношений вряд ли плодотворны. Против данного упрощения в первую очередь свидетельствует изучение конкретного документального материала, в том числе и по Самарской Луке.

Первые свидетельства о массовом предпринимательстве русских рыбаков на Волге в районе Самарской Луки относятся к началу 1520-х гг. Однако определить, чьи интересы

обслуживали эти люди – свои, великого князя или монастырей, вряд ли представляется возможным.

Волжско-яицкое казачество, одним из центров формирования которого являлись окрестности Луки, во второй половине XVI в. складывалось в основном на славянской этнической основе. Возникшее в силу целого ряда факторов, оно отразило прежде всего вольное движение населения России, уходившего в знак протеста против усиления крепостничества из уже обжитых районов страны. Видимо, прав В.И.Сергеев, писавший об определенном опосредованном "руководстве" московской администрацией казачьими сообществами, но это влияние, несомненно, было весьма зыбким¹.

Весьма сложным представляется начальный этап складывания оседлого постоянного аграрно-промыслового населения на территории Луки в первой половине XVIIв. Если в Надеинском Усолье организующее начало одного из крупнейших купцов-предпринимателей средневековой России гостя Надеи Светешникова не вызывает сомнений, то в восточной подгорной части территории Луки все выглядит гораздо загадочнее. И все же ряд косвенных данных указывает на то, что и в этом районе при его освоении впереди шло государство в лице администрации Самарской крепости (воинские караулы в районе начального расположения с.Новинок, бывшей д.Подкараульной) или крупные церковные феодалы – монастыри, Патриарший Дом.

Данные свидетельства, подтверждаемые результатами многочисленных исследований по истории раннего оседлого заселения Среднего Поволжья и Европейского Юга России², приводят нас неизбежно к выводу, что в регионах, где существовала реальная угроза постоянных нападений кочевников, появление массива постоянных аграрно-промысловых поселений было возможно только под защитой государства, могущественных феодалов или богатых купцов-предпринимателей. Но, как это и происходило в первой половине - середине XVII столетия на Самарской Луке, процессы складывания населения на окраинных территориях, находящихся под покровительством и

защитой феодальной власти, вряд ли были полностью управляемыми и регламентируемыми этой властью.

Освоение новых регионов шло, как правило, за счет вольной неупорядоченной народной колонизации. В большей степени это обстоятельство проявилось в миграциях чувашских и мордовских переселенцев.

Самарская администрация или крупные собственники земель, как правило, показывали свою власть только на последнем этапе переселения – при приёме беглых, окончательном их расселении (да и то не всегда), определении льгот и размеров тягла.

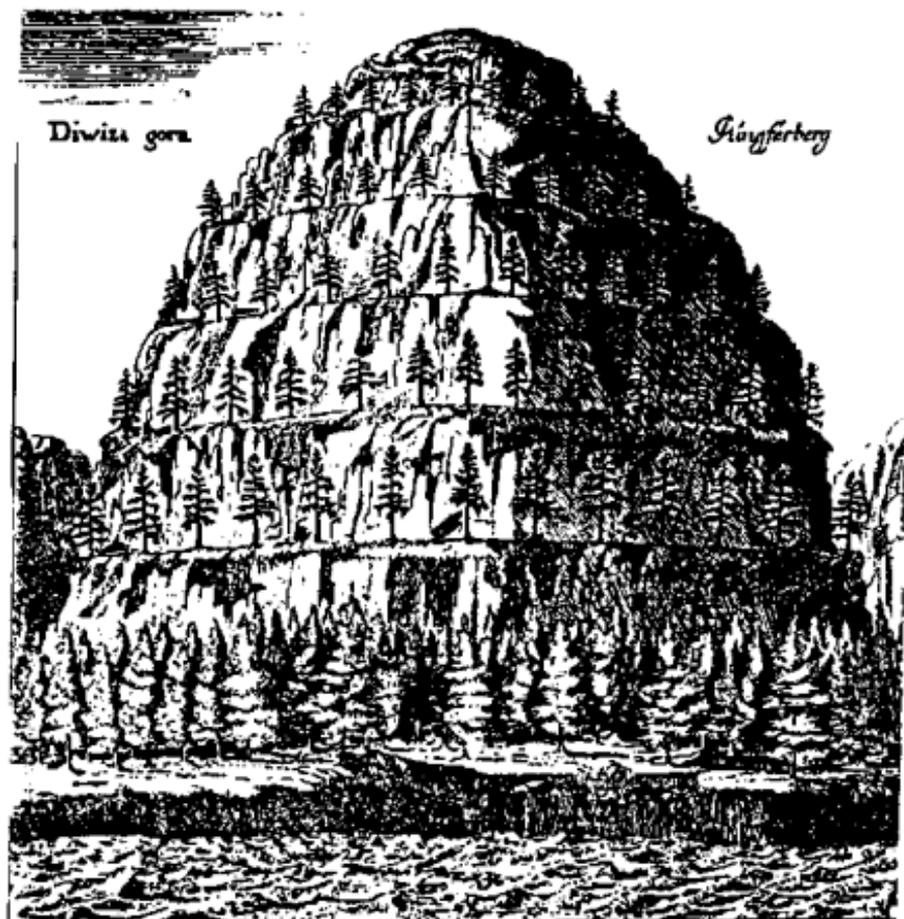
В последнее двадцатилетие XVII начале XVIII вв. роль крупных собственников, прежде всего монастырей, в освоении Самарской Луки и её окрестностей значительно выросла. Духовные феодалы занялись массовым переселением зависимых крестьян из своих вотчин в центре страны на волжскую периферию, под их непосредственным руководством складывалась сеть сельских поселений.

Этому оживлению колонизационной деятельности способствовала прежде всего активная правительственная политика по освоению Сызранского Поволжья, укрепление безопасности края.

С 1640-х гг. начинает проявляться и с каждым последующим десятилетием усиливаться организующая роль местных служилых людей – дворян и детей боярских – в освоении прибрежных территорий Самарской Луки, где появляются села и деревни, принадлежавшие помещикам.

В отличие от монастырей, патриаршего Дома и Светешниковых, ни государство, ни мелкие служилые люди не смогли организовать сколько-нибудь крупного промыслового или аграрного производства, не выступали в роли подлинных организаторов повседневной жизни в своих владениях.

Итак, раннее освоение Самарской Луки, уникальность её как единичного земледельческо-промыслового центра прежде всего были обусловлены исключительно благоприятными природными условиями региона. Несомненна и значима в этом

Девья Гора на Самарской Луке. Рисунок из книги А.Олеария

процессе роль средневекового государства. В качестве непосредственного руководителя освоения, организатора крупных промысловых комплексов выступили крупнейшие церковные корпорации. Служилые люди "по отечеству" поздно включились в этот процесс и не имели достаточных средств для конкуренции с церковью и государством.

При всем вышесказанном ни в коем случае нельзя отрицать значимость вольной (беглой) колонизации, роль которой была особенно велика в конце XVI - середине XVII вв.

Предыстория русского заселения Самарской Луки. Казачья вольница

Большинство местных краеведов, а с недавних пор представители возрождающегося самарского казачьего земля-

чества, традиционно считают территорию Самарской Луки одним из главных центров становления волжско-яицкого казачества. В качестве документальной основы для таких утверждений предлагаются путевые заметки иностранных путешественников XVII - начала XVIII вв. (А.Олеария, Я.Стрейса, К.де Бруина и других), местный фольклор, воспоминания старожилов (?) и т.д.

Однако, если проанализировать всю совокупность русскоязычных источников, известных к настоящему времени историкам, можно прийти к выводу, что ни один из них не дает прямых сведений о длительном пребывании казаков на Самарской Луке, тем более о существовании там постоянных казачьих поселений и укрепленных городков. В качестве ближайших к Луке мест, где останавливалась вольница, в документах упоминались Самарское урочище, устье р.Иргиз, Казацкая гора (несколько ниже Сызрани), устье р.Усы и другие места. Несомненно, что территория, примыкающая к Луке, да, видимо, и сама Лука, относились к региону, где во второй половине XVI в. происходило формирование волжско-яицкой казачьей области. Однако, основные становища казачества, и, прежде всего, укрепленные городки-зимовья, находились в более удаленных от оживленного волжского пути укромных местах. Для того, чтобы чувствовать себя в безопасности, казаки уходили на далекий Яик, на Дон, куда московские карательные рати, как правило, не показывались.

Например, казачьи городки на р.Яик (современная р.Урал) известны уже с 1570-х гг., а в 1586 году, после сооружения Самарской крепости вольница построила в устье р.Илек на острове Кош-Яик большой укрепленный городок, который с успехом смогла защитить от осады едва ли не всей ногайской орды.

Однако, если основные стратегические пункты местного казачества находились вдали от Волги, то главный район деятельности вольницы был нацелен на акваторию этой реки. С Яика на Волгу казачьи ватаги перебирались перетаскивая свои струги сначала через систему волоков, а затем спускаясь по рекам Самаре и Большому Иргизу. Именно для того, чтобы обезопасить волжский торговый и посольский путь от разбоев казаков, и были в 1586-1591гг. построены Самара, Царицын, Саратов. Эти городки в значительной степени стеснили свободу действий вольных ватаг, но не смогли прекратить их полностью. Об этом как раз и свидетельствуют путевые впечатления А.Олеария, Я.Стрейса и других путешественников XVII века. Однако напугали иностранцев ватаги, приходившие на Волгу украдкой, как бы наскоком, а не обосновавшиеся в этих местах постоянно.

Можно предположить, что отряды казаков останавливались на некоторое время и на самой Самарской Луке (особенно в период до основания Самары). Об этом свидетельствуют немногие сохранившиеся до настоящего времени топонимы, такие, как "Казачье зимовье" в среднем течении Винновского оврага, возможно "Ермакова поляна", некоторые другие.

Попытки местных краеведов напрямую увязать появление таких селений, как Ермаково и Кольцово с именами известных казачьих предводителей вряд ли полностью соответствуют исторической действительности. Например, название с.Кольцова произошло от имени его первого владельца помещика Кольцова, а возникло оно только в конце XVIIв.

Интенсивное аграрно-промысловое освоение Самарской Луки в XVIIв., прежде всего, во второй его половине, исключало саму возможность длительного пребывания здесь сколько-нибудь крупных казачьих отрядов. Среди жителей самарских селений, а тем более среди их основателей мы не находим представителей казачества ни в XVII, ни тем более в XVIII-XIXвв.

Таким образом вопрос о Самарской Луке как одном из центров складывания местного казачества, его расселения вряд

ли имеет положительное решение. Казачья вольница, постоянно посещавшая Самарскую Луку, не смогла оставить на её территории сколько-нибудь заметных следов своего пребывания.

Основные центры расселения. Историческое районирование

Формирование сети постоянных поселений, начальный этап складывания историко-культурного облика Самарской

Луки происходили не одновременно по всей её территории, а из отдельных центров и местностей, постепенно распространяясь затем на периферию района.

К первым таким центрам, сохранившим свою значимость до рубежа XVII-XVIII вв., относились находящаяся к юго-востоку от основного массива Жигулей низменность (в дальнейшем мы будем называть её Рождественской по первому возникшему на её территории селению) и так называемое Надеинское Усолье на западе "большой" Самарской Луки.

Складывание Рождественского центра началось на рубеже XVI-XVII вв. с появлением на правом берегу р. Волги напротив Самарского города с. Рождествена и караульных острожков, где несли службу воинские люди Самары.

Данный центр складывался под эгидой и на земле самарского домового патриаршего Спасо-Преображенского монастыря. Основной населенный пункт вотчины (и самый ранний) был основан вотчинными властями сразу как село, то есть с храмом во имя Рождества Христова. Об этом свидетельствует тот факт, что едва ли не единственное из всех селений Самарской Луки, Рождествено не имеет второго основного названия, не связанного с церковными праздниками или престолом храма.

Рождественский район Луки, состоящий из сел Рождествено, Подгоры (Ильинское), Новинки (Архангельское); деревень Выползово, Шелехметь, Торновое и других, складывался как полиэтничный, однако основное население его составляли

русские. Второй по значимости группой населения здесь была мордва.

Помимо Рождественской низменности переселенцы пытались освоить окружающие её овражные долины и лесные поляны – деревни Чу(а,е)ракаева, Ижбулдина, Ахтулина и другие. Правда, в конце концов эти попытки оказались неудачными.

В 1671г. Рождественский населенный район перешел под управление (и во владение) Дворца. Однако характера протекавших на его территории процессов это нововведение не изменило.

Надеинское Усолье, как второй крупнейший центр освоения Самарской Луки, возникло несколько позднее – в начале 1630-х гг., когда соляные источники по течению маленькой речки Усолки (левого притока р.Усы, впадающего в последнюю близ её устья) с обширными окрестностями были отданы в 1631/32г. ярославскому гостю Надее Светешникову. В местной краеведческой литературе, а порой и в исследованиях профессиональных историков, встречается мнение, что освоение данной территории, возникновение солеваренного центра было положено известными русскими солепромышленниками Строгановыми, получившими Самарское Усолье в начале 1580-х гг. в награду за организацию похода отряда Ермака Тимофеевича в Сибирь. Однако серьезный анализ всей совокупности источников опровергает эту гипотезу³.

Вместе с тем совершенно очевидно, что русское население появлялось в данной местности и основывало здесь постоянные селения задолго до присоединения Среднего Поволжья к России. Например, в золотоордынский период в конце XIII-XIVвв. здесь существовал целый ряд поселений – Березовское селище, Комаровское селище, селище у д.Печерские Выселки и другие, среди населения которых преобладал славянский компонент. До Светешникова на территории Надеинского Усолия в устье Усы в конце Смутного времени в 1614г. был построен временный русский сторожевой острожек.

Постоянное освоение западной части Самарской Луки началось с основания у соляных источников по руслу р.Усолки,

так называемых, Усольских слобод, позднее в начале XVIIIв. слившихся в единое с.Усолье. На первом этапе – с 1631/32 до начала 1660гг. все основные поселения Надеинского Усолья концентрировались вокруг укрепленного городка и Усольских слобод, и только в 60-80гг. сельское расселение перешагнуло за Усу на восток, на территорию "малой" Самарской Луки, где возникли такие крупные селения, как Жигули, Переволока, небольшие чувашские и мордовские деревни.

Как и в случае с Рождественским центром расселения, основными жителями Самарского Усолья были русские. Второй по значению, но значительно меньшей по численности группой там являлись чувашские переселенцы.

Складывание сети сельских поселений, освоение территории Усолья происходило значительно медленнее, чем округи села Рождествена на востоке Самарской Луки. При Светешниковых (1631/32-1658гг.) был освоен сравнительно небольшой по территории район в окрестностях р.Усолки и Усольских гор. После перехода владения в руки Савво-Сторожевского монастыря (1660-1700гг.), наряду с продолжавшимся заселением старых районов, отдельные поселения (сс.Жигули и Переволока, д.Новый Теплый Стан на Брусянском ключе) появились к востоку от нижнего течения р.Усы. И, наконец, в 1701-1710гг., когда вотчина фактически находилась под управлением Монастырского приказа, а также в 1710-1728гг., после перехода этих земель к А.Д.Меншикову, сложилась совокупность сел и деревень Надеинского Усолья, практически, полностью сохранившаяся до настоящего времени.

Еще один район раннего сельского расселения на Самарской Луке начал складываться в 40-50-е гг. XVIIв. В него входили территории центральной части Самарской Луки, труднодоступные, как правило, залесенные и изрезанные овражными долинами места, удаленные от волжского побережья и как бы зажатые между восточной границей Надеинского Усолья и западными пределами Рождественской низменности. Эту территорию осваивало прежде всего чувашское и мордовское население. Сеть селений, формировавшаяся здесь на протяжении

второй половины XVII-начала XVIII вв., в отличие от двух вышеуказанных районов, являлась неустойчивой, значительная часть селений или запустела, или позднее их жители были переселены в другие места.

По характеру формирования, владельческой принадлежности сел и деревень следует выделить в отдельный район расселения прибрежные – северную и южную части Самарской Луки. Первые поселения на этих участках берегов Волги появились в конце 30-х - начале 40-х гг. XVII в. Основывались они (Моркваша, Брусяна, Осиновка, Кольцово и др.) по инициативе местных землевладельцев – самарских "служилых людей по отечеству".

Основным населением в помещичьих селах и деревнях являлось русское. В отличие от Надеинского Усолья и Рождественской округи, в прибрежной зоне сложилась мелкая дробная система владений, где в одном селении жили крестьяне нескольких помещиков. Как правило, поселения этого района не отличались многолюдностью, развивались сравнительно медленно, в них поздно строились храмы и практически не было господских построек.

Данное историческое районирование территории Самарской Луки предложено, исходя из характера её начального заселения, специфики складывания населённых пунктов. При рассмотрении же других сторон историко-культурного облика Самарской Луки – хозяйственной деятельности, взаимодействия с окружающей средой и т.д., мы находим подтверждение предложенному нами способу районирования, дополнительные аргументы в его пользу.

Оборонительные сооружения Самарской Луки

Особое положение Самарской Луки, до начала 1680-х гг. находившейся далеко за пределами границ постоянного земледельческого расселения

Российского государства, требовало создания надежной системы безопасности. Уникальные природные условия, опреде-

ляемые излучиной Волги, труднопроходимыми лесными и горными массивами, являлись надежными оборонительными заслонами и позволяли лишь несколько усилить, "акцентировать" рубежи, созданные природой.

На всем протяжении истории освоения "малой" Самарской Луки в XVIIв. самым слабым местом в её защитных рубежах являлся переволокский перешеек, через который вглубь Луки прорывались отряды кочевников или казаков. Первый укрепленный острожек в устье р.Усы, неподалеку от Переволок, был построен весной 1614г. в разгар борьбы с авантюрой И.Заруцкого. В этот острожек был поставлен отряд казанских стрельцов под руководством казанского головы Гордея Пальчикова, но защищал он не саму территорию Самарской Луки, а, прежде всего, волжский водный путь⁴. К лету 1614г. движение, возглавляемое И.Заруцким, было подавлено, и необходимость в пребывании постоянного вооруженного отряда на Луке отпала.

В третьей четверти XVIIв., когда началось интенсивное заселение центральной равнинной части Луки, самарские воеводы для того, чтобы защитить её население, перегородили переволокский перешеек тремя небольшими острожками, перед которыми были устроены надолбы. Здесь постоянно дежурили по 50 самарских стрельцов. Однако, как и в 1614г., данная система острожков просуществовала недолго, к тому же возведены они были на "чужой" земле Надеинского Усолья⁵. Место острожков заняла основанная в 1678/79г. Переволокская слобода с "городком", которая, судя по словам ее основателей, монастырских старцев, также должна была защищать западные внутренние районы Самарской Луки.

Кроме того, внутри Луки сложилась еще одна система оборонительных сооружений. Первые известия о ней относятся к 30-м годам XVIIв. и говорят об уже существующем оборонительном рубеже. Речь идет о караулах, устроенных в первой трети XVIIв. несколько западнее с.Рождествена (между современными селами Рождествено и Новинки), там, где впоследст-

вии вольные переселенцы основали деревню Подкараульную⁶. Эти караулы или острожки к середине XVIIIв. исчезли.

Однако непосредственная опасность для жителей территории восточнолукской подгорной низменности все же имела место, и поэтому в описаниях Рождествена, Ильинского (Подгор) и других селений мы встречаем примитивные оборонительные сооружения типа забора "с боями" вокруг храма, укрепленного приказчиьего двора и т.п.⁷ Даже здесь, несмотря на то, что с Левобережья местные броды охраняла Самарская крепость, бывали случаи, когда отряды башкир или калмыков, переправившиеся через Волгу, врвались в мирные села и деревни.

Практически каждое крупное селение на "малой" Самарской Луке в XVIIIв. имело собственную систему укреплений. Например, в с.Жигулевке в 60-80-х гг. рыбный промысловый двор фактически был превращен в небольшую крепость.

В отличие от русских, селившихся на открытых пространствах, жители чувашских и мордовских селений предпочитали естественноприродные укрытия, прятали свои деревни в труднодоступных местах.

В наиболее сложном положении находилась западная часть Надеинского Усолья за переволокским перешейком, соляные промыслы и селения которой были практически открыты для нападений кочевников. Переправа через р.Усу (поблизости от современных Шигон) в старину так и называлась Ногайский Брод. Для защиты промысла Надеей Светешниковым в "степи" на подступах к Усольским слободам был построен хорошо укрепленный городок с сильным вооружением. По мнению С.В.Бахрушина, по своему оборонительному потенциалу городок превосходил такую крупную сибирскую крепость, как Красноярск⁸. Сменившие Светешниковых власти Савво-Сторожевского монастыря поблизости от старого, обветшавшего соорудили новый городок (рядом с Усольским горами), также неплохо вооруженный. Кроме городка в Усольских слободах было построено несколько дополнительных оборонительных пунктов – забор-тын, сторожевая башня и т.д. Подоб-

ная защита не была лишней. За время своего существования Надеинское Усолье несколько раз подвергалось нападениям кочевников. Для того, чтобы предупреждать об опасности жителей селений, работавших в полях, на вершине одной из Усольских гор – Караульном бугре, был поставлен специальный пост, где в случае внезапного нападения зажигали лагун с жиром. Об этом обычае со слов местных жителей свидетельствуют П.С.Паллас и И.И.Лепехин.

В начале 1670-х гг., вскоре после завершения движения Степана Разина, монастырские власти исколотали себе право построить на Переволоке слободу с укрепленным городком для обороны промыслов с юга. Укрепления Переволоковской слободы заменили пришедшую в полный упадок систему острожков, сооруженных здесь ранее самарскими воеводами.

Окончательно опасность с запада для Надеинского Усолья была снята только после строительства Сызрани, Кашпира, основания слобод, населенных служилыми людьми – Печерской, Усинской и др. Но даже в этих условиях на ближайших подступах к Усолью, к каковым, например, относилось с.Костычи (Городище), устраивались небольшие укрепленные городки.

Ряд исследователей считает, что западная часть Пензенско-Сызранской черты, строившейся в первой половине-середине 1680-х гг., доходила до Усольских гор. Однако в действительности укрепления этой черты существовали только в проекте. Строительство её так и не осуществилось⁹.

Специальными укреплениями и значительной огневой мощью обладали рыбацкие монастырские ватаги, окружавшие Самарскую Луку: Сокская, Васильчиковская и др.

Так поликомпонентно складывалась в XVII столетии оборонительная система Самарской Луки, главными опорными рубежами которой были созданные самой природой акватория Волги, горы и леса, а также укрепления и гарнизоны Самарской и Усольской крепостей.

Население и его состав. Основные миграционные потоки

На протяжении всего рассматриваемого периода Самарская Лука являлась территорией заселяемой, постоянно притягивающей к себе переселенцев¹⁰. Только в конце XVII - начале XVIII вв. здесь обнаруживается аграрное перенаселение, и, как следствие этого, резко возрастает массовый отток жителей на Левобережье, в область яицкого (уральского) казачества. Сравнительно небольшие размеры "малой" Самарской Луки, отсутствие свободных удобных для земледелия земель являлись главным ограничителем на пути притока новых переселенцев.

У Надеинского Усолья возможности для дальнейшего освоения были куда шире. Поэтому перенаселенность этой территории сказалась значительно позднее.

Основные данные о количестве жителей Луки в то время приведены в таблицах Приложения. Поэтому, не повторяя их в тексте, попробуем выявить основные тенденции в формировании населения.

До 70 начала 80-х гг. XVII в. рост числа жителей происходил в основном за счет притока вольных переселенцев. Необходимо сказать, что интенсивность миграционных процессов была достаточно высока. К примеру, за 25 лет после переписи 1646г. население монастырских селений Рождественской округи выросло почти на три четверти. В Надеинском Усолье за чуть больший период (примерно за 30 лет), к переписи 1678г. количество жителей увеличилось не менее чем в 3 раза.

О постоянном присутствии новоселов свидетельствуют данные о составе крестьянского и промыслового населения вотчин, высокий процент среди них бобылей, соседей и подсоседей.

Создается впечатление, что основной костяк жителей восточной части Самарской Луки сложился примерно к середине XVII столетия, а в Надеинском Усолье и того позже, не ранее 70-х гг. Видимо, с этого времени можно говорить о формиро-

вании каких-то традиций, местных особенностей быта, культуры, устоявшихся навыков хозяйствования и проч.

Основной поток переселенцев в этот период шел прежде всего из уездов Казанского Поволжья (Алатырского, Тетюшского и других) и Нижегородского (Арзамасского уезда). Из Казанского Поволжья прибыло до 60% всех переселенцев, которые сообщили о местах своего бывшего проживания, из Нижегородского – до 30%. Казалось бы наиболее удобным путем проникновения на Самарскую Луку был речной волжский, однако перечень уездов, откуда шло переселение, свидетельствует о том, что миграционные процессы имели направление с северо-запада на юго-восток, через лесостепь, и значительная часть новопоселенцев проникала внутрь Луки как бы через горлышко бутылки – через переволоцкий перешеек. Однако, трудно отрицать и значимость волжского пути для восточных районов полуострова.

Довольно редкими были дальние переходы переселенцев, например, из центральных уездов страны через тысячи километров на более свободные от крепостнических отношений самарские окраины. Думается, что права Р.В.Козлова, когда писала о том, что для XVIIIв. при заселении Среднего Поволжья более характерны как бы ступенчатые переселения, через каждые 200-300 км.¹¹ Крестьянские семьи, а порой они сплачивались в более значительные группы людей, представляющих одну сельскую общину-мир, зачастую просто не имели возможности уходить далеко. На такой поступок решались, как правило, одиночки.

Основной этнический компонент среди переселенцев составляли русские. Они-то и составили большую часть жителей монастырских и помещичьих селений.

Из народов Среднего Поволжья на Самарскую Луку шли, в основном, мордва и чуваша. Местные власти были крайне небрежны в определении национальной принадлежности переселенцев, и поэтому мы постоянно сталкиваемся с неразберихой в описании отдельных этнических групп.

Мордовские переселенцы облюбовали восточную часть Луки. Деревни, расположенные здесь, заселила мордва-мокша из западных уездов Среднего Поволжья¹². Меж тем, судя по более ранним источникам XVI начала XVIIвв., когда освоение природных богатств края происходило наездом, можно сделать вывод о том, что в данном случае инициатором освоения явилась мордва-эрзя из центральных и восточных районов Среднего Поволжья¹³.

Чувашские селения появились прежде всего в центральной и западной частях Луки. Первые из них возникли несколько позднее мордовских, не ранее 1640-х гг.

Весьма трудно решить вопрос о приоритете, первенстве русского или мордовского населения в освоении края. Все же, исходя из косвенных данных, можно предположить, что первым сельским поселением Самарской Луки в рассматриваемый период явилось русское Рождествено.

В последней четверти XVII - начале XVIIIвв. произошли значительные изменения в характере и направлениях миграционных процессов. Резко снизилась доля вольных переселенцев, прежде всего беглых. Способствовали этому два обстоятельства - вовлечение территории региона в общий процесс развития крепостнических отношений и активизация системы государственного сыска беглых. Если ранее власти Надеинского Усолья могли найти защиту от сыщиков у самого государя, то в конце XVIIв. положение изменилось. Несмотря на это обстоятельство, численность населения Усольских селений продолжала увеличиваться (как, впрочем, и населения близлежащих монастырских владений). Однако, происходило это прежде всего за счет переводов населения из вотчин в центре страны.

Классическими среди таких переводов выглядят действия московского женского Вознесенского монастыря, переселившего в окрестности Луки (с. Костычи) несколько сотен своих крестьян из Владимирского и смежных с ним уездов, а также перевод в 1706 году из владений Г.И. Головкина в Пен-

зенском уезде около 700 человек мужского пола на "свободные тягла" в селения Рождественской волости¹⁴.

Если ранее, до начала 1670-х гг. переводы населения были довольно редким явлением, производились небольшими группами, то позднее они стали массовыми и превратились в основной источник роста численности населения.

Былые традиции вольных миграций поддерживали в это время мордва и чуваша, в значительных количествах переселявшиеся на Луку. Выявление представителей этих народностей в результате массовых розысков не приводило к возвращению беглецов на старые места жительства, а фиксировало их в качестве местного податного населения.

Новым для дворцовых селений восточной части Луки в последние десятилетия XVII начале XVIII вв. стал массовый отток населения. Результаты переписей первого десятилетия 1700-х гг. (крайне неточные, о чем говорят все специалисты) показали настоящее запустение селений Рождественской волости. Например, в Рождествене в 1678г. насчитывалось 200 дворов, а в 1708г. только 41, из них 38 старых, существовавших в 1678 году. В Выползове вообще произошел уникальный случай, когда никого из старожилов в 1708г. в деревне не оказалось¹⁵. Наиболее значительным был отток населения на Яик, к вольному казачеству.

Данные первой ревизии по Самарскому уезду дают нам общую численность мужского населения примерно в 4000 человек. При этом старейшие села и деревни восточной подгорной низменности – Рождествено, Ильинское (Подгоры) и другие практически не дали прироста жителей,

Более активно происходил рост населения в Надеинском Усолье, где примерно за 40 лет к первой ревизии его численность выросла в 3 раза.

В последней четверти XVII начале XVIII вв. произошло выравнивание состава жителей, значительно уменьшилось количество соседей и подсоседников. Сложный состав населения Надеинского Усолья был обусловлен, прежде всего, промысловой направленностью хозяйства вотчины, где термин

"бобыль" далеко не всегда означал малоимущего по сравнению с крестьянином человека.

В отличие от более раннего периода, население Луки в это время в значительной степени пополнялось за счет жителей центральных уездов страны.

§ 3. Занятия населения. Особенности природопользования

Земледелие Устройство начальных постоянных поселений на Луке положило начало возникновению первого в Самарском крае устойчивого района земледельческого сельскохозяйственного производства. Необходимо отметить, что небольшие земледельческие очаги здесь, на Луке возникали спорадически и раньше, в XVI столетии, когда мордва и чуваша Нижегородского и Казанского Поволжья "наездом" использовали природные богатства Самарского Правобережья. Отдельные свидетельства об этом явлении содержатся в ряде источников¹⁷.

Первое письменное известие о посевах зерновых в районе современного с.Подгоры датируется концом 1620-х гг. Естественно, что оно не отражает начало русского земледелия в регионе, а является лишь наиболее ранним упоминанием о нём.

Характерной чертой Самарской Луки являлось то, что первоначальное хозяйственное освоение её территории в значительной степени носило промысловый характер, ориентировалось на развитие рыболовства и солеварения. Поэтому, например, в Надеинском Усолье земледельческое производство имело подсобный характер и только в последней четверти XVII столетия превратилось в одну из важнейших отраслей вотчинного хозяйства.

Несколько по-иному обстояло дело в Рождественской волости, где рыболовство и прочие промысловые отрасли не играли столь значительной роли и, напротив, находились на вторых ролях. Патриаршие и монастырские власти видели в развитии

сельского хозяйства один из важнейших источников дохода и поощряли развитие этой отрасли. На данной территории производство носило аграрно-промысловый характер, а не наоборот.

Земледелие являлось важнейшим занятием населения в ясачных поселениях мордвы и чувашей, а также в помещичьих деревнях и селах.

Следует отметить ещё одну особенность в развитии земледелия на Самарской Луке. Аграрное перенаселение на данной территории и, прежде всего, в Рождественской округе начало ощущаться только в последние десятилетия XVIIв. Однако, если мы обратим внимание на средние размеры пахотных наделов, приходящихся здесь на одну крестьянскую семью, то увидим, что они не уступают, а порой и превосходят среднюю обеспеченность крестьянских дворов в центральных непромысловых районах страны. Даже преимущественно промысловое Надеинское Усолье имело в этом отношении вполне сравнимые показатели с другими районами Европейской России. Объяснить эту особенность можно, только исходя из всей совокупности развития сельскохозяйственного производства на Самарской Луке в изучаемый период.

Первые переселенцы, приходя в южные районы Среднего Поволжья, сталкивались с несколькими новыми для себя факторами, которые имели естественный природный характер. Выходцы из нечерноземного центра России, нижегородского Поволжья вместо привычного короткого сырого лета с частыми похолоданиями и ранними заморозками вдруг попадали в жаркий длительный весенне-летний период, где основным врагом земледельца являлись не холод и дожди, а жара и постоянные засухи. Вместо истощенных малоурожайных почв центра переселенцы встречали необычайно, на их взгляд, плодородные черноземы Поволжья, говоря словами И.Посошкова, "подрайскую землю".

Нельзя сказать, что почвы Самарской Луки отличались особым плодородием. Об этом свидетельствуют объективные почвенные характеристики и даже высказывания тогдашних

межевщиков – оценщиков, называвших местные земли по качеству "средними" (разумеется не все). И все же средневожжские пахотные угодья позволяли без сколько-нибудь значительной обработки, без которой нельзя было обойтись в центре, с гораздо меньшими трудовыми затратами снимать вполне неплохие по тому времени урожаи в сам-4 и более. Таким образом, при весьма поверхностной обработке таких же по размеру или больших земельных участков, чем в центре страны, местный земледелец имел возможность высвободившееся время и силы направить на какое-либо другое занятие.

Ещё одна характерная особенность состояла в следующем. По крайней мере до последней четверти XVIIв. на Самарской Луке существовали излишки свободных удобных для земледелия пространств. Это обстоятельство позволяло местным крестьянам при общем распространении трехполья совмещать его с перелогом. Использовать новые плодородные почвы, хищнически эксплуатировать их, а затем забрасывать и менять на новые свободные участки было гораздо легче и выгоднее, чем тщательно ухаживать за старыми, уже истощенными. Недаром на Самарской Луке и прежде всего в Надеинском Усолье так много было пашни, которая "лесом поросла". Неизбежное возвращение к правильному регулярному трехполью на востоке Луки произошло в последней трети XVIIв., когда запасы "дикого поля" оказались исчерпанными.

Кстати, отсутствие унавоживания полей и до крайности упрощенную агротехнику наблюдали на Самарской Луке гораздо позднее описываемого периода в 1760-х гг. П.С.Паллас и И.И.Лепехин.

Не совсем ясно, насколько развитие земледелия, расширение пахотных угодий смогли оказать влияние на уменьшение площади лесов. В документах встречаются отдельные отрывочные сведения о подсечном земледелии, но широкого распространения этого способа увеличения запашки на Самарской Луке не наблюдалось.

В регионе культивировалась весьма обыденная для сельского хозяйства страны система зерновых культур. Единственной

озимой зерновой культурой и, пожалуй, наиболее распространенной среди всего набора зерновых (см. табл.) являлась рожь. Ею засевали весь озимый клин, примерно равный яровому.

Среди яровых на первом месте находился овес. Ему значительно уступали пшеница и ячмень. Ещё меньшую роль играли горох и просо. Об особом месте ржи в хозяйстве самарского крестьянина говорит следующий факт. Если при посеве доля ржи составляла менее 40% от всех высеваемых культур, то при умолоте она доходила почти до 60%.

Представленный набор зерновых культур играл важнейшую роль в стабильном ведении сельскохозяйственного производства. Дело в том, что бичом Среднего Поволжья были частичные неурожаи, при которых терялся урожай или озимого хлеба, или ярового, или одной из яровых культур. Такие неурожаи повторялись через каждые два-три года, и избежать настоящего голода можно было, используя только весь набор зерновых культур.

Сельское хозяйство Самарской Луки практически полностью обеспечивало его население, как занятое в земледелии, так и промысловое, продуктами земледелия и животноводства. Так, в Надеинском Усолье в последней четверти XVIIв. местные промышленники смогли создать крупные запасы хлеба на несколько лет вперед и даже, правда, нерегулярно продавать его.

Вместе с тем на протяжении всего изучаемого периода Самарская крепость, защищающая Луку и управляющая ею, существовала прежде всего на привозном хлебе, местного для городских жителей не хватало, да и, видимо, задачи снабжения городской округи перед местным населением просто не ставилось. Во второй половине XVIIв. самарские воеводы попытались завести в районе Бруснянского оврага на границе с Надеинским Усольем десятинную пашню, но из-за труднодоступности и нежелания самарян на ней работать, скольконибудь значимой прибавки хлеба она не дала.

Описания Самарского уезда, прежде всего дворцовых земель, конца XVII - начала XVIII вв., Надеинского Усолья времен пребывания во владении Савво-Сторожевского монастыря создают представление о практически полностью освоенном регионе со сложившимся землепользованием, системой переработки зерна на многочисленных мельницах, со своей инфраструктурой дорог, водопоев для скота, прогонов и т.д. Основы сельскохозяйственного комплекса Самарской Луки были заложены именно в это время.

Сравнительно небольшие размеры удобных для развития зернового сельского хозяйства земельных самаролукских угодий, ограниченность территории Луки, интенсивное развитие промысловых отраслей не позволили данной территории превратиться в значительный земледельческий район, центр аграрного освоения края. На западе эту роль на себя взяло Сызранское Поволжье, на востоке, начиная со второй трети XVIII в., Самарское Левобережье.

Промысловое рыболовство В конце XVI - XVII вв. на Средней и Нижней Волге, приблизительно от устья Камы до Каспийского побережья, включая нижнее течение р.Яик (Урал), сложился уникальный промысловый район, снабжавший ценными сортами красной рыбы практически всю Европейскую часть России. В этом промысловом регионе Самарская Лука и окружающая её акватория по насыщенности рыболовецкими ватагами, рыбными дворами, по количеству промышленников и размерам промыслов занимала почетное второе место вслед за всероссийским лидером – Астраханским промысловым центром¹⁸.

История крупного хорошо организованного русского рыболовства в самаролукских волжских водах получила отражение в документах, относящихся еще ко временам Казанского ханства. До автора "Казанского летописца" дошло известие о том, что в районе Девичьих гор на Волге (по всей видимости, в районе Жигулей) в начале 1520-х годов промышляло до 10000 русских рыболовов¹⁹.

После присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству первыми крупными промышленниками края стали центральные монастыри – московский Чудов, подмосковный Троице-Сергиев, нижегородский Печерский и другие. Состав предпринимателей, ловивших волжскую рыбу в окрестностях Самарской Луки, постоянно менялся; в него входили непривилегированные промышленники – купцы, служилые и посадские люди, крестьяне; приказчики Дворца, но прежде всего, разумеется, церковно-монастырские корпорации.

Количество светских непривилегированных промышленников, несомненно, было выше, чем число монастырей-предпринимателей. Первую скрипку среди первых играли такие богатейшие люди страны, как гости и члены гостиной сотни: Н.Светешников, К.Климшин, братья Задорины. Однако, в условиях средневековой России победа оставалась за пользовавшимися феодальными привилегиями монастырями. К концу XVII началу XVIII вв. в волжских рыбных ловлях вокруг Самарской Луки обосновались такие крупные владельцы, как звенигородский Савво-Сторожевский монастырь (его ловли начинались от Куньей Воложки близ современного Тольятти и, чередуясь с владениями других предпринимателей, спускались вниз по Волге за Сызрань), московский Вознесенский девичий монастырь, получивший в вотчинное владение Соковские юрты и волжские воды, примыкающие к ним, нижегородский Благовещенский монастырь, заведший свои ватаги в окрестностях Самары, самарский мужской патриарший Спасо-Преображенский монастырь с его промыслом в реках Самаре и Волге.

Частичная секуляризация церковной собственности, проведенная правительством Петра I в самом начале XVIII в., положила конец дальнейшему поступательному развитию монастырского промыслового предпринимательства. С 1710 по 1728 гг. крупнейшие рыболовные промыслы у Самарской Луки перешли к А.Д.Меншикову. После падения последнего "ловли" вернули монастырям, однако век могущественных церковных корпораций был уже на исходе.

Огромные по сравнению с другими реками Европейской России размеры волжской акватории, невиданные количества суммарного улова и размеров единичных рыб (белуги, осетра, севрюги) привели к значительному усовершенствованию промысловых орудий. На волжских ватагах использовались огромные стряжневые и частичковые невода размером от 400 до 800 метров, которые обслуживались целыми бригадами наемных и крепостных работников; сложные самоловы и т.д.

Специфика нерестового хода красной рыбы диктовала сроки и очередность промысловых путин, подбор орудий лова. Основным объектом промысла являлись белуга, осетр, севрюга. В огромных количествах вылавливалась белорыбица (из семейства сиговых), а также стерлядь. Изредка зимой ловили лососей. Прочая рыба, называемая частич, ценилась гораздо ниже, и добывали её сравнительно немного. Знаменитую впоследствии волжскую сельдь-"бешенку" в те времена считали сорной рыбой и попросту выбрасывали. На отдельных промыслах размеры улова достигали десятков тысяч пудов.

Центрами промысловых ватаг являлись рыбные дворы. Первоначально, в конце XVI — начале XVIIвв., рыбные дворы представляли собой примитивные сооружения на волжских островах, в укромных прибрежных местах. Полые вешние воды постоянно разрушали углые шалаши, сараи и сушила; каждый год их приходилось вновь восстанавливать.

С распределением волжского побережья между предпринимателями, прежде всего центральными монастырями, последние смогли приступить к сооружению более серьезных капитальных построек. В 1630-1640гг. крупные рыбные дворы были устроены в Рождествене, в Надеинском Усолье. Подлинный расцвет промысловых подворий, превращение их в крупнейшие центры переработки рыбы произошел в последней четверти XVIIв.

В это время рыбные дворы работали в с.Жигули, в устье р.Сок, в окрестностях Самары (двор нижегородского Благовещенского монастыря), на Васильевском острове, в Переволочской слободе. Каждый из таких дворов представлял собой

комплекс весьма разнообразных сооружений, предназначенных для переработки и хранения больших количеств рыбы, поступавшей за весьма ограниченное время промысловой путины. Зачастую такие дворы, обнесенные по периметру крепким забором, одновременно представляли собой укрепленный городок, где рыболовы и местные жители могли переждать внезапное нападение кочевников или казачьей вольницы.

Следует отметить традиционность устройства рыбного двора XVII - XVIII вв. Заметки о подобных сооружениях, сделанные П.С.Палласом и И.И.Лепехиным, во многом совпадают с более ранними описаниями XVII начала XVIII вв.

Основным материалом для строительства построек было дерево. Одним из главных сооружений рыбных дворов являлся плот. Плоты, деревянные настилы, примыкавшие к берегу и далеко уходившие на сваях в акваторию реки, иногда имели навес. На плот выгружалась из лодок пойманная рыба, там же её сортировали и разделявали. Дощатый помост плота порой достигал весьма крупных размеров в 200 и более квадратных метров.

Разделанная рыба и продукты из неё – икра, молоки, вязига и т.д. поступали внутрь двора для дальнейшей обработки. Нанизанный на "петли" частик вывешивался в открытых с боков сараях – сушилах для дальнейшего вяления.

Крупная красная рыба, в основном весеннего и летнего улова, так называемая "жаркая", натиралась солью и укладывалась в специальных полуземляночных помещениях в ящики с рассолом, которые окружал лёд. Особой обработке подвергались балыки из красной рыбы. В специальном икраном сарае обрабатывалась и засаливалась икра, в жировом амбаре вытапливался рыбий жир. Кроме того, внутри рыбных дворов находились амбары для хранения соли, съестных припасов, избы для проживания работных людей, поварни и даже конюшни. На огромных рыбных дворах Астраханского края строились даже храмы, однако в Самарском Поволжье таких случаев не было.

Таким образом, рыбные дворы являлись центрами крупных промысловых районов, где соединялись все нити организации, руководства и даже обороны промысла, жили наемные и зависимые люди, производились основные работы по переработке и подготовке к хранению улова.

Развитие крупного промыслового рыболовства породило определенную специализацию среди работных людей, появление среди них настоящих профессионалов. Недаром Патриарший Дом использовал самарских рыболовов на своих промысловых заведениях в Нижнем Поволжье.

Местная промысловая округа превратилась в крупный центр торговли рыбой. Кроме того, тысячи пудов красной рыбы и продукции её переработки вывозились для продажи в Нижний Новгород, на Макарьевскую ярмарку, в Москву, для потребления в сами монастырские обители.

О размерах улова и переработки рыбы свидетельствуют суммы, вырученные от её продажи. К примеру, в начале XVIIIв. промышленники Савво-Сторожевского монастыря добывали рыбы на 3-4 тысячи рублей, деньги по тем временам огромные.

Итак, рассматривая рыболовные промыслы Самарской Луки в XVII - начале XVIIIвв., мы наблюдаем возникновение на территории полуострова уникального по своей специфике крупного промыслово-перерабатывающего комплекса, основная часть продукции которого ориентировалась на рынок. В местных селах и слободах сложились свои достаточно квалифицированные кадры, своя устойчивая система организации труда, свой технологический цикл, опирающийся на необходимое для его осуществления оборудование.

Солеварение В отличие от рыболовства солеварение получило распространение только в Надеинском Усолье¹⁹.

Несмотря на то, что добыча соли велась на Самарской Луке с глубокой древности²⁰, первым основателем крупного, хорошо организованного и технически оснащенного предприятия стал в начале 1630-х гг. богатый ярославский гость Надея Светешни-

ков²¹. В 1660г. "варничные заводы" перешли к старцам звенигородского Савво-Сторожевского монастыря, а после секуляризации монастырской вотчины в начале XVIIIв. потеряли промышленное значение²².

Надеинское Усолъе значительно уступало по масштабам производства большинству солеваренных центров страны. Но по своим абсолютным размерам, по количеству добываемой соли, по числу занятых на промысле людей и способу организации их труда, по получаемой от реализации готового продукта прибыли это было крупное для своего времени предприятие добывающей промышленности. При изучении предприятий такого типа необходимо учитывать специфику солеваренного промысла, где в одном месте, на протяжении одного временного отрезка полностью осуществлялось изготовление готового продукта, необходимого массовому потребителю, а сам процесс выварки соли являлся только конечным пунктом единого производственного цикла, состоящего из операций по получению рассола, заготовке дров, постоянной наладке и ремонту оборудования. При этом единичную варницу необходимо считать одним из агрегатов большого производственного комплекса. Такой точки зрения придерживаются многие из исследователей, непосредственно занимающихся изучением средневековых солеваренных промыслов.

По своей технической оснащенности, технологическим особенностям производственного процесса соляной промысел Надеинского Усолъя близок к пермскому типу, наиболее передовому по тем временам в стране. Надея Светешников, имевший соляные варницы и в Прикамье, не стал устраивать на Самарской Луке промысел с устаревшей технологией, характерной для многих солеваренных центров центральной и северо-западной России.

Период расширенного воспроизводства на промысле следует отнести только ко времени его становления: 1631-1646гг. После завершения Разинского движения усилиями одного из наиболее энергичных монастырских старцев-промышленников Леонтия Моренцова промысел был перестроен и отлажен. За-

тем, в последней четверти XVIII в. прослеживается тенденция к постепенному снижению размеров производства, часть оборудования простаивала.

Добыча соли велась на сравнительно небольшой территории правого берега реки Усолки, между рекой и северо-западной оконечностью Жигулевских гор. Здесь вдоль узкой террасы, по бичевнику, было множество соляных ключей. Условия залегания соли и характер истечения соляных источников позволяют представить первый этап солеваренного производства – получение рассола из недр земли с помощью соляных труб. По всей видимости, приказчики Надеи Светешникова пытались первоначально бурить довольно глубокие скважины, как это было на промыслах в Соли Камской или в Костромском уезде. Подобные попытки не могли дать положительного результата, так как залежи каменной соли и линзы, заполненные рассолом, находились далеко в стороне от места выхода на земную поверхность соляных ключей, под горами, а соленосные потоки, проходившие под землей параллельно руслу реки Усолки, имели небольшую мощность. В Надеинском Усолье нужны были неглубокие скважины в местах выхода из-под земли соляных ключей.

Остатки колодцев и труб для выкачки рассола описали П.С.Паллас, И.И.Лепехин, геолог П.П.Ефимов. Всего таких колодцев-скважин насчитывалось не менее 6. Способы получения рассола из скважин с помощью специальных помп, подачи его к варницам и хранения практически не отличались от других промыслов страны. Концентрация рассола из соляных источников составляла около 5% и была значительно выше, чем в большинстве старых центров русского солеварения (Старая Русса – 1,3%, Тотьма – 3,5%), но в то же время сильно уступала рассолам Серегова и Соли Камской. Качество вываренной соли не могло быть хорошим из-за большого количества примесей.

При Светешниковых одновременно работало не более 6 варниц, хотя всего насчитывалось 10 варничных мест²³. Шесть действующих варниц под теми же названиями упоминаются и в

последней трети XVII в., однако одновременно соль варилась не более чем в 4-5. Главными сооружениями в варнице – большом деревянном сооружении были црен и под ним печь. Црен представлял собой большую металлическую сковороду, площадью в 20 и более кв. м, с низкими стенками, изготовленную из железных полос – полиц. Соль получали в результате выварки постоянно подливаемого в црен и выпариваемого рассола. За год на одной варнице производили около 42 варь. С каждой вари, когда непрерывно в течении 4-7 дней происходило выпаривание рассола и поддерживался огонь в печи, получали 140-145 пудов соли. Такая длительность вари или "наряда" в XVIIв. наблюдалась и в других солеваренных центрах страны: Старой Руссе, Тотме, посадских варницах Соли Галицкой.

Любопытное описание процесса получения соли в Надеинском Усолье оставил в 1669г. голландский путешественник Я.Стрейс. Он писал: "... Мы остановились у соляной горы, где расположились недавно отстроенные деревни. Мы увидели много соляных котлов и котловин, где под жаркими лучами солнца образуются большие залежи соли, которые отправляют большими грузами вверх по Волге, по направлению к Москве. Добыча соли дает работу многим людям и способствует развитию большой торговли"²⁴. Видимо, в это время соль вываривали не только в специальных варницах, но и в более примитивных сооружениях под открытым небом. В последней четверти XVIIв. средняя производительность каждой из действовавших в это время 4-5 варниц составляла 5800-6000 пудов соли. Так как устройство варниц на протяжении всего времени существования промысла не менялось, то подобная производительность, скорее всего, характерна для всего времени существования Усолья. На неё влияли три фактора: насыщенность рассола, размеры цренов и время работы варницы в течении года. При одновременно действующих 6 варницах Надеинского Усолья на них вываривалось 35-36 тысяч пудов соли. В 1680-1690гг. на 4 варницах получали за год примерно 23-24 тысячи пудов. Таким образом, хотя каждая единичная варница прак-

тически не уступала аналогичным устройствам других промыслов (при одинаковой насыщенности рассола), размеры производства в Самарском Поволжье по своим масштабам не могли конкурировать с другими центрами русского солеварения и не имели, по крайней мере во второй половине XVIIв., серьезного воздействия на экономику страны.

Тем не менее, даже сравнительно небольшие солеваренные центры в средневековой России (а их количество было невелико) оказывали огромное влияние на всю округу, являлись уникальными хозяйственно-производственными комплексами. Не было исключением в этом отношении и Надеинское Усолье.

Прочие занятия населения.

Некоторые особенности природопользования

Сколько-нибудь серьезный анализ прочих хозяйственных занятий местного населения произвести практически

невозможно из-за скудости сохранившихся источников.

Несомненно, весьма значительной отраслью хозяйства являлось животноводство. Об этом свидетельствуют большие площади сенокосов, постоянные упоминания о местах прогона и выпаса скота, о распространении извоза среди местного населения. Табуны лошадей и стада коров пасли на богатых травах волжской поймы, перегоняли по бродам на острова. Сенокосы располагались не только на Самарской Луке, но и на левобережье Волги, в местах опасных из-за нападений кочевников. Крупные скотные дворы были устроены у Светешниковых, на промыслах Савво-Сторожевского монастыря, в Рождестве. Особые конюшенные дворы находились также на крупнейших рыболовных ватагах – в с.Жигулевке и других. Однако, животноводство являлось все же второстепенной подсобной отраслью хозяйства, не имело самостоятельного значения.

С развитием земледелия была связана и такая отрасль хозяйства, как мукомольство. Мельницы находились во всех удобных местах Самарской Луки, но особенно много их было на территории Надеинского Усолья с его разветвленной речной системой.

Весьма значимыми являлись лесные промыслы. Соляные варницы требовали столь много леса, что его приходилось заготавливать даже в лесах Левобережья, в Ягодном бору, у устья Черемшана. Практически все местное сельское строительство производилось из дерева. Изготовление бревен, досок, лубья, драниц, предметов хозяйственного и домашнего обихода занимало много времени у местных жителей. Занятия бортничеством и охотой были характерны прежде всего для мордовского и чувашского населения Луки. О бортных ухажаях, бобровых гонах, где промыслили первоначально наездом, свидетельствуют документы, относящиеся еще ко второй половине XVI столетия.

Развитие крупного промыслового предпринимательства повлекло за собой формирование ему сопутствующих вспомогательных занятий населения, таких, как кузнечное и кирпичное дело, гончарство, изготовление древесного угля, массовые заготовки дров (была даже профессия "дровяной задельщик"), плотничное и строительное дело.

Обычная сельская повседневная хозяйственная жизнь не выделяла каких-либо специализаций, но заставляла местных жителей быть мастерами на все руки.

Рассматривая занятия населения, мы не должны забывать, что большая часть жителей Самарской Луки находилась в составе крупных владений, где сложились хорошо организованные производственные (промыслово-аграрные или аграрно-промысловые) комплексы с весьма сложной технологией обслуживания основных потребностей, достаточно глубокой специализацией.

Активная хозяйственная деятельность местного населения на столь небольшой, ограниченной со всех сторон, территории, каковой являлась Самарская Лука, несомненно, должна была повлечь серьезные изменения в окружающем ландшафте, растительном и природном мире. На раннем этапе освоения экстенсивные занятия земледелием и скотоводством способствовали уничтожению части лесных массивов, участков "дикой степи", а на более позднем этапе, когда в конце XVIIв. наступило

аграрное перенаселение региона, максимально использовались любые возможности для хозяйственного освоения всех более-менее пригодных участков низменной части Самарской Луки.

Особую роль в уничтожении лесных массивов сыграло солеварение. Гигантские количества дров, поглощаемые варницами приводили к исчезновению больших лесов. Лучшим топливом для варничных печей считались сосновые дрова. Их заготавливали в окрестностях волжского побережья (такие дрова называли "плавежными"), а также и в глубине полуострова, откуда бревна подвозили зимним путем на санях. Ряд исследователей высказывают мысль о том, что прекращение промысла в начале XVIIIв. было обусловлено, прежде всего, истреблением лесов в ближайшей округе. Однако, это предположение вызывает сильные возражения и нуждается в дополнительной проверке.

Не менее очевидно воздействие хозяйственной деятельности человека на животный мир Самарской Луки, ихтиофауну окружающих её вод волжской акватории. К концу XVIIв. резко упал вылов такой ценной промысловой рыбы как белорыбица, реже стал попадаться лосось. В Усе, Самаре, Соку и других окружающих Луку небольших реках, в озерах сравнительно ценные сорта промысловой рыбы – стерляди, судака и других были выловлены еще быстрее. Описания промысловых угодий, относящиеся к началу XVIIIв., свидетельствуют об исчерпании промысловых богатств этих водоемов. Леса Самарской Луки, где водились медведи и кабаны, волки, бобры и лисы, собирали в дупла мед дикие пчелы, вскоре из-за массового расселения в значительной степени утратили свой животный мир.

В конце XVII первой четверти XVIII столетия природно-хозяйственный комплекс Самарской Луки уже успел сложиться в основных своих чертах. Возникла естественная система саморегуляции человека и природной среды. Излишки населения, которые обнаружили в конце XVII начале XVIIIв., просто-напросто уходили с данной территории, искали более приемлемых условий для оседания.

**Складывание историко-культурного
облика Самарской Луки в конце
XVI - начале XVIIIвв.**

Рассмотрение отдельных сторон истории освоения Самарской Луки

в изучаемый период подтвердило уникальность процессов, происходивших на её территории, ценность изучения исторического опыта развития региона. Вместе с тем становится очевидным и то, что удалось выявить и рассмотреть только наиболее очевидные стороны в складывании историко-культурного облика Самарской Луки. Ряд моментов, может быть и не менее важных, остались загадкой.

Объясняются подобные трудности целым рядом обстоятельств. Одним из важнейших среди них является отсутствие источников, слабая их репрезентативность.

Не менее существенным, на наш взгляд, является и другое обстоятельство. Дело в том, что мы рассматривали небольшой по территории район в течение сравнительно короткого исторического периода. Думается, что процессы становления историко-культурного облика фактически на голом месте, без какой-либо преемственности традиций в эпоху средневековья должны были занимать более длительный период. Несмотря на то, что организующая роль владельцев крупных промыслов и сельскохозяйственных угодий вполне очевидна, население Луки просто не успело выработать сколько-нибудь заметного социального, культурного, бытового уклада, который получил бы отражение в имеющихся документальных источниках. Вместе с тем, читая описания этой местности, её культурно-этнографических особенностей у западноевропейских путешественников XVII - начала XVIIIвв. и прежде всего у Адама Олеария, можно сделать вывод о наличии уже в это время определенной традиции фольклорного объяснения топонимов данного региона, событий, некогда происходивших здесь.

Местные жители сами говорили о себе: "всякий сброд и наволока". Действительно, анализируя процессы переселения,

мы наблюдаем, как противоречиво сплетались самые различные миграционные потоки.

Оторванные от своих корней, попавшие в неизвестную природную среду люди должны были на протяжении нескольких поколений хозяйствовать на этой земле для того, чтобы выработать какой-либо общий уклад. Устойчивые традиционные черты местной культуры и быта, которые мы ищем, должны были проявить себя позднее, не ранее XVIII в. Пока же мы находим простое приспособление к новой среде, к данной природной нише. К примеру, рассматривая планировку сельских населенных пунктов, исследователь сталкивается с самыми различными способами её формирования от линейно-уличного до строгого поквартального, разбросанного кучного и т.д. Традиция, которая порой в старых давно освоенных районах могла пренебречь наиболее адекватным приспособлением к характеру местности, здесь, на Самарской Луке, пока что себя не проявляла. Кроме того, поселения все время находились в стадии расширения, зачастую перепланировки, многие из них переносились или исчезали. Этот процесс был преобладающим, несмотря на то, что в старейших из них, таких, как Рождествено, Усольские слободы, Жигули и других уже сформировались свои общественно-производственные центры с храмами, господскими постройками-городками, рыбными дворами и т.д.

Во время крупных социальных потрясений, к каковым, например, относится движение Степана Разина, сельская община-мир показала свою сплоченность и слабую дифференцированность. Практически все её жители действовали заодно, все вместе переходили на сторону повстанческих атаманов, коллективно приносили свои вины государевым воеводам. Во всех этих и других случаях непримиримые противоречия возникали между миром во главе со старостами и выборными, с одной стороны, и феодальными владельцами или их уполномоченными-старцами, приказчиками, наиболее доверенными слугами, с другой. Как правило, вместе с прихожанами заодно действовали и местные священники, другие представители клира

приходских храмов. К крайним формам сопротивления – вооруженной борьбе местное население обращалось чрезвычайно редко, только тогда, когда в округе появлялись повстанческие отряды, представлявшие мощные социальные движения. Традиционными способами сопротивления были легальные: подача челобитных местным воеводам, властям центральных монастырей, в московские приказы. Не добившись правды, люди или бежали к другим владельцам, что случалось чаще, или к казакам на Яик, либо останавливали промыслы, переставали платить подати.

Имеющиеся источники свидетельствуют о мирном сожительстве на Самарской Луке различных этнических групп населения: русских, мордвы, чувашей. Изредка возникавшие конфликты носили, как правило, обыденный житейский характер, в них крайне трудно уловить черты национальных противоречий.

В XVII начале XVIII вв. на территории Луки не сложилось каких-либо крупных противоборствующих конфессиональных групп. Местное чувашское и мордовское население, пришедшее сюда язычниками, насколько известно, не подвергалось насильственной христианизации.

Примечания

¹Сергеев В.И. Источники и пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. М., 1986.

²Перегатович Г.И. Поволжье в XV - XVII вв. М., 1877; др. книги автора; Багалеи Д.И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; Новосельский А.А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.

³Нажгин К.Я. Очерки истории Куйбышевской области. Куйбышев, 1962. С.33; Емельянов М.А. Самарская Лука и Жигули. Куйбышев, 1955. С.11; Бахрушин С.В. Научные труды. Т.2. М., 1954. С.231-232, 242-244; Введенский А.А. Дом Строгановых в XVI - XVII веках. М., 1962.

⁴Акты исторические. Т.3. М., 1843. С.419.

⁵Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.281. Оп.16. Д.10845. Л.6-7.

⁶РГАДА. Ф.1209. Д.6468. Л.22 об.- 63.

⁷РГАДА. Ф.281. Оп.16. Д.10845. Л.4-4 об.

⁸Бахрушин С.В. Указ. соч. С.240-241.

⁹Лебедев В.И. К вопросу о так называемых Сенгилевской и Сызранской чертах XVII века // Из истории области. Очерки краеведов. Выпуск II. Пенза, 1990. С.126-127.

¹⁰Дубман Э.Л. Беглые крестьяне как источник формирования населения крупной вотчины Симбирско-самарского Поволжья в XVII - начале XVIII вв. // Социально-экономическое развитие и классовая борьба на южном Урале и в Среднем Поволжье (Дореволюционный период). Уфа, 1988. С.12-18.

¹¹Козлова Н.В. Побег крестьян в России в первой четверти XVIII века (Из истории социально-экономической жизни страны). М., 1983. С.43.

¹²Иванов В.А. Мордовский могильник у с.Шелехметь // Краеведческие записки. Выпуск III. Самарская Лука в древности. Куйбышев, 1975. С.149.

¹³Герасимов А.А. Указ.соч. С.13.

¹⁴РГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.77-78, 114-139.

¹⁵Там же. Л.140-146, 152-152 об.

¹⁶Основные положения очерка более подробно изложены в следующей работе: Дубман Э.Л. К истории земледельческого производства в южных районах Среднего Поволжья во второй половине XVII - начале XVIII вв.(по материалам церковных владений) // Из истории области. Очерки краеведов. Вып.2. Пенза. 1990. С.138-161.

¹⁷Герасимов А.А. Указ. соч.; Его же. Материалы по истории мордвы. М.-Л.,1931; др. работы.

¹⁸Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVI в. Куйбышев, 1991.

¹⁹Казанская история. М.-Л., 1954. С.66.

²⁰Дубман Э.Л. История солеваренного промысла Надинского Усоля в XVII веке. Рукопись представлена Куйбышевским государственным университетом. Деп. в ИНИОН АН СССР. 1983. N 14015.

²¹Трубинкова Н.В. Некоторые итоги археологических исследований по р. Усе // МИА. М., 1958. С.181-202.

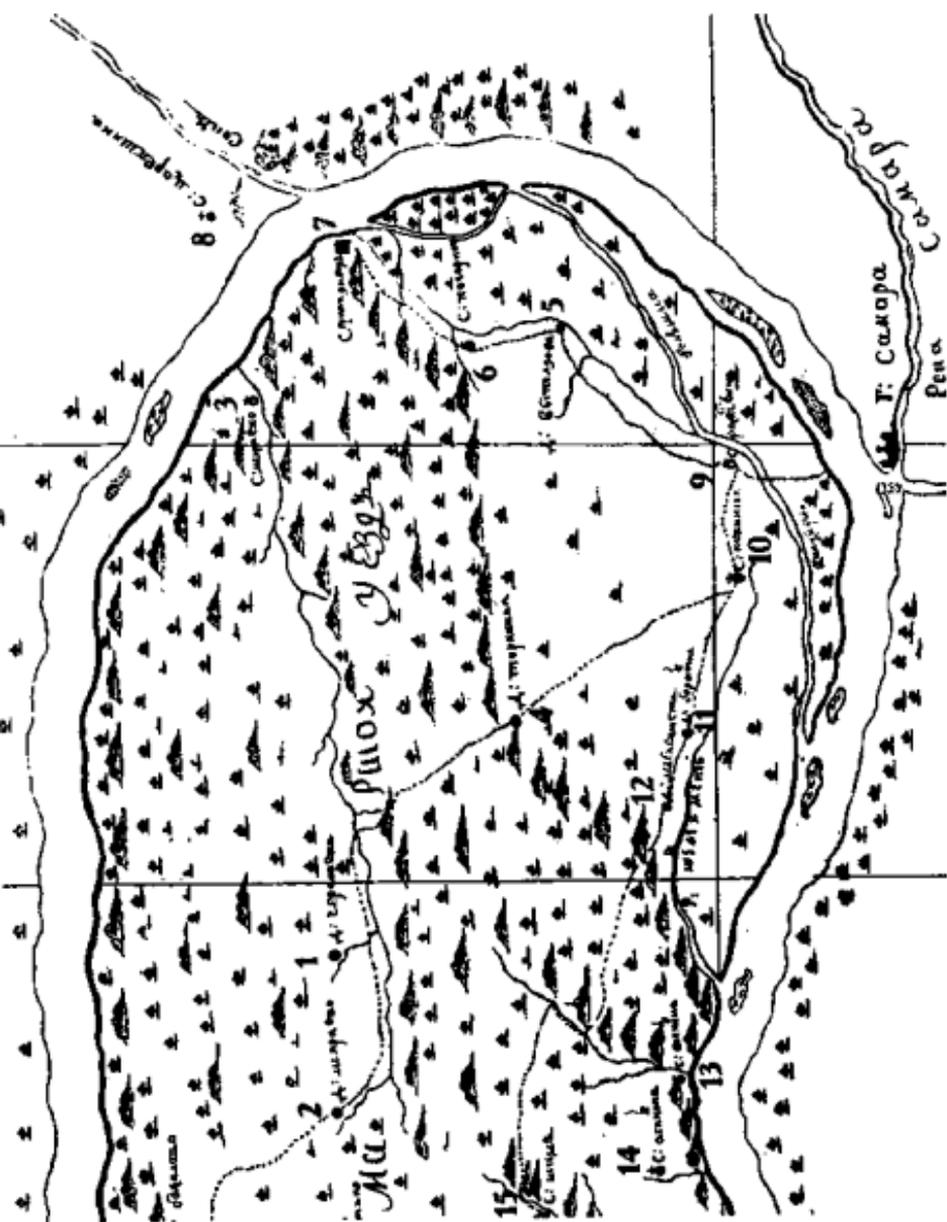
²²РГАДА. Ф.214. Оп.3. Стб.253. 1646 г.

²³РГАДА. Ф.11. Д.70. Л.70 об., 84-84 об.,89.

²⁴РГАДА. Ф.214. Оп.3. Стб.253. 1646 г.; Бахрушин С.В. Указ. соч. С.234-235.

Населенные пункты на карте
Самарской Луки 1738г.

1. д. Черкаева
2. д. Ширяева (Ширяев Буерак)
3. д. Ширяево
4. д. Торновая
5. д. Вьшолзова
6. с. Подгорное (ныне Подгоры)
7. Серный завод (Серный Городок)
8. с. Царевщина
9. с. Рождествено
10. с. Новинки
11. д. Борковка
13. с. Вишновка
14. с. Осиновка
15. с. Аскулы
16. д. Севрюкаева
17. д. Сосновка
18. д. Мордова
19. д. Кольцевая
20. с. Брусина
21. д. Рязань (Малая)
22. д. Брусина (Чувашская)
23. с. Сосновый Солонец
24. с. Рязань (Большая)
25. с. Переволоки
26. д. Комаровка
27. с. Печерское
28. с. Надеино Усолъе (Усолъе)
29. д. Тайдакова
30. д. Московка
31. с. Ахтуша
32. с. Березовка
33. с. Жигули
34. д. Воловка (Валы)
35. д. Яблонное
36. с. Новоалександровка (Александровка)
37. с. Моркваши (г. Жигулевск)
38. д. Бахилово
39. д. Тайбахтино
40. Крепость для княгини Тайшшой (г. Тольятти)
41. с. Шигоны

Фрагмент карты Самарской Луки, составленной В.Н.Татищевым в 1738г. (восточная часть)

САМАРСКАЯ ЛУКА В ЭПОХУ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И АБСОЛЮТИЗМА (Вторая четверть XVIII - середина XIX вв.)

§1. Административное подчинение и управление

Несмотря на проведенные при Петре I две губернских реформы, система местного управления во второй и третьей четверти XVIII в. оставалась еще не до конца отрегулированной. Границы между губерниями, провинциями, уездами были не только подвижны во времени, но и не представляли сплошной линии в пространстве. Устанавливалась лишь подотчетность жителей тех или иных населенных мест различным уездным и прочего уровня канцеляриям без разграничения незаселенных и малоосвоенных территорий. Так, чересполосно могли располагаться села и деревни, относящиеся к разным уездам и другим административным единицам. Особенно это было характерно для окраинных земель государства, к числу которых по-прежнему относилась и Самарская Лука.

Во второй четверти XVIII в. Самарская Лука сначала была поделена между уездами трех ближайших городов и входила вместе с этими городами (Самарой, Сызранью и Симбирском) в Астраханскую губернию, а затем указанные территории были переданы в Казанскую губернию, где к началу 1760-х гг. данные три уезда составляли Симбирскую провинцию. Такая административно-территориальная ситуация отражена в данных 3-й ревизии (переписи) податного населения. По ревизским сказкам к Самарскому уезду относились все селения восточной и центральной частей Луки (см. Табл.7), а также Моркваша, Брусяны, Чувашская Брусяна, Кольцово и Мордово. Остальные села и деревни на западе Луки входили в Симбирский и Сызранский уезды.

Однако вскоре Самарский уезд был упразднен, город передан подчинялся Оренбургской губернии, а его сельская округа

переходила в основном под управление Сызрани. Но уже в 1775г. при Екатерине II начинается новая реформа местного управления, в ходе которой произошло разукрупнение губерний, упразднение провинций как промежуточного административного звена, увеличение числа уездов с определением их четких границ. В 1781г. в составе Симбирской губернии был восстановлен Самарский уезд. Он располагался на обоих берегах Волги и в своей правобережной части включал все тогдашние селения Самарской Луки (см. Табл.8). Из Симбирского уезда в него отошли Александровка, Брусяны, Переволоки, Малая Рязань. Все остальные селения на Луке передавались в Самарский из состава Сызранского уезда.

В составе Самарского уезда территория Луки находилась ровно 70 лет. В 1851г. была образована Самарская губерния, граница которой с соседней Симбирской была проведена по Волге. В связи с этим правобережье Самарского уезда осталось в Симбирской губернии, и все тамошние селения были включены в ее Сызранский уезд (см. Табл.9).

§2. Землевладение

Для сельского населения еще большее значение, чем административно-территориальная принадлежность, в реальной жизни играла принадлежность земель и угодий тому или иному собственнику. В крепостную эпоху это приобретало особую важность, так как обладание землей тогда одновременно означало и владение самими жителями, прикрепленными к этой земле. Крестьяне находились в непосредственном подчинении и под управлением не столько государственных органов власти, сколько землевладельцев и их вотчинной администрации. При этом отдельные сословные группы крестьянства, проживавшие в одном месте, могли быть в ведении учреждений, расположенных в разных городах.

Основными сословными категориями населения крепостной России, представленными и на Самарской Луке, были крестьяне государственные (на казенных землях), дворцовые

(собственность императора и его фамилии), владельческие (зависимые от частных земельных собственников или корпораций). Каждая из этих категорий могла быть составлена из нескольких сословных групп, выделявшихся по разным признакам. Государственные крестьяне из потомственных земледельцев-налогоплательщиков, которые в Поволжье назывались "ясачными" (от слова "ясак" – поземельная подать), представлены на Самарской Луке национальными группами русских, чувашей, мордвы. Нерусское население делилось к тому же на новокрещен и некрещеных. Государственные крестьяне из потомков мелких служилых людей назывались "пахотными солдатами" и "однодворцами". Владельческие крестьяне были помещичьими и монастырскими. К помещичьим крестьянам были близки по положению крепостные люди купцов, обязанные работой на их промышленных предприятиях.

Падение А. Д. Меншикова в 1727 г. привело к конфискации его поволжских вотчин, которые были возвращены прежним собственникам – монастырям и казне. Так, подмосковному Савво-Сторожевскому монастырю была отдана Усольская волость¹.

В числе монастырских теперь значились бывшие владения князя: села Надеино Усолье, Жигули, Ахтуша, Переволоки, Александровка, Б.Рязань, русские деревни Валы, Комаровка, Московка, чувашские селения Тайдаково и Яблонная. Еще одно его село Брусяны стало дворцовым.

Сословный статус жителей других селений Самарской Луки во второй четверти – середине XVIII в. был следующий:

- дворцовые – Рождествено, Новинки, Выползово, Подгоры;
- ясачные русские – Сосновый Солонец, Аскулы, Винновка;
- ясачные чувашские некрещеные – Березовый Солонец, Чувашская Брусяна, Тайбухтина (Безводовка), Кармалы, Севрюкаево, Чуракаевка, Ижбулдина;
- ясачные мордовские новокрещенные – Бахилово, Ширяевские Вершины, Торное, Шелехметь, Борковка;
- русские пахотные солдаты – Печерское;
- крепостные разных помещиков – Мордово, Кольцово, Ширяево, Моркваши, Ермаково, Осиновка;

рабочие люди при заводе – Серный Городок².

На самом деле состав населения был более пестрым в национальном и сословном отношении, т.к. в ряде селений проживали и другие разряды крестьян. В Шелехмети было несколько новокрещеных татарских ясачных семей. В чувашских селениях среди язычников имелись новокрещены. В Брусянах, кроме дворцовых, были крепостные крестьяне помещика В.П.Казаринова, а в Сосновом Солонце, кроме ясачных, крепостные В.Ф.Карамышева и А.И.Теряева. В последних случаях частным владельцам со временем пришлось вывести своих крепостных из дворцовых и ясачных сел в свои деревни в других уездах.

Сложная ситуация сложилась в бывших владениях Меншикова, где пришлось после их конфискации и возвращения прежним владельцам выяснять сословную принадлежность жителей. Управляющие вотчинами светлейшего князя перемещали сами или давали разрешение на переселения своим крестьянам без учета их прежнего состояния. Теперь многим приходилось вновь селять на прежние места жительства, если монастырские крестьяне оказывались, например, в дворцовом селе или наоборот. Это происходило очень болезненно и удавалось не всегда. Совместное проживание крестьян разных владельцев рождало конфликтные ситуации. Так, особым рвением в поисках своих крепостных в дворцовых деревнях отличались в 1730-х гг. управляющие Усольской вотчиной Савво-Сторожевского монастыря. В ноябре 1738г. дворцовое ведомство вынуждено было обратиться к симбирским провинциальным властям с требованием "об охране Усольской волости дворцовых крестьян от монастырского управителя Моисея Богданова"³.

В Винновке оказалось значительное количество крепостных крестьян подмосковного Троице-Сергиева монастыря, также принадлежавших одно время Меншикову. Некоторую часть из них выселили в другие монастырские вотчины, но большинство было оставлено в этом селе, где они жили вместе с ясачными крестьянами и делили с теми здешние казенные сельско-

хозяйственные угодья. В таких условиях тут не могло быть монастырского вотчинного хозяйства и администрации. Монастырь ограничивался взиманием со своих крестьян денежного оброка, не посылал приказчиков, поручив управление выбранному старосте. Община монастырских крестьян существовала в одном селе наряду с ясачной общиной⁴.

Ясачные селения были той территорией, на которую собственно распространялась вся полнота власти уездной правительственной администрации. Управление остальными категориями населения осуществлялось опосредованно через помещиков, монастырских и дворцовых управляющих. Степень независимости вотчин от уездных властей прямо зависела от богатства и общественного веса землевладельца.

Помещичьи имения на Самарской Луке принадлежали во второй четверти – середине XVIII в. в основном мелким и средним землевладельцам, дробившим к тому же свои владения среди наследников. По ревизским сказкам 3-й ревизии, в разноместных селениях помещикам принадлежало:

в Морквашах Б.И.Чирикову 12 душ мужского пола, П.А.Ярцевой 5 душ м.п., графу А.А.Девьеру 171 душа м.п., А.Д.Дурасовой 9 душ м.п., Ф.А.Ярцеву 15 душ м.п., М.Д.Городецкой 6 душ м.п., А.А.Чириковой 10 душ м.п., Д.В.Чириковой 4 души м.п., О. Е.Ярцевой 3 души м.п., Ф.И.Ярцеву 11 душ м.п., Н.И.Чириковой 15 душ м.п., у В.Ярцева крепостных не было вовсе;

- в Кольцове Н.А.Ащеркиной 35 душ м.п., Ф.А.Ярцеву 9 душ м.п., П.Я.Кроткову 14 душ м.п., Ф.И.Ярцеву 10 душ м.п., С.А.Куликову 4 души м.п., а А.И.Мутовиллов своих крепостных в числе 5 душ м.п. отсюда переселил;

в Мордове С.К.Племянникову 16 душ м.п., С.А.Ащеркиной 5 душ м.п., П.С.Языковой 15 душ м.п., Н.А.Макаровой 78 душ м.п., А. Кроткой 5 душ м.п., П.Я.Кроткову 2 души м.п., К.Племянникову 3 души м.п.;

в Осиновке К.П.Порецкой (Нееловой) 241 душа м.п., С.П.Буту- рлину 10 душ м.п.;

в Ермакове В.А.Алампееву 8 душ м.п., С.Ф.Воейковой 191 душа м.п., М.Ф.Языкову 13 душ м.п., А.Н.Темниковой (Племянниковой) 1 душа м.п., М.К., Н.К., А.К. и И.К.Бронским вместе 9 душ м.п., С.Н.Бронской 8 душ м.п., А.Д.Бронской 5 душ м.п.;

в Ширяеве Н.И.Антоновой 11 душ м.п., С.Е.Натопоркину 16 душ м.п., М.И.Карамзиной 23 душ м.п., М.Б.Сколковой 13 душ м.п., А.П.Шипиловой (Филипповой) 34 души м.п.⁵

Ведение помещичьего хозяйства в таких тесных "дворянских гнездах" было делом затруднительным из-за чересполосицы и конфликтов соседей, пусть даже находившихся в разной степени родства или свойства. Ограничены были и земельные ресурсы этих селений для их дальнейшего роста. Особенно не хватало пашен. Помещики стремились получить свободные земли в других районах и вывести туда своих крестьян. К началу 1780-х гг. по этой причине заметно снизилась численность ревизских душ в Ермакове и Мордове, почти наполовину она сократилась в Кольцове и Ширяеве, а в Морквашах, откуда вывели крепостных Девиера, — даже более чем наполовину.

Обширные монастырские вотчины, хотя и были возвращены в конце 1720-х гг. в церковное землевладение, все более жестко контролировались светскими властями, которые не отказывались от планов их секуляризации, т.е. обращения в государственную собственность. Окончательно этот вопрос был решен в начале царствования Екатерины II, когда бывшие монастырские крестьяне были переданы под управление государственной Коллегии Экономии и стали называться экономическими, превратившись в одну из групп государственного крестьянства.

Наибольшей независимостью от уездных властей на Самарской Луке во второй четверти - середине XVIIIв. пользовались дворцовые владения. Их центром в то время являлось село Рождествено. Под ведением здешней дворцовой конторы находились как ближние села и деревни Выползово, Подгоры, Новинки, Брусяны на Луке, а также Царевокурганская слобода

на левобережье, так и отдаленные поселения Черемшанской волости и с.Ключищи под Симбирском. Под управление рождественского начальства в мае 1738г. были переданы те дворцовые крестьяне, которых так и не переселили после падения Меншикова с территории монастырских Новодевиченской и Усольской вотчин.

Первоначально под тем же ведением состояла и часть жителей Морквашей, которая принадлежала не помещикам, а дворцу. Но в отношении этих крестьян была осуществлена мера, с которой мы уже знакомы по частновладельческой практике. В 1735г. их "за умалением земли и сенных покосов" переселили в многоземельную дворцовую Малыковскую волость, что находилась между Самарой и Саратовом⁶.

Управители дворцовых самарских сел, размещавшиеся в Рождествене, имели, как правило, невысокие чины. В 30-е 40-е гг. XVIIIв. эту должность последовательно занимали поручик В.Неклюдов, стряпчий Н.Корякин, подключник А.Борноволоков, сержант гвардии Д.Лодыженский. Однако полномочия управителя были очень широки, а уездные воеводы Сызрани и Самары должны были сноситься с рождественским начальством как с равным по статусу. Последнее подчинялось не уездной администрации, а Казанскому губернскому дворцовому правлению, которое активно защищало интересы подведомственных территорий от других властей и землевладельцев.

Штат рождественской дворцовой конторы был невелик. Управителю помогали канцелярист, два писца и сторож. Распоряжения высшего начальства и управителя непосредственно проводили в жизнь общинные органы самоуправления и их выборные должностные лица – общий волостной староста и посельские старосты в каждом селе и деревне.

В условиях ограниченности сельскохозяйственных угодий, прежде всего пашни, одной из главных забот старост являлось отстаивание интересов своей волостной или сельской общины в земельных спорах с соседями. С начала века у Рождественской волости тянулся конфликт с жителями ясачных деревень Чу-

ракаевки и Ширяевских Вершин, которые, как считали дворцовые крестьяне, самовольно заняли дворцовые земли. Конфликт обострился в 1736г., когда волостной староста Я.Барышников попросил разрешения у дворцовой конторы сжать хлеб, посеянный соседями на спорных полях, а затем совершил налет на Чуракаевку, где сжег два двора, потравил сенные покосы и вывез оттуда уже собранный хлеб. Несмотря на явную противозаконность таких действий, дворцовые власти Казанской губернии практически вывели старосту из-под следствия, обвиняя уездные власти то Самары, то Сызрани в потворстве истцам-пострадавшим и под этим предлогом поочередно перебрасывая дело из судебных учреждений одного города в другой. В недоверии дворцового начальства к уездному имелись свои резоны, так как последнему действительно были ближе интересы подведомственного именно ему ясачного населения.

А.Летин, сменивший в 1736г. Барышникова на должности волостного старосты, пытался найти взаимоприемлемый выход из бесконечного земельного спора без насильственных действий. Он предложил передать ясачные деревни, чьи земельные нужды были не меньше, чем у рождественских или новинских крестьян, в дворцовое ведомство. Это позволило бы объединить все спорные земли в одной общине-волости и договориться об их использовании по крестьянским "мирским" обычаям, не привлекая ни администрации, ни судей, в бескорыстие и честность которых крестьянам не очень-то верилось. Объединение дворцовых, ясачных, а также бывших монастырских владений спустя три десятка лет действительно произошло, правда, на иных условиях, нежели предлагали сами крестьяне.

В 1767г. фаворит Екатерины II Григорий Орлов и его младший брат Владимир во время путешествия императрицы по Волге побывали в бывших монастырских селениях между Симбирском и Самарою, в том числе на Луке. Здешние края им очень понравились. По просьбе пяти братьев Орловых весной 1768г. последовал указ об обмене их разбросанных по

разным уездам и губерниям малоземельных вотчин на огромное компактное владение на Средней Волге. Население здесь было к тому же на 2,5 тыс. ревизских душ больше, чем в прежних их вотчинах вместе взятых, и составляло 9571 душ м.п. Основная часть этого нового владения, одного из крупнейших в России, приходилась на Самарскую Луку⁷.

В собственность Орловых на Луке перешли все земли и крестьяне, подведомственные государству (ясачные и экономические) и дворцу. Таким образом, почти все здешнее население с учетом разнопоместных селений стало крепостными частных владельцев. Исключением оставалось с.Печерское, поскольку пахотные солдаты в зависимость от Орловых не попали. Данная ситуация сохранялась всю последнюю треть XVIIIв. и первую треть XIXв.

Орловская вотчина на Луке не избежала процессов, характерных и для других более мелких частных владений: роста, разделов и переселений крестьян. До поры до времени никто даже не мог точно назвать площадь данной вотчины, так как к Орловым, кроме освоенных и обмеренных земель отдельных селений, автоматически перешли все неосвоенные территории Луки, считавшиеся до этого казенной собственностью. В основном это были обширные лесные пространства по Жигулевским горам. Начавшееся вскоре межевание должно было закрепить за Орловыми их приобретения, а также предоставляло возможности для расширения землевладения.

По Межевой инструкции помещики имели право получить определенное число десятин земли на каждую ревизскую душу, если вблизи их селений были свободные неосвоенные угодья. Лука и так оказалась у Орловых, поэтому их взоры обратились за ее пределы, на степное левобережье. Там основывались новые села и деревни, куда переводились жители из многих мест Самарской Луки. Тем самым одновременно снимались земельные нужды в старых селениях и увеличивалась площадь угодий, на которые могли претендовать Орловы в новозаселяемых районах.

Межевали свои владения Орловы по частям. Начинали с тех волостей, грани которых не соприкасались с порозжими землями. В 1769г. бывшую дворцовую Рождественскую волость вместе с близкими ясачными поселениями, крупнейшим из которых тогда были Аскулы, обвели одной межей, составив единую "дачу"-землевладение под названием "Аскульская и Рождественская волости". Их общая площадь – 131 тыс. дес., из которых 14 тыс. дес. пашни, более 31 тыс. дес. сенных покосов, свыше 72 тыс. дес. леса⁸.

Кроме Аскул и Рождествена в эти волости входили Сосновый и Березовый Солонцы, Брусяны и Чувашская Брусяна, Винновка, Бахилово, Шелехметь, Торновое, Севрюкаево, Кармалы, Подгоры, Выползово, Новинки. Первоначально здесь же числились мордовские и чувашские деревни Ширяевские Вершины, Чуракаевка и Борковка, но в конце XVIII начале XIXвв. их жители были полностью выселены в другие селения на Луке и за ее пределами. Например, на левом берегу Волги близ Ставрополя возникла Мордовская Борковка. На место прежней Борковки было перенесено русское село Новинки, располагавшееся до того западнее, ближе к Рождествену.

В Усольскую волость Орловы при межевании 1771 года включили как западные районы самой Луки, так и степные новозаселенные земли к югу от нее. На Луке в нее входили Усолье, Ахтуши, Жегули, Александровка, Валы, Б. и М.Рязань, Переволоки, Московка, Тайдаково, Березовка, Комаровка, Львовка. Размежевание собственно Усольской волости на Луке от заволжской Екатерининской волости произошло уже в начале XIXв. и показало территорию первой почти в 82 тыс. дес., из которых 24 тыс. дес. пашни, 13,5 тыс. дес. сенных покосов, более 35 тыс. дес. леса⁹.

Разнопоместные селения занимали угодья гораздо меньшей площади, причем использовавшие крестьянами разных владельцев совместно. По данным 5-й ревизии и Генерального межевания конца XVIII начала XIXвв. в них числилось зе-

мель, владельцев и за ними дворов и ревизских душ мужского пола:

- в Кольцове 789 дес. всей удобной и неудобной земли, за подпоручиком И.П.Кротковым 3 двора и 19 душ м.п., за вдовой прапорщицей М.И.Степановой 8 дворов и 35 душ м.п. (из них 19 досталось от брата П.И.Степанова после 5-й ревизии), за ней же особо было отмежевано при селе 60,5 дес. земли, за корнетом В.С.Ярцевым 8 дворов и 39 душ м.п. (из них 20 досталось от премьер-майора Ф.И.Ярцева после 5-й ревизии);

в Мордове 658 дес. всей удобной и неудобной земли, за тайным советником И.А.Голубцовым 24 двора и 88 душ м.п., за бригадиршей А.И.Кротковой 3 двора и 17 душ м.п.; за майоршей Н.М.Бушуевой 3 двора и 14 душ м.п. (достались от бригадира А.М.Бушуева после 5-й ревизии), за гвардии прапорщиком А.М.Стрелковым 5 дворов и 21 душа м.п. (из них 1 досталась от полковника П.И.Макарова после 5-й ревизии), подпоручик И.П.Кротков крепостных в этом селении не имел и пользовался только землей;

в Морквашах 2324 дес. всей удобной и неудобной земли, в том числе 177 дес. пашни, 4 дес. сеного покосу, 1980,5 дес. леса, за майоршей А.С.Жедринской 5 дворов и 19 душ м.п., за капитаншей А.С.Мозо левской 3 двора и 9 душ м.п., за майоршей А.А.Скобельщиной 6 дворов и 25 душ м.п., за корнетом В.С.Ярцевым 1 двор и 3 души м.п., за поручиком Н.Б.Чириковым 3 двора и 12 душ м.п., за подпоручиком Л.Б.Чириковым 4 двора и 14 душ м. п., за братьями Орловыми, подпоручицей А.П.Услиной и корнетшей Д.А.Городецкой крепостных здесь не было, но они вместе с вышеперечисленными являлись совладельцами указанных земель, и, кроме того, в селе имелось 6 дворов и 6 душ м.п. однодворцев, которые вскоре после проведения 5-й ревизии были отсюда выселены;

- в Ермакове 1449 дес. всей удобной и неудобной земли, за действительным статским советником И.Г.Восейковым 102 двора и 351 душа м.п. (из них 8 досталось от прапорщиц А.К.Ленивцевой и А.Н.Сорокиной после 5-й ревизии), за

майоршей Н.М.Бронской 5 дворов и 20 душ м.п., за поручицей Е.П.Захарьиной 1 двор и 3 души м.п.;

в Осиновке почти 1622 дес. всей удобной и неудобной земли, за гвардии подпоручиком Н.В.Нееловым 40 дворов и 162 души м.п., за девицей П.В.Нееловой 30 дворов и 119 душ м.п., за вдовой поручицей Е.С.Нееловой 38 дворов и 159 душ м.п., за М.С. и П.С.Бутурлиными 7 дворов и 18 душ м.п. (достались от прапорщика Н.С.Бутурлина после 5-й ревизии);

в Ширяеве за подпоручицей М.Я.Алексеевой 12 душ м.п., капитаншей С.П.Акчуриной 22 души м.п., майором М.Я.Бурцовым 18 душ м.п., поручиком Н.Ф.Скаврацким 9 душ м.п., капитаном С.Е.Топориным 67 душ м.п., коллежской ассесоршей А.Ф.Похвисневой 13 душ м.п.

Самой крупной из не входивших в орловские владения "дач" Самарской Луки были находившиеся за волжско-усинской переволокой угодья пахотных солдат с.Печерского. У них было 9394 дес. всей удобной и неудобной земли, в т.ч. 6427 дес. пашни. В сказках 5-й ревизии отмечен и Серный Городок, но уже к началу Генерального межевания это поселение прекратило существование, а его жители выведены владельцем купцом А.И.Мартовым¹⁰.

После смерти старших братьев Орловых, Ивана и Григория, был осуществлен первый раздел бывшей совместной вотчины. Самарское имение было поделено между Федором и Владимиром Орловыми, что было закреплено в официальном акте 1794г. Основная часть селений на Луке досталась Владимиру, а Федору из Усольской и Аскульской волостей выделялись Переволоки, Брусяны, Чувашская Брусяна, Винновка, Б.Солонец, Севрюкаево, М.Рязань, Комаровка, Львовка, Тайдаково¹¹.

Смерть Федора в 1796г. потребовала нового перераспределения имений между последними двумя братьями Алексеем и Владимиром, до осуществления которого фактическое управление бывшей совместной вотчиной на Волге сосредоточилось вновь в одних руках Владимира Григорьевича. По новому раздельному акту 1802г. почти все села и деревни Федора Орлова

на Самарской Луке отходили Владимиру за исключением Переволок, Винновки и Березового Солонца, доставшихся Алексею Григорьевичу Орлову-Чесменскому. Крепостных крестьян из Чувашской Брусяны братья было разделили пополам, но Алексей отдал свою половину деревни младшему брату в обмен на Кармалы¹².

Очень скоро все поволжские имения графа Алексея, умершего в декабре 1807г., наряду с недвижимостью в других губерниях России, отошли единственной законной наследнице, его дочери Анне Орловой-Чесменской. Та унаследовала от отца не только огромное состояние, но и решительный характер. Уже в день похорон отца она дала понять дяде Владимиру, что не потерпит никакого вмешательства ни в свою личную жизнь, ни в управление имениями.

Граф В.Г.Орлов умер последним из братьев в 1831г. В отсутствие сыновей доли в наследстве получили его дочери или их дети. Так, поволжские имения были поделены между дочерью графа Екатериной Владимировной Новосильцевой и его внуком от дочери Натальи Владимировой Петровичем Давыдовым (с 1856г. ставшим графом Орловым-Давыдовым). Первая получила на Луке Аскульскую и Рождественскую волости, второй – Усольскую.

С Новосильцевой было связано возникновение нового селения на южном берегу Луки. В начале XIXв. разнопоместная деревня Мордово прекратила свое существование. Ее жители были выселены владельцами в другие селения, прежде всего в ближайшее Кольцово.

Земельные угодья старой деревни, называвшиеся Мордовские дачи, перешли в основном в руки помещика Аксакова, который их (около 478,5 дес.) продал в 1836г. Новосильцевой. Та распорядилась подарить 150 дес. отставным солдатам для устройства их поселения и на свой счет построить для них дома и церковь. В 1839г. император Николай I утвердил это пожертвование. На следующий год земля была отмежевана и первые дома построены. Селение было наименовано Новопрображенской слободой, однако более употребительным стало

название Мордово, перешедшее от прежней деревни. Жители Новопретображенской слободы находились в ведении вотчинной администрации Новосильцевой, но не были крепостными. Они даже не считались крестьянами, так как были освобождены от несения ряда повинностей этого сословия. В документах их чаще именовали разночинцами. Позднее, кроме отставных солдат, в Мордове поселилось несколько дворов вольноотпущенников Новосильцевой, также занимавшихся крестьянским трудом, но записанных в разночинцы. Оставшиеся после дарения участки Мордовинских дач были проданы Новосильцевой купцу Щеткину (278 дес.) и помещику Степанову (50 дес.)¹³.

Попытки Давыдова уговорить многочисленных мелких помещиков продать ему их имения на Самарской Луке оказались безуспешными. Лишь помещик Путилов продал ему свою долю в Кольцовке (264 десятины и 25 крестьян). Крупных приобретений здесь внук В.Г.Орлова и другие потомки последнего могли ожидать в виде наследства от А.А.Орловой-Чесменской, которая так и не вышла замуж, и от Е.В.Новосильцевой, чей единственный сын погиб на дуэли. Однако А.А.Орлова-Чесменская в 1843г. продала свои вотчины в Среднем Поволжье, в том числе на Самарской Луке, удельному ведомству, которое в XIX в. управляло владениями императорской фамилии, а вырученные деньги, как и все остальное состояние, поспешила истратить на пожертвования церкви, не оставив ничего после своей смерти родственникам. Переволоки, Винновка, Кармалы и Березовый Солонец составили Переволокский приказ сначала Самарской, а затем Сызранской удельной конторы.

Смерть Новосильцевой в 1848г. привела к разделу принадлежавших ей имений на Самарской Луке между ее племянниками В.П.Давыдовым и В.Н.Паниным, сыном Софьи Владимировны, урожденной Орловой. По отдельному акту 1850 года Давыдов получил Аскульскую волость (Аскулы, Сосновый Солонец, Севрюкаево, Бахилово, Брусяны). Рождественская волость досталась Панину¹⁴.

Накануне Крестьянской реформы 1861г. в руках В.П.Орлова-Давыдова сосредоточилась на Средней Волге огромная Усольская вотчина, занимавшая обширные территории как на самой Самарской Луке, так и за ее пределами. К доставшимся от деда и тетки селениям он прибавил новые, основанные им здесь. В их числе были деревни Ольгино, Благодатная, Сытная, Услава, Отважная, Карловка. А вот старую деревню Московку под тем же названием владелец перенес на левый берег Волги близ Ставрополя. Вотчина для удобства управления делилась на имения-волости. Собственно на Луке располагались волости Усольская, Жигулевская, Аскульская.

Из этой вотчины в 1856г. Орлов-Давыдов выделил в приданое своей дочери Наталье, вышедшей за князя Д.Н.Долгорукова, Аскульскую волость, но без Брусян и Бахилова. Схожая судьба была и у Рождественской волости, которую получила О.В.Левашова, дочь В.Н.Панина.

Таким образом, накануне Крестьянской реформы крупнейшие земельные владения на Самарской Луке, одновременно являвшиеся крепостными общинами-волостями, принадлежали В.П.Орлову-Давыдову (центры – с.Усолье и с.Жигули), О.В.Левашовой (центр – с. Рождествено), Н.В.Долгоруковой (центр – с.Сосновый Солонец). Небольшими по сравнению с ними были имения других помещиков.

Крупные земельные владения были сосредоточены и в удельном ведомстве. Кроме Переволокского приказа, ему отошло в первой половине XIXв. с.Печерское, обменное этим ведомством у казны на удельные имения в других местах.

§3. Численность населения

Сводные данные об изменении численности населения Луки в целом, по отдельным районам и селениям приводятся в Таблицах 7-9. В них представлены три временных среза:

- середина XVIIIв.;
- рубеж XVIII XIXвв.;
- середина XIXв.

Соответственно в основу подсчетов положены материалы 3-й, 5-й и 10-й ревизий. Основными годами проведения их считаются соответственно 1762, 1795, 1857гг. Однако, специфика проведения и подсчетов результатов ревизий обуславливала их многолетнюю выверку и различные пересчеты полученных сведений. Нами учитывались уточнения по 3-й ревизии, доведенные до 1781г. (образование Самарского уезда), по 5-й ревизии – до 1807г. (окончание в основном Генерального межевания и важнейших специальных межеваний на Самарской Луке), по 10-й ревизии – до 1859г. (составление губернского списка населенных мест по предписанию Министра Внутренних Дел). Таким образом, перед нами данные не одного конкретного года, а обобщенные демографические картины начала царствования Екатерины II, в первом случае, конца того же царствования, а также всего кратковременного правления Павла I и первых лет Александра I, во втором, и, наконец, кануна Великой Реформы, в последнем случае.

Представленные в таблицах как итоговые данные подсчетов, так и конкретные цифры по отдельным селениям, освобождают от необходимости воспроизведения в тексте этих сведений. Следует обратить внимание на наиболее примечательные выводы.

Явная тенденция к росту населения на Луке, действовавшая в XVIIIв., к концу этого столетия ослабла и оставалась подавленной все предреформенные десятилетия XIXв. Еще с 1730-х гг. иссяк такой источник пополнения жителей, как приток беглых и самовольных переселенцев, что было вызвано правительственными мероприятиями по ужесточению крепостнического режима. Однако, естественный прирост собственно населения Луки стал уже сам мощным источником увеличения численности жителей. Действие этого фактора было нейтрализовано социальными причинами.

Регулятором численности населения в помещичьих селах стали интересы барского хозяйства. Основной инструмент регулировки числа крепостных – массовые переселения. С их помощью снижалось число необходимой крестьянам надельной

земли, и увеличивалась при возможности барская запашка в селениях, откуда шел вывод крестьян. В новых селениях заранее рассчитывалось максимально выгодное помещику соотношение крестьянских наделов и барской запашки, а значит заранее определялось число переселенцев и их состав. Особо заметными были переселения, в которые вовлекались жители крупнейшего землевладения на Луке – Усольской вотчины Орловых.

Первым массовым переселением руководил старший из братьев Иван Орлов, оставивший всякую государственную службу, чтобы управлять всей тогда еще неразделенной средневожской вотчиной. Оно началось в 1770г., когда еще не прошло и двух лет после перехода этих земель в собственность Орловых. Первым появилось на левом берегу село Екатериновка. Екатериновку в основном заселили выходцы из Рождествена, Новинок, Жигулей. В том же году переселенцы из Переволок и Тайдаковой обосновались в Александровке, а из Брусян – во Владимировке. В 1771г. крестьяне из Рождествена заселили Федоровку, из Винновки – Григорьевку, из Аскул и Соснового Солонца – Алексеевку, из чувашских деревень Чуракаевки, Яблонной и Безводовки – Ивановку (Никольское). На новые места жители Чуракаевки, Яблонной и Ижбулдиной были сведены полностью, из Рождествена и Безводовки переселилось более половины жителей, значительно сократилось население Винновки, Аскул, Соснового Солонца, Б. и М.Рязани, Переволок. Также были затронуты переселениями, но в меньшей степени Новинки, Жигули, Тайдаково, Брусяны¹⁵.

Вторая мощная волна массовых переселений поднялась в самом начале XIXв. после окончательного раздела владений между последними из оставшихся в живых братьями Орловыми, Алексеем и Владимиром. Неопределенность в разделе вотчины особенно задевала В.Г.Орлова и его управителей, помышлявших об увеличении барской запашки в поволжских владениях. Но для этого требовалась полная свобода рук в

распоряжении крепостными душами, чтобы осуществить их перевод на свободные плодородные земли.

Без формального раздела владений такой свободы рук быть не могло. В 1797г. был отложен уже было решенный перевод жителей Кармалов, где ощущалось малоземелье. В 1802г. усольский управляющий опять вспоминал "Кармалы, которые не переведены были по причине неразделу 4 года, да еще и Сосновый Солонец; а когда бы поступили на пашню, то в 3 года принесли бы излишнего доходу 30000 руб., кроме получаемого". Срывалось и переселение из Брусян за Волгу в Русскую Борковку, чтобы "земли выведенных крестьян обратить в господскую пашню"¹⁶.

Утряся окончательно родственные разделы, братья поспешили с переселениями из разросшихся численно селений на Самарской Луке в Заволжье. Но бывшая общая заволжская Екатерининская волость оказалась во владениях Орловых-Чесменских, поэтому Владимиру Орлову пришлось заводить в степи собственные села и деревни, где для этой цели были куплены значительные незаселенные участки общей площадью в 30 тыс. дес. удобной земли, а с учетом неудобий – до 45 тыс. дес.

На указанных землях были основаны Покровка, Воскресенка, Троицкое, Воздвиженка, Преображенка, Сретенка и Преполовенка. В них было переселено с Самарской Луки с 1804 по 1811гг. в общей сложности до 4 тыс. жителей обою пола из Рождествена, Новинок, Подгор, Выползовой, Торнового, Шелехмети, Брусян, Валов, Александровки, Аскул, Кармал, Б. и М.Рязани, С.Солонца, Тайдакова. Это была самая крупная в истории помещичьего освоения Самарского Заволжья акция, сопоставить с которой можно только образование Екатерининской волости в 1770-х гг. Интересно, что при обоих этих массовых переселениях Орловы использовали практически только старожильцев Самарской Луки.

Добровольцев к этому переселению начала XIXв. практически не нашлось. На новые места в первую очередь отправляли в принудительном порядке погорельцев, безлошадных и про-

чих бедняков, которые в прежних своих жительствовах сдавали наделы более справным соседям, а сами жили работой по найму и лесными промыслами. Вотчинной администрацией было "определено, чтобы их отдалить от города и прервать пропитание их от лесов, а сделать хлебопашцами"¹⁷.

В селениях на Самарской Луке были разобраны несколько сот дворов. Их вместе с обитателями где по воде, где на лошадях перевозили в назначенные под жилье места. Работали не только переселенцы, но и все их соседи. Управляющий доносил графу Орлову: "В Воскресенское продолжается перевозка дворового леса; на берег свозят с места Рождественская волость; переправляет через Волгу Сосновенская на дощениках, а с берега до Воскресенского переважаивают сами переселенцы; дело идет медлительно и работно ночами." В течение одного только 1804г. "сломано, перевезено и поставлено в Воскресенском из Рождественской волости 240 изб, а душ 835, из Кармал 4 избы, душ 15. В Преображенское из Рождественской волости 34 избы, душ 95"¹⁸.

В Воскресенку больше всего переселенцев прибыло из Новинки и Рождествена, в Преображенку – из Шелехмети и М.Рязани, в Покровку – из Подгор и Выползова, в Троицкое – из Аскул, в Сретенку – из Брусян, в Воздвиженку – из Соснового Солонца, в Преполовенку – из М.Рязани. Немало было в этих селениях выходцев и из других мест Самарской Луки.

В промежутке между этими массовыми переселениями и после них шла менее заметная, но постоянная перекачка людских ресурсов с Самарской Луки на левобережье Волги. Это имело место и в неразделенной вотчине Орловых, и во владениях Орловых-Чесменских и В.Г.Орлова, и в имениях наследников последнего: В.П.Орлова-Давыдова, Е.В.Новосильцевой, В.Н.Панина, каждый из которых имел связку из землевладений на Луке и за Волгой.

Особенно активно этим пользовался Орлов-Давыдов, с которым связано последнее массовое переселение, осуществленное на Луке помещиками. Оно было проведено в 1830-х 1840-х гг. и имело специфические черты:

- передвижки внутри Луки были сравнимы численно с выселением за ее пределы;

- отток населения частично компенсировался прибытием небольших групп переселенцев на саму Луку.

Но, как и прежде, замысел переселения был подчинен задаче увеличения производства товарного хлеба на барской запашке. Толчком же к началу передвижки населения послужил пожар в Московке в 1834г. Вместо того, чтобы снабжать погорельцев лесом из дальних лесов, было решено перевести их на левый берег Волги в Борковское имение под Ставрополем, где было довольно строевого леса. Погоревшие жители Московки переселились туда в 1835г., а в 1836г. на новое место отправилась и другая половина деревни, разобрав свои уцелевшие от огня дворы и перевозя их с мирской помощью. Все это очень напоминало переселение начала века в Воскресенскую волость.

Если верить народной поговорке, что приравнивает переезд на новое место жительства к пожару, то погорельцам во владениях Орлова-Давыдова не везло в двукратном размере. К уже перечисленным случаям, когда их к переселению назначали в первую очередь, следует добавить и основание деревни Благодарной на северо-западе Луки (в 1840г.), куда переселили погорельцев из Ахтуши.

Настал черед и Жигулевской волости, которая признавалась вотчинной администрацией излишне перенаселенной, а потому неудобной к расширению барщины. Отсюда направились три потока. Первое направление – степная Преполовенская волость. Там уже издавна существовал хутор Рязанский, который использовался зажиточными крестьянами Жигулевской волости для выпаса скота. На его месте было решено основать новое село. Место было хорошо известно крестьянам и пользовалось доброй славой, поэтому желающих переселиться туда было много. Принудительного переселения здесь не было. Более того, новоселов отбирали и ставили им условия, чтобы те не имели на старом месте жительства долгов или недоимок, а при переселении не требовали помощи. Так появи-

лось село Натальино в заволжской степи, названное в честь матери и дочери Орлова-Давыдова¹⁹.

Вторым направлением были различные селения Борковской волости за Волгою под Ставрополем. Сюда принудительно отправляли погорельцев и бедняков с помощью мира и помещика.

Третий поток перемещался на территории самой Луки. Он шел за р.Усу в Усольскую волость. Там образовалось три выселка из Жигулевской волости, которые стали деревнями Усладой (заселена в 1841г. жителями Б.Рязани), Ольгиной (заселена в 1844г. тоже рязанскими жителями), Карловкой (заселена в 1845г. из Валов). Жигулевская волость миром помогала переселенцам перевозить лес на постройки, но отправляла к соседям людей бедных, безлошадных или однолошадных, не имевших скота и домов. Усольский управляющий пытался потребовать от жигулевского присылки людей более состоятельных и надежных, но безуспешно.

Всего же численно итоги переселения из Жигулевского имения были такими. Во всех селениях этой крепостной волости по 8-й ревизии (1833) числилось 3376 душ мужского пола, из которых было переселено 1069 душ м.п. или почти третья часть. Из них выведено:

- в Натальино 480 душ м.п.
- в Борковское имение 291 душа м.п.
- в Усольскую волость 298 душ м.п.

Переселения затронули жителей и более отдаленных владений В.П.Орлова-Давыдова, чьи вотчины находились во многих губерниях России. Основной поток таких переселенцев из дальних мест обходил Самарскую Луку, где оставалось мало свободных земель, и устремлялся в Заволжье. Однако часть этого потока оседала на рассматриваемых территориях. Одним из мест выхода стало село Старая Гать Епифановской волости Тульской губернии²⁰.

В 1841г. 26 семей из Старой Гати (208 чел. по 8-й ревизии, а по реальному наличию 231 чел.) поселились в новой деревне Сытной в Усольской волости. Причиной переселения было

малоземелье на старом месте жительства, поэтому переселялись добровольно, своим коштом, без помощи мира и помещика. На новом месте переселенцам предоставлялись готовые дома, но за них они отдавали помещику хлеб, посеянный и убранный в Ст.Гати. Переселение шло трудно, крестьяне жаловались: "От переселения потерпели большую убыль, как то умерло людей, а равно и лошадей, и теперь лошадьми совершенно обедняли и никак поправиться не могут, хлеба родится мало; продать нечего и мелкого скотоводства не заведено."

Самое крупное перемещение людей в поволжские вотчины Орлова-Давыдова шло из Старооскольского уезда Курской губернии из сел Рождественского (Салтыковки) и Покровского (Обуховки). Переселенцев отбирали посостоятельнее, чтобы на месте могли самостоятельно обзавестись хозяйством, но таких нашлось немного, пришлось брать и тех, кто победнее, но всех только добровольно. Ехали через всю Россию на своих лошадях и телегах, везли скарб. Поэтому с отправлением подождали, пока не появится подножный корм для лошадей, до 15 мая 1841г. Из 250 душ м.п. переселенцев Старооскольского уезда почти половина (117 душ м.п. или 265 чел. обоего пола) была поселена на берегу Волги в Аскульском лесу в новой деревне Отважной. После неудачной попытки приспособить переселенцев к лесным промыслам в 1849г. деревня была перенесена с сохранением старого названия в урочище Пустые Моркваши, где имелась свободная пахотная земля и причислена к крепостной Жигулевской волости, в какой-то мере восполнив снижение численности тамошнего населения от предшествующих переселений. Но те шли из старых сел и деревень, а здесь были заняты незаселенные земли на северо-восточной окраине волости.

Переселенцы в Отважной заметно отличались по быту и обычаям от старожилов Луки и даже от выходцев из-под Тулы. Это было южнорусское с чертами влияния украинской культуры население. В сводных таблицах Отважная считается вместе с русскими деревнями, хотя есть основания причислять ее жителей по некоторым признакам к украинцам.

В результате прежде всего демографических мероприятий крупных землевладельцев за первую половину XIX в. осталось на прежнем уровне число жителей восточных и центральных районов Луки. Сократилось почти на четверть население западной (до Усы и переволоки) части, где так много людей покинули Жигулевское имение.

Только за Усою и переволокою на запад продолжался устойчивый рост населения за счет возникновения новых помещичьих деревень, а также за счет увеличения численности государственных, позднее удельных, крестьян в Печерском, которое единственное из здешних сел не испытало помещичьей "опеки" и уверенно укреплялось на позиции самого большого селения. В нем проживал почти каждый десятый житель рассматриваемого района. От него все более отставали "столицы" крепостных волостей: Усолье, Жигули, Сосновый Солонец, в каждом из них сосредоточивалось тогда немногим более 5% населения Луки.

Доля населения мордовских деревень среди жителей Луки несколько выросла за столетие с 3-й по 10-ю ревизии, но все равно была меньше доли чувашских селений. Последние особенно активно подвергались переселениям первой половины XIX в., число их жителей упало не только в относительном, но и в абсолютном значении.

§4. Хозяйство и занятия

С XVIII в. земледельческие занятия становятся ведущими для населения Самарской Луки. Соляной промысел прекращается. Рыбный теряет свое ведущее значение даже в его старинных центрах на волжских берегах, что было связано с обеднением здешних запасов рыбы и с притоком более дешевой и качественной продукции с р.Яик (Урал). Подсобный по отношению к хлебопашеству и скотоводству характер носили лесные, лесохимические, горнодобывающие и другие неzemледельческие промыслы.

Основными зерновыми культурами в первой половине и середине XVIIIв. оставались рожь (среди озимых) и овес (среди яровых), но заметно расширились посевы под пшеницей, ячменем, просом, гречихой, полбой, горохом. Из технических культур распространение получили лен и особенно конопля. Урожайность зерновых культур доходила до сам-5, сам-6, на целине достигала сам-15 и в целом была несколько выше, чем в центральных районах страны. Объясняется это тем, что почвы были плодороднее и еще не истощились многовековой эксплуатацией.

Однако и на Луке "выпахивание" земель постепенно, но заметно снижало урожайность. Способом восстановления плодородия почвы там, где не применялись органические удобрения в трехпольном севообороте, оставался перелог: "А случается которая земля будет худо родить хлеб, то земледельцы оную на несколько лет оставляют и пускают в залежь, а вместо той земли распахивают вновь степи, а потом по прошествии нескольких лет ту запущенную залежь по-прежнему распахивают и сеют на той хлеб, и чрез то поновление землям делают"²¹.

Это была не совсем обычная переложная система, так как земли, поднятые из залежи, на длительное время включались в трехпольный севооборот, что удлиняло срок использования распаханной земли. Залежно-переложная система имела определенные достоинства. При перелогe сохранялась прекрасная структура почв, отсутствовали сорняки. Однако такая система очень экстенсивна, поскольку значительная часть земли лежала втуне. При увеличении плотности крестьянского населения и росте барской запашки в помещичьих владениях данная система на Луке вытеснялась классическим трехпольным севооборотом.

На черноземах Поволжья крестьянин выигрывал не столько за счет повышения урожайности с определенной площади, сколько за счет того, что производительность его труда была в 2-4 раза выше, чем в районах с менее благоприятными почвенными условиями (Север Европейской части России, Нечерно-

земный Центр и т.п.). Затраты труда земледельца тут были ниже, потому что на поля не вывозился навоз и применялась мелкая одноразовая вспашка, часто без боронования, против 2-3-х разовой при тщательном бороновании в нечерноземной зоне.

Экстенсивная агротехника была неизбежным этапом в освоении новых земель. Она соответствовала недостаточной экономической мощности крестьян-переселенцев, позволяла получать при минимальных затратах урожай, обеспечивающие воспроизводство этого хозяйства.

Сравнительно низкие затраты труда позволяли крестьянину вводить в хозяйственный оборот больше земель, что было необходимо в условиях континентального климата Самарской Луки. Результаты труда земледельца подвергались большому риску. Простое увеличение площадей, засеянных одной культурой, так же, как и более тщательная обработка почвы под одну культуру, не снижали степени риска. Выход состоял в засеве нескольких участков одновременно разными хлебами, по-разному переносящими засуху, заморозки на почве, болезни, вредителей и т.п. Но это означало, что и потребности в земле у поволжского крестьянства были выше, чем в центре или на севере России.

Вместе с практически полным переходом Луки под помещичьи владения отход от старых способов полеводства ускорился. Землевладельцы торопились пустить все пригодные земли под производство товарного хлеба, всеми силами старались интенсифицировать труд крепостного населения, делали ставку на одну-две культуры, имевшие повышенную товарность.

Основными сельскохозяйственными орудиями и в крестьянском, и в помещичьем хозяйстве оставались соха, борона, серп и коса. Для подъема новых земель использовался плуг или его поволжская разновидность — сабан. Но для работы с ними требовалось от 3-х до 5-и или 6-и лошадей, что было под силу лишь зажиточному крестьянину. Впрочем хозяйств, богатых скотом, было не так уж мало в краю, где еще достаточно

имелось пастбищ и сенокосов. Земледелие повсеместно сочеталось с животноводством.

Большое значение в сельском хозяйстве имело огородничество, которым занимались как в селе, так и в городе. В характерный набор огородных и бахчевых культур входили редька, морковь, свекла, капуста, хрен, тыква, огурцы, дыни, арбузы, репа. Впрочем, репа была не огородной, а полевой культурой до тех пор, пока не была вытеснена с полей картофелем. Гораздо меньше было развито садоводство. Сады были в основном принадлежностью господских усадеб.

Продолжал бытовать бортный промысел, постепенно перераставший в пасечное пчеловодство. Появление пасек происходило прежде всего там, где уже не осталось "таких деревьев, которые для бортей потребны".²²

Крестьянское хозяйство на Луке (исключая с.Печерское) со второй половины XVIIIв. не существовало вне рамок крепостных помещичьих вотчин, среди которых выделялись владения Орловых. Центром хозяйственной и административной жизни вотчины была барская усадьба. Она включала дом помещика и самые разнообразные постройки как жилого, так и производственного назначения. Их количество зависело прежде всего от богатства хозяина.

Не в каждом помещичьем селении ставились господские дома, и не во всяком таком доме действительно жил помещик. Иногда их занимали под жилье приказчиков, управляющих, вотчинные конторы. Лишь изредка хозяин, проживавший в городе или другом своем поместье, приезжал и останавливался в своей отдаленной усадьбе. Так поступали, как правило, богатые дворяне, тем более находившиеся на государственной службе.

Количество помещичьих домов на Самарской Луке представлено в Таблицах 10 и 11. Подсчеты сделаны по данным Экономических примечаний к межеваниям рубежа XVIII-XIXвв. и 1859г., поскольку они охватывают всю Самарскую Луку на одном временном отрезке. Однако, критерий "господского дома" не определены точно, возможно, что состав-

вители Примечаний пользовались не совсем полными данными или не отнесли к категории "господского дома" отдельные усадьбы или дворы, если они имели преимущественно хозяйственно-административное, а не жилое назначение. Все же представление о числе дворянских усадеб на Луке Примечания дают более полно, чем другие источники.

Самым развитым усадебным комплексом был усольский. Каменного жилого строения, правда, здесь не было до 1817г. Центром усадьбы В.Г.Орлова с конца XVIIIв. являлся двухэтажный деревянный дом на каменном фундаменте о 16-ти комнатах. По левую сторону от него стоял флигель, где жил управитель, в другом флигеле по правую руку находилась "застольная" и кухня, для снабжения которых рядом были вырыты два погребца и ледник, поставлен мучной амбар.

В отдельном деревянном здании помещалась вотчинная контора. При ней были выстроены двухэтажные каменные хозяйственные строения, использовавшиеся под склад вещей, хранение денег, архив, караульное помещение и "заколотную" (вотчинную тюрьму). Над каменными этажами была жилая светелка. В отдельных постройках располагались столярная и чертежная, соединявшиеся чуланом для хранения сала. Имелась конюшня для выездных лошадей, сарай для рабочих лошадей, другие подсобные постройки. Для житья дворовых людей было выстроено около 25 изб в двух слободках на усадьбе. Ко всему этому надо добавить, что на самой усадьбе и за ее пределами стояли многочисленные амбары, сараи, гумна, скотные и птичьи дворы, строения ткацкой фабрики, салотопни, другие производственные постройки, а также здания культурного назначения (школа, больница)²³.

Один только перечень построек дает общее представление о значении Усольской усадьбы как центра крупного помещичьего хозяйства. Управленческо-производственные функции выступали на первый план, т.к. граф очень редко бывал здесь сам, препоручив ведение дел доверенным людям как из знакомых помещиков, так и из своих крепостных. Вотчинная контора была устроена наподобие государственных учреждений.

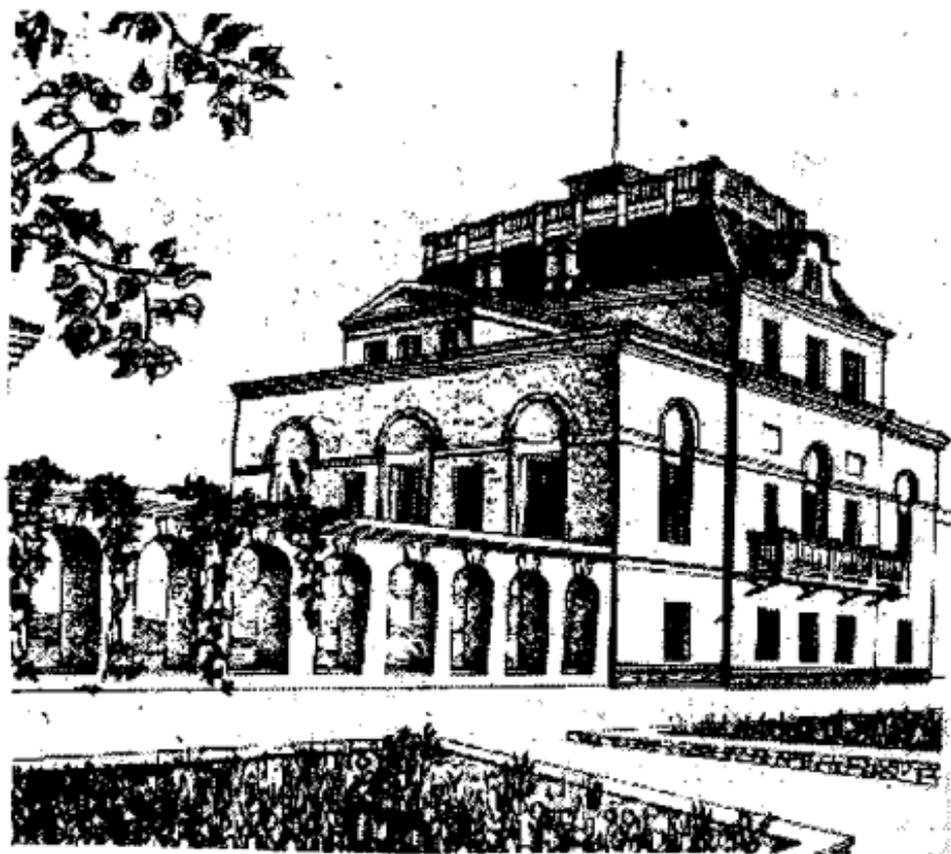
Она подчинялась "вышестоящему органу" – домовый конторе Орлова в Москве. Предусматривалось четкое распределение обязанностей среди служащих, были введены строгие правила делопроизводства, материальной и финансовой отчетности.

Дворовый штат Усольской вотчины составлял более 200 человек. Он включал служащих конторы (управитель, конторщик, "расходчики"-кассиры, писари и т.д.), будущих служащих – учеников вотчинной школы, поваров истряпух, мастеров (кузнецы, столяры, сапожники, шорники и др.) и их учеников, скотников и птичников, других работников и прислуги, а также престарелых и больных дворовых, получавших содержание от графа. В распоряжении конторы была вотчинная вооруженная полиция – "ружейники". Служители помещика находились не только в Усолье, но и в других селах имения. Это были начальники и работники на господских мельницах (писари, мельники, засыпщики), смотрители при других господских работах, приказчики, сельские писари – "земские".

Конечно, другие помещики Самарского края, даже богатые, не имели возможности содержать такие усадебные комплексы и иметь столько дворни, как Орловы. Тем не менее, даже мелкие землевладельцы не обходились без хозяйственных построек при усадебных домах и без дворовых служителей.

По данным Генерального межевания конца XVIII начала XIXвв. в Кольцовке имелось "два дома господские деревянные изрядной архитектуры и при одном саде с плодовитыми деревьями яблонями и вишнями ... на домашние господские надобности". В Покровском (Морквашах) – "два дома господские деревянные средственной архитектуры". В Ермакове – один дом "простой архитектуры", в Осиновке тоже один, но "изрядной архитектуры" и с двумя садами (яблони, груши, вишни, черная и красная смородина, крыжовник).

Исполнение давнего желания В.Г.Орлова о возведении приличествующего его общественному положению дворца в Усолье было ускорено страшным пожаром 1812г.,

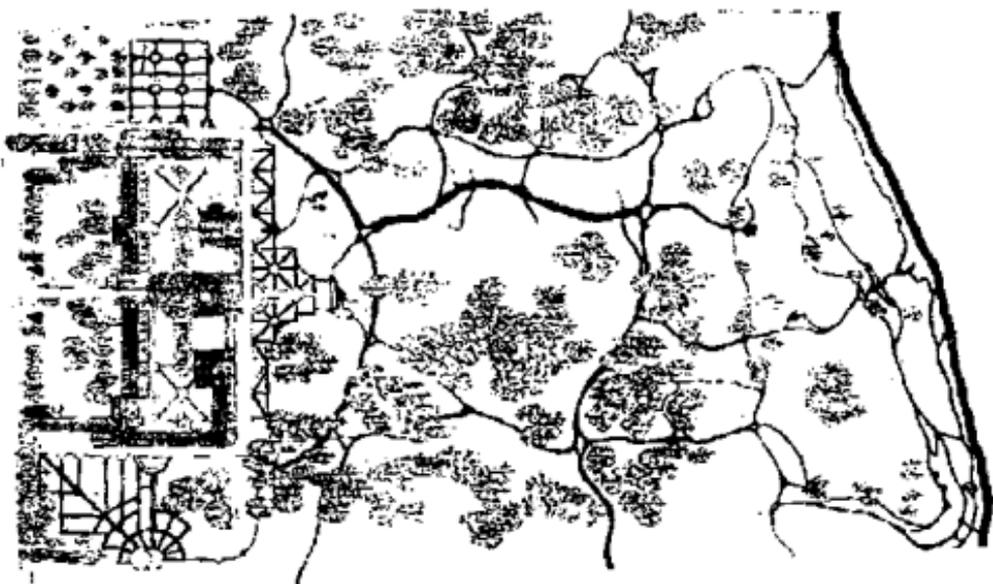

Парковый фасад дворца в Усолье
(реконструкция Ахмедовой Е.А.)

уничтожившим почти все село и усадьбу. Репрезентативное каменное строение представлялось теперь к тому же более надежным в противопожарном отношении.

В течение 1814-1820гг. было выстроено каре каменных помещений различного назначения: дворца с флигелями, мастерских, складов и т.д. После смерти старого графа его внук и наследник В.П. Орлов-Давыдов достроил усадебный дом. О планировке и функциональном назначении комплекса господского дома говорит сохранившийся план, выполненный рукой его управляющего К. фон Бруммера²⁴

Фасад комплекса, выходящий на восток в сад, составили "дом Его Сиятельства" и "новый холл" (помещения, появившиеся в результате достроек Орлова-Давыдова), здание конторы (главный корпус всего архитектурного ансамбля), ворота

**План дворца и усадебного парка в Усолье
(реконструкция Ахмедовой Е.А.)**

в парк, левый флигель. Задним фасадом все эти постройки выходили во двор, на противоположной стороне которого стоял корпус, предназначенный для мастерских и "магазинов"-складов. Тот же корпус другим фасадом смотрел во второй двор, который в свою очередь замыкался на западе каменной оградой.

Северный фасад всего комплекса в той половине, что была ближе к господским покоям, составляли мастерские и жилые помещения. Другую его половину, выходящую на второй двор, занимала аптека. Весь южный корпус был отдан под больницу. Кроме того, в южной части второго двора было отведено место для установки паровых машин.

Другие потомки В.Г.Орлова старались создать собственные усадебные комплексы, не уступавшие Усольскому. К числу их следует отнести постройки в имениях Новосильцевой (Рождествено) и Долгоруковых (Сосновый Солонец).

Помещичье хозяйство держалось на подневольном труде крепостных. Основная тяжесть обработок приходилась на производство продукции, имевшей товарное значение, прежде все-

го полеводческой. Доходными могли стать и такие статьи, как животноводство, рыболовство, лесозаготовки. В Усольской вотчине В.Г.Орлова за 1804г. было получено общего дохода 200 тыс.руб. Он сложился из продажи господского зерна – 51 тыс. руб., муки – 72,5 тыс.руб., мыла и свечей – 17 тыс.руб., рыбы – 9,5 тыс.руб., деревянных изделий – 0,5 тыс.руб. Денежный и натуральный оброк собран с крестьян на сумму 31 тыс.руб.²⁵

Полевая барщина не ограничивалась только тем, что крестьяне своим скотом и инвентарем должны были вырастить и собрать урожай на господском поле. Они же вывозили этот хлеб с поля, вели молотьбу, на своих подводах везли хлеб к пристаням и на винокуренные заводы. В больших имениях, в т.ч. у В.Г.Орлова для обмолота употреблялись специальные машины на конном приводе. Использовать и здесь крестьянских лошадей "по очереди" не удалось, так как нужны были не сменные, а обученные животные, которых пришлось купить за господский счет.

Как на крестьянских наделах, так и на барских полях обработка земли велась самыми традиционными методами без серьезных усовершенствований. Помещики получали больше товарного хлеба не "через удобрения полей" и "провосходство урожаев", а простым увеличением нормы господской запашки на крестьянскую семью. В таких условиях не приходилось ожидать соблюдения помещиком даже им самим установленной меры привлечения крепостного труда.

В 1803г. В.Г.Орлов признал, "что крестьяне от многой работы на господина обеднели". Сын его передал отцу услышанный рассказ крестьян, что в Усолье "были мужики, да пришел на них гнев божий, разорил их управитель.., вместо 180 тягол (семей) вряд и 90 могут выехать на пашню, ибо прочие без лошадей"²⁶.

Управляющий пытался возложить вину на самих крестьян, будто те "желая отбыть работ господских, не пекутся о своем домоводстве, а сим приводят себя к разорению", и "паче всех" казались ему "беспечными" жители Рождественна и окрестных

селений. Они, мол, по своей лени забросили пашню ради лесных промыслов и поденной работы, но и то, что зарабатывают, затем в Самаре "проедают на калачах по перекресткам, пропивают и проигрывают".

Из Рождествена от находившегося там графского служителя пришла в домовую контору хозяина совсем иная информация, не лишенная сарказма: "В Самаре, однако, пьяных и праздношатающихся по перекресткам и евших калачей замечено мной не было. А то ж о проигрышах на карты известного нет... Что касается до положения крестьян здешних мест щегольства и сластоедства, то оную статью... заподлинно утвердить могу. Первое. В щегольстве имевшего ими платья оным должно быть все одинаковы, и мало замечать у кого бы было переменное платье из состоящего сермяжного сукна... даже и к празднику. Кроме того в чем на работу, в том и в праздник. А у многих семейств происходит и то, что один, надевши на себя в нынешнее время два и три кафтана без шубы выходят на работы. А протчия оной семьи, особливо женщины, принужденными находятца сидеть в домах...

А о сластоедении их заподлинно знать не можно, но в рассуждении... недородов едва ли кто из конных и семейных накашивает для своего пропитания в довольствии годовой пропорции аржаного хлеба... А к тому и скотоводства многие не имеют, а кои и имеют, но весьма мало. А потому и пища их должна быть недостаточна."²⁷

В 1805г. В.Г.Орлов сместил управляющего и заменил барщину повышенной нормой оброка. При В.П.Орлове-Давыдове в подавляющем большинстве селений Луки барщина была восстановлена. Под руководством опытного управляющего Карла фон Бруммера помещичьи поля были разбиты на прямоугольные участки в 6 десятин, что улучшало севооборот и облегчало уборку урожая.

Господская запашка заставляла обустроить помещения для хранения и переработки хлеба. На речном берегу близ с.Усолья имелись господские строения при хлебной пристани.

От ручной молотбы крестьяне были избавлены наличием в графском хозяйстве не только конных молотилок, но и паровых локобилей. Для обслуживания этих машин, а также механизмов, применявшихся при уборке урожая, помещиками в Усолье были устроены механические мастерские – первое промышленное заведение фабричного типа на Самарской Луке и в ее окрестностях. Был установлен паровой двигатель мощностью в 6 л.с. В число производственных построек следует включить также господскую мукомольную мельницу на р.Усолке у околицы села с толчеею для проса.

Особое внимание Орлов-Давыдов и Бруммер уделяли животноводству, особенно в период перед крестьянской реформой 1861г. На скотном и конном дворах в 1859г. содержалось крупного рогатого скота 51 голова, лошадей "обыкновенной породы" – 17. Особое место заняло разведение овец, которых в Усолье в середине XIX в. было 7592 головы. Овец разводили породистых, тонкорунных, главных овчаров приглашали из-за границы за высокие оклады, помещения и порядок в овчарнях были образцовыми.

Большинство жигулевских жителей при Орлове-Давыдове также были переведены с оброка на барщину. Господская запашка в Жигулях составила 350,25 десятин в одном поле при трехпольном севообороте. Здесь появляются помещичьи строения: господский дом с хозяйственными службами, больница и школа при нем, помещичий скотный двор на 69 голов крупного рогатого скота, 9 лошадей и 3000 овец. Все эти постройки еще в 1859г. оставались деревянными, хотя в 3 верстах от села при р.Волге был устроен кирпичный сарай, производивший до 150000 кирпичей в год для помещичьего хозяйства. Там же на волжском берегу имелись господские строения при пристани.

Помещичье хозяйство у других владельцев было гораздо скромнее. В 1859г. в Кольцовке при господском доме на скотном дворе было 30 голов крупного и 20 мелкого скота, да 5 лошадей "простой породы", а в Морквашах – 11 коров, 30 овец, 12 пахотных лошадей²⁸.

Переработка дешевого или просто дарового сельскохозяйственного сырья из собственного поместья трудом подневольных работников также давала дополнительные доходы, что вызывало появление вотчинных мануфактур. Эти предприятия оказывались не всегда жизнеспособными из-за нежелания помещиков вкладывать в них средства на покупку более совершенного оборудования, наем квалифицированных мастеров и т.д.

Показательна судьба подобного рода предприятий в Усолье. Там в 1800г. были пущены небольшие салотопенный, мыловаренный и свечной заводы. Ожидаемой прибыли они не дали, так как принудительно отправленные на них крестьяне не могли обрабатывать свою норму господской запашки, упало производство помещичьего хлеба. Пожар на салотопне через три года был воспринят хозяином даже с облегчением как повод к закрытию этих предприятий. Примерно тогда же сторела и не была восстановлена ткацкая фабрика, прекратилась работа чугуноплавильной домны, устроенной в 1800г., граф отказался от идеи завести кожевенное производство и некоторые другие предприятия, возобновить существовавший до 1797г. винокуренный завод.

Ликвидация усольских мануфактур не случайно совпала с переводом крестьян на оброк. Крепостная промышленность существовала, как правило, в барщинных имениях.

В.П.Орлов-Давыдов расширял не только господское полеводческое и животноводческое хозяйство, но и местную промышленность. Это вело к тому, что появляются новые производственные помещичьи строения, а многие старые расширяются и заменяются на каменные. Для обеспечения широкого строительства в Усолье в середине XIXв. действовали 2 кирпичных завода, производившие до 200000 кирпичей в год для помещичьего хозяйства. На нужды строительства в Усолье работал в основном и кирпичный завод в Жигулях.

Серный завод, существовавший с петровских времен в районе Гавриловой Поляны, прекратил свою деятельность еще в середине XVIIIв. Местные жители продолжали добывать в

малых количествах самородную серу для своих нужд и на продажу. Попытки возобновить добычу серы в промышленных масштабах в начале XIX в. были не очень настойчивыми и не дали никаких результатов²⁹.

Горнодобывающая промышленность Самарской Луки переориентировалась на строительное дело, а ее здешний центр переместился в Ширяево. В 1859 г. там в каменоломнях, принадлежавших князю А. Д. Волконскому, за год добывалось до 4 тыс. куб. аршин камня разного наименования и до 60 тыс. пудов извести. Горная мануфактура носила крепостной характер. Крестьяне работали в каменоломнях, на доставке к пристани и погрузке продукции в порядке барщинной повинности. Поистине каторжная барщина по добыче камня достигала трех дней в неделю и продолжалась с 1 мая по 1 сентября. Камень и известь сбывались по контракту саратовскому купцу Гудковину, который вывозил их на своих судах.

Крепостная мануфактура существовала и в лесохимической промышленности края. В 1818 г. селения Аскульской волости Орлова были обязаны выполнять отработочную повинность на заводских работах по производству поташа. Поташ являлся ценным сырьем для стекольного и мыловаренного производства, имел спрос на внутреннем и внешнем рынке. Трехдневная заводская барщина включала и собственно работу при заводе, заготовку леса для бочек (тары), перевозку дров и золы на завод, вывоз готовой продукции к пристани. Одновременно на заводских работах были заняты 355 "жигачей" золы, сменявшиеся каждые три дня.

Завод, построенный близ Аскул и называвшийся Андреевским, оказался убыточным в связи с низкими ценами на поташ из-за сокращения спроса на него за границей. В последующее после 1819 г. время существования завода барщина была отменена, на нем работали по найму столько людей, сколько было потребно для сократившегося производства.

В 1827 г. заводские строения и оборудование были сданы в аренду купцу И. С. Костылеву. Унаследовавшая Аскульскую волость Новосильцева продлила аренду, но поташное произ-

водство продолжалось недолгое время и к середине века прекратилось.

Более устойчивый характер, чем крупная крепостная промышленность, носили крестьянские промыслы, опиравшиеся на прочную традицию и материальную заинтересованность производителей. На первом месте на Луке среди них стояли те, что были связаны с лесом. Заготовление леса и производство различных деревянных изделий велись как для домашних нужд, так и для продажи.

Вотчинная администрация негативно относилась к развитию лесных промыслов сверх потребностей собственно крестьянского и помещичьего хозяйства. По мнению В.Г.Орлова и его управляющих, отход от хлебопашества и чрезмерное увлечение внеземледельческими промыслами развращали крестьян. Тех жителей, что предпочитали обеспечивать себя прежде всего изготовлением и продажей лопат, окосий, топорниц, осей, полозий, вотчинная администрация в первую очередь назначала к переселению в заволжскую безлесную степь, где они поневоле вынуждены были возвращаться к труду земледельца.

Во владениях Новосильцевой преследование лесных промыслов ослабло, чем крестьяне поспешили незамедлительно воспользоваться. По донесению управляющих В.П.Давыдова, который подобно деду предпочитал видеть крестьянина в поле, а не в лесу, главным недостатком этих промыслов было отсутствие помещичьей выгоды: "Все вообще леса (у Новосильцевой) употребляются без всякой экономии только для крестьян, которые пользуются не только для собственных домашних и необходимых в крестьянском быту надобностей, но и большей частью заготавливают для разных изделий, как то: дубовый – на доски, для бочек, кленовый – для гребней и клещей, у которых вырывают одни только корни, дрова и прочее продают посторонним лицам весьма на значительную сумму." За один только месяц с 15 ноября по 18 декабря 1844г. крестьянами Аскульской и Рождественской волостей было продано различных изделий лесных промыслов на 9288 руб.³⁰

Кроме названных выше предметов, крестьяне изготавливали для себя и на продажу телеги, колеса, ободья, деревянную посуду, зубчатые вальки и т.п. Товарность лесных промыслов в Рождественской волости была выше, чем в Аскульской, благодаря удобству сбыта в Самаре и на пристанях.

В.П. Давыдов попытался сделать лесной промысел доходным прежде всего для помещика, для чего попытался взять его полностью под свой контроль. Такой эксперимент был поставлен над переселенцами, прибывшими в новую деревню Отважную. Им не предоставили пахотной земли, а обязали заняться рубкой леса, заготовкой дров, изготовлением деревянных изделий. Женщины и дети должны были очищать лес и заготавливать валежник и сушняк.

Крестьяне получали от помещика хлебный паек и фиксированную плату за изделия. Заготовленная продукция сбывалась на Отваженской пристани или отправлялась по Волге. Полученная прибыль за превышением расходов на содержание и оплату труда крестьян должна была оставаться помещику. Однако, прибыли как раз и не было. Выходцы из степной Курской губернии не имели понятия о лесном деле, с трудом усваивали уроки опытных мастеров, которых пришлось пригласить из владений Новосильцевой. Отважинских мужиков всех определили к учебе и делам: на лесосеки и вывоз леса — 31 чел., гнуть ободья — 3, гнуть полозья — 6, в тележки — 6, в бондари — 3, в колесники — 4, в санники — 6, в углегоги — 10. Однако было не так-то просто приобрести быстро навыки, которые передавались из поколения в поколения на Самарской Луке, несмотря на преследования вотчинников. Изделий получалось мало, качество их было плохое и сбыт тоже. В итоге от помещичьей затеи пришлось отказаться. Отважную переселили на новое место, где можно было заняться земледелием.

Негативно землевладельцы относились и к отходу своих крестьян в бурлаки, судовые работники и т.п. волжские промыслы. Но эти занятия, несмотря на все старания, также не удалось искоренить. Издавна получил здесь развитие и извозный промысел по летним сухопутным и зимним ледовым доро-

гам. Занятия транспортными промыслами были большим подспорьем в хозяйстве крестьян, а для некоторых из них становились основными.

§5. Религиозная жизнь и культура

В XVIII столетии, наряду с бытованием традиционной культуры, присущей русскому, чувашскому и мордовскому населению края, появляются новые черты в развитии религиозной жизни, просвещения, здравоохранения, начинаются научные исследования на Самарской Луке. Обобщенные цифры о наличии культовых сооружений, школ и больниц приведены в Таблицах 10 и 11.

Храмы Самарской Луки были в большинстве селений деревянными. К сожалению, ни один памятник деревянного культового зодчества XVIII-XIX вв. на этой территории не сохранился. Представить их внешний облик довольно трудно. Но и ряд каменных культовых построек оказался разрушенным полностью: храм в Мордове, церкви села Усолья, некоторые часовни.

Дошедшие до нас в разной степени сохранности каменные храмы относятся к разным периодам строительства. Древнейшее из сохранившихся сооружений, Никольская церковь в Осиновке, несмотря на сильные разрушения и утраты, является уникальным для нашего края памятником архитектуры начала XVIII века. Ярусное сооружение несет черты и русского зодчества конца предшествующего столетия, и элементы общеевропейского стиля барокко, пришедшие в эпоху Петра I.

Образцом провинциального классицизма начала XIX столетия является Успенская церковь в Новинках, выстроенная на средства и по распоряжению В.Г. Орлова-Давыдова (1811г.). К этому же стилю более позднего времени относится Христорожественский храм в Рождествене, возведенный при усадьбе его дочери Е.В. Новосильцевой (1843г.). Закат классицизма и распространение архитектурной эклектики во второй трети века можно прочесть в облике Казанско-Богородицкой церкви в

Никольская церковь в с.Осиновка. Современное состояние

Винновке, построенной при деятельном участии графини А. А. Орловой-Чесменской и всех прихожан (1851 г.).

В течение XVIII первой трети XIX вв. православие распространяется среди нерусского населения Самарской Луки. Уже к середине XVIII в. заканчивается переход в православие мордвы. Однако, чувашаи продолжали держаться своих языческих верований. Их деревни на Самарской Луке оставались по сути последним открытым оплотом прадедовских верований во всей Симбирской провинции, а позже губернии. Во время выборов депутатов Уложенной комиссии 1767 года интересы некрещеных чувашей этой провинции представлял житель Кармалов А. Илдебенев, который подал чувашскому провинциальному депутату новокрещену Т. Васильеву наказ о защите интересов языческого населения от преследований за религиозные убеждения и от насильственных методов крещения. О бытовании языческих обрядов среди чувашей Самарской Луки писал и П. С. Паллас, путешествовавший здесь в те же годы.

Вопрос о крещении чувашей был поднят вновь в 1827 г., когда за это дело взялся управляющий В. Г. Орлова купец Никита Яковлевич Ляхов. Ему удалось убедить чувашских старшин деревни Тайдаковой и остальное население перейти в православие. Деятельную помощь ему оказал усольский конторщик Ибряев, который сам был из здешних чуваш и принял крещение ранее. В 1829 г. состоялась поездка по селам Самарской Луки архиепископа Казанского и Симбирского Филарета. Во время ее и был проведен акт крещения тайдаковских чуваш. 29 августа в церкви с. Усолья Ляхов, Ибряев и чувашские старшины подали архиепископу письменное прошение о крещении чувашей. На следующий день все было готово к обряду. На берегу пруда в Тайдакове была установлена походная полотняная церковь Ставропольского калмыцкого войска, сооружены специальные крещальни, для мужчин и женщин отдельные. В Тайдаково прибыли архиепископ со свитой, священники из ближних сел и городов Самары, Ставрополя и Сызрани.

Крестилось сразу 410 мужчин и 490 женщин, все наличное тогдашнее население деревни. Перед началом обряда чувашам огласили их новые христианские имена, которые давали одновременно целым группам. Каждый по очереди спускался в воду через проем в деревянном помосте над прудом и над ним совершалось церковное таинство.

Все следующие дни священники проводили обряд церковного венчания над женатыми чувашами, в т.ч. уже старыми и дряхлыми. Тем, у кого было две или три жены, предлагали обвенчаться только с одной из них по выбору. Очевидцем и летописцем этого события был студент казанской духовной семинарии Сергей Преображенский, будущий настоятель Усольского храма и благочинный, в ведение которого входила и вскоре появившаяся церковь в Тайдакове. По его инициативе в 1871г. на месте, где стояла походная церковь, был установлен памятный знак³¹.

31 мая 1830г. при участии того же архиепископа был совершен в водах волжского залива торжественный обряд крещения крепостных чувашей В.Г.Орлова из Севрюкаева и А.А.Орловой-Чесменской из Березового Солонца и Кармал. За ревность к православному просвещению чувашей Ляхов и управляющий именем Орловой-Чесменской были награждены золотыми, а Ибряев и некоторые другие крепостные служители – серебряными медалями на лентах ордена святой Анны. Позднее Ляхов принял монашество в Печерской Лавре в Киеве, куда уехал вслед за Филаретом, который стал митрополитом Киевским.

Чувашские крестьяне не стали особо ревностными православными. Многие втайне держались старых верований. Не вытеснило христианство полностью традиционные обряды у мордвы. Еще в середине XVIIIв. П.С.Паллас наблюдал как молодых, приехавших из храма с венчания, встречали в мордовской деревни Шелехметь и продолжали свадьбу по старым мордовским обычаям. Но то же следует сказать и о сохранении традиционной культуры русского населения, корни которой лежали не только в православии, но и уходили в дохристиан-

скую древность. Например, на просьбу Русского Географического общества, которое в середине XIX в. обратилось к дворцовому ведомству, о сборе материалов фольклора, одним из немногих откликнулся голова Переволоцкого приказа, приславший записи народных песен, бытовавших в его селе.

XVIII-е столетие и начало XIX-го часто именуются "Веком Просвещения". Под Просвещением лучшие умы той эпохи понимали не просто развитие образования, но освобождение человеческого разума с помощью обучения и воспитания от средневековых догм и суеверий. Даже верховная власть осеняла себя ореолом "просвещенного абсолютизма". Традиции, заложенные русскими просветителями, продолжали жить и развиваться в изменяющихся исторических условиях последних предреформенных десятилетий XIX века. Отдаленная от столиц и крупнейших культурных центров Самарская Лука не отличалась высоким уровнем хозяйственной и общественной жизни и представляла не самую благодатную среду для развития новых культурных явлений. Однако, и этого края коснулись свежие идеи и дела "эпохи Просвещения".

С нашим краем были связаны важные эпизоды государственной и научной деятельности предтеч русской просветительской мысли В.К.Кирилова и В.Н.Татищева. Здесь они находились, будучи руководителями Оренбургской экспедиции, на которую возлагались задачи изучения и освоения юго-восточной окраины России. Не обходили они своим вниманием и Самарскую Луку. Так, было осуществлено картографирование и географическое описание Луки и ближних к ней волжских берегов.

Научное изучение природы, жизни людей и истории Луки, начатое трудами Кирилова, Татищева и их сотрудников в 1730-е гг., было продолжено академической экспедицией, организованной по плану великого М.В.Ломоносова. Ее отряды работали здесь в 1768-1769 гг. Эти отряды возглавляли молодые академики П.С.Паллас, впоследствии всемирно известный биолог, и И.И.Лепехин, выдающийся русский ученый, энциклопедист и просветитель. Среди руководителей и сотрудников

экспедиции были опытный ученый И.П.Фальк и начинавшие только свой путь в науку будущие известные исследователи Н.П.Соколов, Н.Я.Озерцовский, В.Ф.Зуев.

То, что маршруты сразу нескольких отрядов академической экспедиции прошли через Самарскую Луку, было вызвано не только интересом научной общественности к этому природному феномену, но и влиянием В.Г.Орлова. Член семьи богатейших здешних землевладельцев занимал должность директора Академии Наук и был лично заинтересован в результатах научных изысканий на территории своих владений. Благодаря его поддержке, исследователи не имели недостатка в материальном обеспечении экспедиции, в содействии местных властей и вотчинной администрации, в публикации научных отчетов.

Особо теплый прием их ожидал в имениях Орловых. А.Мещеринов, поверенный В.Г.Орлова, писал: "З господами тремя профессорами по волостям ездил и они, сколько можно, старались повеление ваше исполнить... При сем присылаю краткую о местах записку, а обстоятельнее господин Паллас намерен к вам писать из Самары и притом хотел отправить... ретких насекомых, кои словлены около Усолья и по другим волостям, а мне обещал прислать десеть чучел разных птиц... Во время моей езды с ими, господами, в разсуждении ласкового их обхожденья я был весьма доволен, уверен, что и они мною не недовольны, но трудно мне по полям за ними было ходить пешком, и так я с их позволения по болшой части ездил в коляске." Орлов отвечал: "Читав, как ты разъезжаешь с учеными. Хотелось с вами тогда быть. Не могши иметь сего удовольствия, жду с нетерпением описания от господина Палласа и желаю, чтобы господа Фальк и Лепехин примечания свои ко мне прислали... Ежели они еще у тебя, то поклонися им от меня и скажи им, что я их всех в особливых письмах к ним за труды и старание в проезде чрес наши деревни благодарить буду."³²

Глава Академии Наук приложил усилия по развитию образования и в своих крепостных селениях. В 1770г. крестьянские миры владений Орловых на Самарской Луке и в ее окрестно-

стях "согласились иметь училище на господском содержании." Оно было устроено в селе Усолье для детей дворовых людей и крестьян. Готовило оно прежде всего грамотных служащих для вотчинной администрации Орловых. При необходимости давалось не только общее, но и специальное образование. Так, в 1801г. усольская контора заключила контракт с отставным землемером Д.Гавриловым, по которому тот "трех мальчиков обучил как по инструменту, так и в сочинении планов", за что получал в течение трех лет "столовый припас" и жалованье 80 руб. в год.³³

Учащиеся Усольской школы находились на содержании помещика. В 1825г. их обучалось здесь 36 человек. Были трудности с поисками учителей, но соображение управляющего о приглашении на эту должность ученого попа было отклонено графом Орловым. Училище ориентировалось не на церковную, а на светскую образованность, необходимую для делопроизводства и получения практических знаний. Даже еще не окончивших курс учения лучших учеников старались использовать в вотчинной конторе. При поиске людей для обычных дворовых служб управляющего предупреждали, чтобы к простым работам "из училища отличившихся в понятии не брать".³⁴

После смерти В.Г.Орлова характер обучения в Усольской школе несколько изменился. С 1833г. занятия в ней в течение более сорока лет вел священник Сергей Преображенский. Своих учеников он обучал по модной тогда "ланкастерской системе" чтению, письму, закону божьему, арифметике, церковному пению, основам грамматики и географии. При посредничестве Преображенского В.П.Орлов-Давыдов и крестьяне договорились о переводе школы на мирское содержание. В Усолье началось обучение грамоте и девочек. Возникали школы и в других помещичьих селах. С 1840г. действовало училище в Жигулях. В 1850г. в Рождествене и Новинках "учреждены училища для обучения грамоте крестьянских детей". В 1859г. в них было соответственно 33 и 25 учеников.

Определенную заботу о развитии грамотности проявляло и удельное ведомство. В первой половине XIXв. в каждом

удельном имени при их управлениях-"приказах" были устроены сельские училища: "По части учебной, нравственной и хозяйственной управляет училищем учитель под ведением местного приказа. Число учеников... простирается до 50 мальчиков и 10 девочек." Предметами обучения были чтение книг церковной, гражданской печати и рукописей, чистописание, четыре арифметические действия с употреблением счетов, а также закон божий, который преподавал священник.

В соответствии с такой практикой удельные училища были устроены в бывших владениях графини А.А.Орловой-Чесменской, проданных ею в удел. В Переволоках под школу отвели одну из изб на прежнем господском дворе.

В XVIII столетии "охранение здоровья народного" становится составной частью государственной политики. К существовавшим прежде монастырским больницам, придворным аптекам и врачам, военным лекарям и госпиталям добавляются аналогичные гражданские заведения медицинской службы. Недостатком государственного здравоохранения было то, что оно создавалось для оказания помощи городским жителям, составлявшим подавляющее меньшинство населения страны. Но во второй половине забота о "народном здравии" становится не только государственным, но и общественным делом. Возникают больницы, заведенные на частные средства.

Братья Орловы не были чужды как передовым веяниям "века Просвещения", так и естественному чувству человеческого участия и благотворительности. В 1770-х гг. ими заводятся частные больницы для крестьян, в т.ч. в Усолье. Это произошло даже раньше, чем появилась первая общедоступная больница для гражданского населения в столичном Петербурге. Больничное обслуживание здесь было улучшено и поставлено по тогдашнему новому слову медицинской науки. Много усилий к этому было приложено в начале XIXв. венским врачом А.Гетте, приехавшим в Усолье по контракту с графом Орловым. Больница в Усолье по распоряжению В.Г.Орлова должна была стать лучшей в Симбирской губернии, и она такой стала. Обслуживала она не только жителей этого села, но крестьян

**Вид на корпус вотчинной больницы в Усолье
из усадебного парка (реконструкция Ахмедовой Е.А.)**

всей вотчины помещика на Самарской Луке и в ее окрестностях. Лечение и содержание больных производились за счет помещика.

После отъезда Гетте больницу возглавили крепостные люди Орлова братья Хомутовы, с детских лет обучавшиеся у симбирского аптекаря, а затем у Гетте и официально аттестованные симбирским губернским врачом на право заниматься лечебной деятельностью. При В.П.Орлове-Давыдове больница была расширена, было открыто детское отделение. Фельдшерские пункты со стационарами появились в Жигулях и некоторых других крупных селах этой вотчины.

Были заведены больницы и в других помещичьих имениях. В Рождествене, имении Новосильцевой, в больнице работали крепостные медики во главе с подлекарем (фельдшером) Ф.Тугаровым. Обязанности врача исполнял по совместительству самарский уездный штаб-лекарь Г.А.Троицкий. Больница обслуживала и соседние деревни Рождественской и Акульской волостей. При ней, как и в Усолье, имелась аптека. Удельное ведомство для своих крестьян также заводило больницы.

- ¹РГАДА. Ф.11. Оп.1. Д.70. Л.83-84.
- ²Там же. Д.101. Л.21 об., 26 об.
- ³Там же. Ф.16. Оп.1. Д.931. Л.30-32 об.; Ф.248. Д.140. Л.329-330.
- ⁴Там же. Ф.280. Оп.3. Д.622. Ч.VII. Л.171-175 об.
- ⁵Там же. Ф.350. Оп.2. Д.2899.
- ⁶Там же. Ф.1239. Оп.1. Д.116. Л.39 об.
- ⁷Там же. Ф.11. Оп.1. Д.845. Л.43.
- ⁸Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1422. Л.136-137.
- ⁹Там же. Ф.1354. Оп.418. Д.Е-3; Ф.1273. Оп.1. Д.3333.
- ¹⁰Там же. Ф.1355. Оп.1. Д.1422.; РГВИА. Ф.ВУА. Оп.16. Д.19023. Л.42 об.-44,54.
- ¹¹РГБ ОР. Ф.219. Кар.3. Е.х.4. Л.1-2об.
- ¹²Там же. Л.3 и об.
- ¹³РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.2910. Л.54-55 об.; ГАУО. Ф.147. Оп.57. Д.19. Л.59 и об.; Ф.147. Оп.55. Л.85 об.-86.
- ¹⁴РГАДА. Ф.1274. Оп.1. Д.1285.
- ¹⁵Там же. Ф.16. Оп.1. Д.931. Л.31-32об.; РГБ ОР. Ф.219. Кар.3. Е.х.4. Л.1об.-2.
- ¹⁶РГАДА. Д.564. Л.84; РГБ ОР. Ф.219. Кар.133. Е.х.11. Л.2.
- ¹⁷ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.26. Л.28об.; Оп.7. Д.5. Л.33,64об.-65.
- ¹⁸Там же. Д.26. Л.29об.; Оп.6. Д.7. Л.417; Смирнов Ю.Н. Освоение и заселение земель к югу от низовьев реки Самары в XVIII - первой половине XIX века//Краеведческие записки. Вып. VII. Самара,1995.С.75-76.
- ¹⁹РГБ ОР. Ф.219. Кар.13. Е.х.11. Л.1об.; РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.3320.
- ²⁰РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.1064.
- ²¹Там же. Ф.248. Оп.113. Д.16516. Л.350 об.
- ²²Лепехин И.И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Ч.1. СПб.,1795. С.148.
- ²³ГАУО. Ф.147. Оп.10. Д.43. Л.1-5.
- ²⁴РГБ ОР. Ф.219. Кар.4. Е.х.19. Л.1.
- ²⁵В крепостную эпоху на Средней Волге. М.-Самара,1934. С.108.
- ²⁶Там же. С.114; РГБ ОР. Ф.219. Кар.90. Е.х.27. Л.11.
- ²⁷РГБ ОР. Ф.219. Кар.133. Е.х.11. Л.1; ГАУО. Ф.147. Оп.7. Д.26. Л.20-23.
- ²⁸РГАДА. Ф.1357. Оп.1. Д.35.
- ²⁹См.: Артамонова Л.М. Гаврилова Поляна и ее окрестности в XVIII- начале XX века//Краеведческие записки. Вып.VII. Самара, 1995. С.81-87.
- ³⁰РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.2910. Л.61.
- ³¹ГАУО. Ф.732. Оп.2. Д.451. С.39-41.
- ³²РГБ ОР. Ф.219. Кар.55. Е.х.72; Кар.7. Е.х.6. Л.67-68.
- ³³РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.554. Л.52; ГАУО. Ф.147. Оп.6. Д.7. Л.373 об.
- ³⁴РГАДА. Ф.1273. Оп.1. Д.531. Л.132 об., 159 об.; Д.534. Л.23; Д.535. Л.3 об.; Д.967. Л.25-30 об.

САМАРСКАЯ ЛУКА МЕЖДУ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМОЙ И РЕВОЛЮЦИЯМИ (вторая половина XIX - начало XXвв.)

§1. Административно-территориальное деление

Губернские и уездные границы, установленные еще в предшествующий период, оставались неизменными. Самарская Лука все пореформенное и предреволюционное время оставалась в составе Сызранского уезда Симбирской губернии.

Новым в системе местного управления стало изменение роли волостей. В крепостную эпоху волостями называли имения или крупные крестьянские общины в рамках одного землевладения. Теперь, когда помещики оказались лишенными права распоряжаться личной жизнью, имуществом и трудом крестьянского населения, когда земли частных владельцев и крестьянских общин оказались разделенными друг с другом, волости приняли иной облик. Они стали непосредственным звеном государственного управления и утратили при этом функции большой поземельной общины, так как земельные общества (крестьянские общины) создавались теперь, как правило, в границах отдельных селений, одно или несколько на каждое село и деревню. Если до отмены крепостного права волости существовали только в относительно крупных землевладениях (государственных, удельных, частных), то теперь волостная организация охватывала все крестьянство.

Сельские общества и волости с точки зрения верховной власти были прежде всего административно-полицейскими единицами, облегчавшими правительству сборы налогов и выкупных платежей за освобождение от крепостной зависимости, выполнение государственных и земских повинностей, комплектование армии, разрешение поземельных споров и других конфликтов. Это звено управления было выгодно и тем, что не

требовало государственных расходов на его содержание, действуя на принципах самоуправления и самообеспечения.

Каждое сельское общество на сельском сходе выбирало своих должностных лиц: сельского старосту, сборщиков податей, полицейских чинов (сотских и десятских). Сельские сходы решали вопросы использования и распределения общинных земель, раскладки налогов, мелкие тяжбы и полицейские дела.

В состав волостного схода входили сельские и волостные должностные лица, а также выборные от определенного числа дворов-домохозяйств. Волостной сход выбирал волостных должностных лиц, представителей на съезд для выбора гласных в уездное земское собрание от крестьянского населения, разрешал хозяйственные нужды волости, утверждал приговоры сельских сходов и т.п. Избираемый здесь на три года волостной старшина возглавлял волостное звено управления, выполнял полицейские функции, следя за "сохранением общественного порядка, спокойствия и благочиния в волости". Ему подчинялись сельские старосты и другие должностные лица крестьянских общин. При нем же состояло волостное правление, в состав которого входили все старосты, сборщики податей, заседатели и писарь (делопроизводитель). Однако, обязательным было присутствие в волостном правлении только старшины и писаря, которые могли принять любое решение в рамках компетенции этого правления. Писарь не выбирался крестьянами, а назначался уездными властями.

На волость возлагались и судебные функции. Волостной суд представлял из себя коллегия из 4-12 судей, избираемых ежегодно волостным сходом. Это был сословный крестьянский суд, разбиравший споры и тяжбы между деревенскими жителями по не крупным (до 100-300 рублей) искам, а также мелкие уголовные дела.

Границы и состав волостей на Самарской Луке в указанный период времени несколько менялись, хотя в целом были устойчивыми. Вся восточная часть Луки (см. Табл.12-14) постоянно входила в Рождественскую волость, западная (до р.Усы и волжско-усинской переволоки) – в Жегулевскую. Ис-

ключением было Кольцово, которое попало в Жегулевскую волость только в самом конце XIX в. Еще далее на запад располагались волости Переволоцкая (с. Переволоки, с. Печерское, д. Печерский Выселок) и Усольская (все селения за р. Усою). В конце XIX в. волостное правление из Переволок перемещено в Печерское, но название волости оставлено прежним.

Заметные изменения в волостном делении касались только центральной части Луки. Вначале здесь были созданы волости Аскульская (Аскулы, С. и Б. Солонец, Севрюкаево, Бахилово с гудронными заводами) и Осиновская (Осиновка, Винновка, Ермаково, Кольцово, Кармалы). В конце XIX в. Осиновская волость была упразднена и слилась с Аскульской (кроме Кольцова, переданного в Жегулевскую), но в начале XX в. была восстановлена в составе только трех селений: Осиновки, Винновки, Ермакова. Кармалы остались в Аскульской волости. Последняя сохраняла свое первоначальное название, хотя волостное правление было перенесено в Сосновый Солонец.

Волостные учреждения находились под сложной системой контроля со стороны правительственных и дворянских органов надзора и опеки. В первые два года после Крестьянской реформы 1861 г. для введения уставных грамот между помещиками и крестьянами, а также для разбора споров и жалоб в поземельных отношениях были введены мировые посредники. Они просуществовали до 1874 г. и были заменены уездным по крестьянским делам присутствием, в состав которого входили уездный предводитель дворянства (в качестве председателя), исправник (руководитель уездной исполнительной и полицейской власти), председатель уездной земской управы (от земского самоуправления) и назначаемый правительством непременный член (в его ведении находились поземельные дела).

В 1889 г. все вышеперечисленные учреждения были заменены административно-судебными чиновниками – земскими начальниками, назначаемыми из дворян и получившими широкие полномочия по утверждению решений крестьянских органов самоуправления, назначению и смещению их выборных лиц,

наказанию крестьян. Вышестоящими инстанциями для этих чиновников были уездный съезд земских начальников, губернское по крестьянским делам присутствие, земский отдел Министерства внутренних дел (в административном отношении) и второй, крестьянский, департамент Сената (в судебном отношении).

Кроме того, губернаторам лично вменялось в обязанность держать под контролем деятельность общинных и волостных учреждений, что они и осуществляли непосредственно во время ежегодных объездов вверенных им губерний. Насколько строго и по каким направлениям осуществлялся этот контроль, свидетельствует, например, отчет симбирского губернатора о посещении волостного правления в Сосновом Солонце 15 июля 1893г. (здесь же наглядно показан круг компетенции волостных органов)¹:

"Делопроизводство этого волостного правления и большая часть его книг найдены в полном беспорядке. Алфавита о судимости совсем не ведется, в паспортной книге нет ни расписок в получении видов на отлучку из жительства, ни отметок о возвращении этих документов в волостное правление. Баллотировочного ящика совсем нет. Сведений о числе дел, разобранных волостным судом и оставшихся нерассмотренными, писарь правления не был в состоянии представить, а также не мог дать сведений и о числе лиц, подвергнутых телесному наказанию, и о числе лиц, сосланных в 1893 году в Сибирь по приговору сельских обществ.

Архивные дела волостного правления оказались на чердаке в полном беспорядке. Поверить денежный сундучек оказалось также невозможным в виду того, что подлежащей описи наличным деньгам, маркам и документам в сундучке не имеется, ведомость же, представленная при рапорте о денежных суммах и документах, хранящихся в волостном правлении, не соответствует той сумме, которая оказалась в наличности в сундучке волостного правления... Земскому начальнику 1 участка Сызранского уезда предложено писаря волостного правления уволить, а старшину подвергнуть строжайшему взысканию."

Не лучше обстояли дела в Усольском волостном правлении, где губернатор побывал 14 июля того же года:

"Волостное правление. Входящих бумаг на имя волостного правления на день ревизии поступило 819 и исполнений выполнено 2325. Письменных замечаний местного земского начальника волостному правлению, по объяснению писаря Абрамова, ни в 1892г., ни в 1893 году делавемо не было. Последнее же словесное замечание было сделано в октябре месяце прошлого года. Волостной старшина получает жалованья 300 руб. и писарь 288 руб. и, кроме того, имеет при себе еще помощника за особое вознаграждение.

Книги на записку постановлений волостного правления совсем не ведется, и в нее не записано ни одного постановления. Книга на записку сделок и договоров также не велась ни в 1893г., ни в 1892г. Описи документам, маркам и деньгам, хранящимся в волостном правлении, в денежном сундучке не оказалось, но деньги и документы налицо. Описи делам и книгам также не ведутся волостным правлением, и вообще оно находится в крайне плохом состоянии. Архив его не разобран по связкам, и дела не имеют никаких ярлычков.

Всех дел волостным судом разрешено в текущем году 96, в том числе 56 гражданских и 40 уголовных. Телесному наказанию подвергнуты были двое. Поступающие на имя волостного правления бумаги исполняются не всегда своевременно, и дела на разрешение волостного суда передаются спустя очень продолжительное время, так, например, есть уголовные дела, не решенные волостным судом, поступившие еще в январе и феврале месяцах. Всего не разобраны волостным судом 93 дела. Наказания налагаются несогласно с законом, так, например, приговоренных к аресту суд, кроме того, приговаривает к общественным работам. Лиц, приговоренных к аресту, положительно запрещено употреблять на эти работы, и последние могут назначаться лишь взамен денежных штрафов. Штрафные деньги записываются вместе с волостными суммами, и сделки и договоры старшина свидетельствует без занесения их в установленную для сего книгу...

Ввиду такого небрежного крайне отношения писаря Усольского волостного правления Абрамова и помощника его Галицкого к исполнению их служебных обязанностей, от чего дело-производство волостного правления находится в крайне плохом состоянии, земскому начальнику 1-го участка Сызранского уезда г. Бекетову предложено лиц этих уволить от занимаемых ими должностей."

Во время этой же поездки губернатор провел ревизию в волостных правлениях в Жигулях и Печерском. Там тоже были отмечены недостатки работы, но менее значительные и не повлекшие суровых взысканий. Кроме волостных учреждений, во время своего пребывания в селах губернатор посетил и внимательно осмотрел школы и больницы, склады общественного хлеба и пожарные инструменты, арестные дома и тюремные этапы. Главным недостатком последних губернатор посчитал неправильное устройство дверей и запоров в отхожих местах, что свидетельствует о весьма детальном наблюдении за состоянием вверенных ему дел.

§2. Землевладение

После 1861г. началась перекройка старых земельных границ. Это было связано с освобождением крестьян от крепостной зависимости и выделением их общинам наделной земли из угодий прежних владельцев. Речь шла не только о помещичьих, но и об удельных и государственных крестьянах. Все они получали предусмотренную законом норму, как правило, за высокий выкуп, а основная часть земель оставалась соответственно у помещиков, удела, казны.

Максимальная норма земельного надела для данной территории устанавливалась в 4 дес. на мужскую ревизскую душу. Выкуп за землю должен был обеспечить прежнему владельцу такой капитал, чтобы проценты с него равнялись доходу, который он ежегодно получал со своих крепостных. Для этого сумма крестьянского денежного оброка умножалась на 162,3. У крестьян таких денег, разумеется, не было, поэтому сразу

они должны были внести 1/5 часть этой суммы. 4/5 платила помещику казна, а затем взыскивала эти деньги, "выкупные платежи", у крестьян с высокими процентами. По согласию крестьян и помещиков первые могли получить минимальный, т.н. "дарственный" надел в 1 дес. на душу м.п. без выкупа, но это практически означало полное обезземеливание крестьян.

Для иллюстрации приведем сведения по Жигулевскому имению В.П.Орлова-Давыдова, где были использованы различные способы выкупной операции:

Селения	ревиз-ских душ м.п.	в пользова-нии крестьян до реформы	отрезано из наделов	осталось в пользовании после нее
	чел.	дес.	дес.	дес.

1. Максимальный надел:

Жигули	716	3452	588	2864
Валы	377	1844	336	1508
Александровка	269	1295	219	1076
Б.Рязань	394	1919	343	1576
Отважная	142	688	120	568
Брусяны	480	2406	486	1920

2. Дарственный надел:

М.Рязань	387	2142	1755	387
Бахилово	399	2122	1723	399
Кольцово	16	74	58	16

Нетрудно заметить, что даже "максимальная" норма была заметно ниже тех наделов, которыми крестьяне пользовались при крепостном праве и считали своими. Крестьяне Жигулевской волости потеряли 35% своих традиционных сельскохозяйственных угодий. Общая площадь земель этой волости составляла 49610 дес., из них крестьянам отошло 10314 дес.(21%), у помещиков осталось 39296 дес.(79%).

"Дарственники" получили свою землю в этой волости уже в 1862г., а выкупные сделки с остальными были заключены в 1868г.

По этим сделкам крестьянам предстояло выплатить в рублях:

Селения	оброк с души м.п.	сумма выкупа	из них ссуда казны	уплачено сразу
Жигули	8,83	105400	84320	21080
Александровка	8,90	40250	32200	8050
Валы	8,39	55850	44680	11170
Б.Рязань	8,90	58430	46746	11684
Отважная	9,00	21300	17040	4260
Брусяны	8,75	70000	56000	14000

Вообще крупные богатые землевладельцы, не особо нуждавшиеся в деньгах, которые шли в уплату выкупа, предпочитали соглашаться на передачу крестьянам дарственных наделов, сохраняя тем самым у себя больше земли. Жигулевская волость в вотчине Орлова-Давыдова была скорее исключением из правила. В других его имениях количество крестьян, получивших дарственный надел, намного превышало тех, кто брал максимальный. Практически во всех селениях Усольской волости, а также в имениях Долгоруковой и Левашовой крестьяне получили именно минимальные, в одну десятину, наделы.

Вести хозяйство, ограничиваясь таким наделом, было невозможно. Так, в наделную землю Подгор и Выползова вошли усадьбы, выгоны, незначительные участки покоса и леса. Пашни крестьяне не получили вовсе, как и в соседнем Рождестве. Ее приходилось арендовать у помещицы. арендная плата постоянно росла. Без всяких затрат со своей стороны Левашова, как и ее родственники из потомства В.Г.Орлова, обеспечивала себе исправное и постоянное поступление доходов на уровне не ниже дореформенного. По сообщению симбирского губернатора, "крестьяне Рождественской волости, получившие в дар только 1 десятину удобной земли, снимают у помещика под яровое 1400 дес. (и паровой земли 1560 дес.) первую от 2 1/2 до 3 рублей серебром за десятину, а вторую от 3 до 4 рублей серебром."²

Несколько лучше обстояло дело с наделением землей бывших удельных крестьян. Самыми обеспеченными по площади

угодий в восточной и центральной части Луки были крестьяне Березового Солонца, хотя по соседству находились куда более многолюдные селения. Из 1370 дес. наделной удобной земли пашня составляла 1161 дес. и сенные покосы 135 дес., остальное приходилось на усадьбы и выгон. Пашня и сенокосы подвергались ежегодным переделам³.

В западных районах Луки бывшие удельные крестьяне также находились в лучшем положении, чем освобожденные крепостные Орловых-Давыдовых. В Переволоках в распоряжении общины (249 наличных семей в 1911г.) было 2333 дес. наделной пашни, 425 дес. покосов, 80 дес. усадьбы и 60 дес. выгона. После 1897г. переделы земли между крестьянами в течение начала XXв. не производились.

Сравнительно высокая обеспеченность наделной землей обусловила то, что столыпинская аграрная реформа показала заметные результаты в деле разрушения общины именно в бывших удельных селениях, а также в бывших помещичьих, получивших максимальную норму надела за выкуп. К 1911г. были закреплены в собственность или проданы 40 из 270 крестьянских наделов в Березовом Солонце, 67 из 426 в Переволоках, 192 из 716 в Жигулях.

Во многих же здешних селениях, особенно бывших помещичьих на дарственном наделе, ни продавать, ни закреплять в собственность было попросту нечего. Во всей Рождественской волости к тому времени в собственность было укреплено всегонавсего 3 крестьянских надела.

Даже в относительно более благополучных селениях для ведения крестьянского хозяйства наделной земли могло не хватать. В начале XX в. каждые семь из десяти наличных семей Березового Солонца и Переволок снимали землю в аренду. В Жигулях такие семьи составляли 44%. Но чаще нужда в аренде сельскохозяйственных угодий была еще выше. Так, снимали помещичью землю в Аскулах 81% наличных хозяйств, в Выползове – 83%, в Сосновом Солонце – 85%, в Шелехмети – 90%, в Торновом – 94%, а в Подгорах – 95%.

Другим способом выхода из малоземелья была покупка пашен, сенокосов и других угодий, которая, конечно, была под силу только зажиточным крестьянским хозяйствам. На 1911г. покупную землю имели в Подгорах 9 хозяйств, в Торновом – 14, в Выползове – 19, в Сосновом Солонце – 37, в Рождествене – 40. В Аскулах в 1909г. зафиксировано 5 случаев покупки земли крестьянами (И.Т.Веретенников, И.Н.Мариньчев и др.) у князя Долгорукова общей площадью в 45,3 дес. пашни по цене 160 руб. за десятину на сумму в 7240 руб. В Березовом Солонце землю зажиточные хозяйства покупали в основном у своих односельчан, продавших собственные наделы.

Покупка земли крестьянами в собственность продолжалась и в последующие годы. За 1909-1913гг. у помещика М.К.Ушкова в Подгорах купили землю жители села В.С.Винокуров, А.Г.Загдин, П.Е.Любимов, Г.К.Губанов, Д.Е.Родимов, И.И., Е.Ф. и В.Е.Мамонтовы, Е.С. и В.С.Винокуровы, Н.С.Царенков, Г.Я.Волков. Цена десятины в этих покупках колебалась от 162 до 250 руб. и имела со временем тенденцию к росту. Крестьянин из Выползова С.П.Максаков в 1909г. покупал у Ушкова землю по 162 руб. за десятину, а в 1911г. – по 191 руб. В 1912г. крестьяне той же деревни П.М.Парамонов и А.С.Гущин приобрели у этого помещика 17 дес. пашни за 3740 руб., заплатив по 220 руб. за десятину.

Крестьянин из Карловки Д.С.Обухов в 1909г. купил у Орлова-Давыдова 30 дес. пашни по 125 руб. за десятину, а в 1914г. еще 30 дес. пашни и 6 дес. покосов по 140 руб. У того же помещика покупали землю другие крестьяне: в 1909г. М.С.Железников из Сытовки (5,3 дес. пашни по 150 руб.), в 1913г. К.Г.Панин при водяной мельнице у д.Ольгиной (30 дес. пашни и 18 дес. покоса по 89 руб.) и Н.А.Киселев при Сытовке (12 дес. пашни, 4,5 дес. покоса и 3,5 дес. выгона по 130 руб.). Однако, земельные покупки крестьян в Усольской волости были менее распространены, чем на востоке и в центральной части Луки. То же можно сказать и о Жигулевской

волости, но там исключением являлись жители Брусян, которые активнее своих соседей покупали земли у разных помещиков.

Крупные покупки совершались вскладчину. В 1910г. у князя Долгорукова купили товарищества крестьян: Соснового Солонца – 60 дес. за 7500 руб., Мордова – 68 дес. за 8500 руб. (оба по 125 руб. за десятину), Брусян – 32 дес. за 3750 руб (117 руб. за десятину). У графа Орлова-Давыдова в 1909-1910гг. жителями Брусян (И.Т.Лаковников, И.Н.Тарасов, Д.И.Алферов, И.И.Алферов и др.) куплено земли общей площадью 107 дес. на 13375 руб.(125 руб. за десятину).

К 1911г. в Шелехмети имелась купленная земля (200 дес.) у 32 хозяйств, составлявших товарищество по совместному приобретению и использованию земли. В 1912г. это же товарищество купило у Ушкова близ с.Рождествено еще 207 дес.пашни по 200 руб. за десятину, заплатив всего 41400 руб. В 1913г. жители Выползова В.В.Зайцев с прочими (всего 7 домохозяев) купили у Ушкова 60 дес. пашни за 11010 руб. (184 руб. за десятину)⁴.

Таким образом, в начале XXв. счет крестьянских земельных покупок шел на тысячи и десятки тысяч рублей, которые отдавали крестьяне помещикам в общем-то за собственные угодья, отнятые у них в результате реализации реформы 1861 года. Под силу такие приобретения были, впрочем, далеко не всем. Например, на 1911г. купленной земли не имели совсем ни жители-"дарственники" из малоземельных Новинок, ни получившие максимальную норму надела крестьяне из Жигулей.

Арендовали и покупали землю на Самарской Луке не только здешние крестьяне. В качестве отдельных населенных пунктов здесь в последней трети XIX начале XXвв. упоминаются различные поселки, хутора, устроенные собственниками и арендаторами для занятий земледелием, животноводством, пчеловодством, лесными и горнодобывающими промыслами. Особенно их много было в восточной и центральной части Луки. Среди этих владельцев и устроителей маленьких или сравнительно больших поселков названы компании по добыче

гудрона и асфальта, мещанин Стрельников, купец Макаров, крестьянин Айдошкин, Алатырский женский и Самарский Николаевский мужской монастыри, Самарский архиерейский дом, сызранское уездное земство.

Несмотря на выделение угодий крестьянским общинам, продажу их различным владельцам, крупнейшими земельными собственниками на Самарской Луке оставались помещики и удельное ведомство. Среди помещичьих выделялись своими размерами землевладения потомков крупнейших вотчинников крепостной эпохи. В.П.Орлов-Давыдов умер в 1882г., оставив Усолье и другие здешние владения одному из своих сыновей Анатолию Владимировичу, от которого по наследству они перешли сыну последнего Алексею Анатольевичу в 1905г. Наследником последнего должен был стать Сергей Алексеевич, но события 1917г. положили конец существованию "графства" Орловых и Орловых-Давыдовых на Самарской Луке, которое не дотянуло года до своего полуторовекового юбилея. Аскульское имение до революции оставалась в роду Долгоруковых, а Рождественское после О.В.Левашовой стало собственностью помещиков Ушковых.

В связи с размежеванием помещичьих и удельных, с одной стороны, и крестьянских земель, с другой, некоторые населенные пункты официально были поделены на два или несколько, так как учитывалась принадлежность земли тому или иному собственнику. Прежние наименования сел и деревень остались за жителями крестьян-общинников. Старые дворянские усадьбы крепостной эпохи и новые административно-хозяйственные центры помещичьих экономий с домами хозяев, служащих, постоянных работников или сезонников-батраков стали считаться отдельными населенными пунктами и чаще всего именовались "хуторами". Особыми населенными пунктами могли считаться также поселки на частновладельческих землях при предприятиях горнодобывающей и лесной промышленности, мельницах, пристанях.

Начинавшийся распад самих крестьянских общин делал грань между селом и усадьбой все менее ощутимой. Принад-

лежность или непринадлежность к сельскому земельному обществу переставала быть главным отличием жителя собственно села от обитателей хутора, поселка при помещичьей "экономии" или промышленном предприятии.

§3. Численность населения

Как и по предыдущему разделу, основные данные по численности населения Луки, отдельных районов и селений в пореформенную эпоху и в начале XXв. приводятся в таблицах 12-14. Остановимся на основных демографических явлениях.

Безусловным становится постоянный рост населения. Он достигается во многом за счет естественного прироста, который уже не сдерживается помещичьим вмешательством. Массовых передвижек населения целых деревень и волостей не происходит, хотя реформа 1861 года, точнее ее реализация, вымыла из сел и деревень часть жителей, перебравшихся в города и другие промышленные или транспортные центры в качестве рабочих, ремесленников, торговцев и т.п.

Не случайно, что медленнее всего растет население в первые пореформенные два-три десятилетия в центральной части Луки, где остается почти на уровне рубежа 50-х 60-х гг., и в восточной ее части, где оно даже сократилось. Сказалось обезземеливание в селениях с дарственными наделами и близость их к городу с его спросом на рабочую силу.

Однако, этот же фактор близости к городу во многом определил опережающие темпы роста населения на востоке Луки в самом конце XIX - начале XXвв. Даже на небольших наделах и при высокой арендной или покупной плате земли местные крестьяне могли с выгодой получать товарную продукцию, необходимую городу. Быстрее чем в других селах разворачивается промышленность в Рождествене и Ширяеве, требующая рабочих рук, конкурирующая с городскими рынками труда.

Рождествено, которое в конце крепостной эпохи было наименее значительным из центров крупного землевладения на Луке, за последние предреволюционные десятилетия догнало и

определило Усолье и Сосновый Солонец по числу жителей. Это, несомненно, произошло за счет обеспечения работников заработками в крупном частном хозяйстве Ушковых с большой долей промышленного производства. То же можно сказать о быстро росших Жигулях, хотя там уклон был сделан в сторону сельскохозяйственного и торгового предпринимательства. По-прежнему крупнейшим поселением на Луке уверено оставалось Печерское, которое было не только земледельческим, но также торговым и горнозаводским. Рост населения там заставил часть жителей перебраться ближе к отдаленным угольям, что привело к появлению д.Печерского Выселка. Еще стремительнее, также благодаря добывающей промышленности, росло население в прежде небольшом Ширяеве.

Конечно, основная часть жителей Луки принадлежала по-прежнему к сельскому земледельческому населению. Однако роль промышленных предприятий в формировании населения и поселений становилась все более и более ощутимой.

В представленных таблицах 12-14 учитывалось следующее обстоятельство. Если усадьба-хутор, завод, мельница и т.п. действительно располагается в отдалении от сел или деревень, то они учтены как самостоятельные населенные пункты. Если такие сельскохозяйственные, промышленные, транспортные объекты с их поселками являются органической частью крупного крестьянского поселения и выделяются только по признаку земельной собственности, то их население учитывалось вместе с крестьянским по данному селу или деревне, а в таблице сделано соответствующее замечание.

Самыми примечательными частновладельческими населенными пунктами на Самарской Луке по численности дворов и жителей были следующие хутора-усадьбы и заводские поселки:

хутор Орловых-Давыдовых "Усольский" (усадьба в с.Усолье), где было в 1897г. 36 дворов, 115 мужчин, 96 женщин, а в 1913г. 36 дворов, 159 мужчин, 95 женщин;

- их же хутор "Жигулевский" (усадьба в Жигулях), в 1897г. - 22 двора, 115 мужчин, 42 женщины, а в 1913г. - 24 двора, 201 мужчина, 232 женщины;

их же хутор "Усинский" (в д.Усладе), в 1897г. - 1 двор, 10 мужчин и 11 женщин, в 1913г. - 8 дворов, 46 мужчин, 10 женщин;

их же хутор "Валовский" (в Валах), в 1897г. - 1 двор, 68 мужчин, 14 женщин, а в 1913г. - 5 дворов, 28 мужчин, 40 женщин;

их же хутор "Старо-Рязанский" (в Б.Рязани), в 1897г. - 3 двора, 37 мужчин, 5 женщин, а в 1913г. - 8 дворов, 15 мужчин, 20 женщин;

их же лесопильный завод при Морквашах, в 1897г. - 1 двор, 36 мужчин, 15 женщин;

хутор Долгоруковых "Дмитриевский" (усадьба в Сосновом Солонце), в 1884г. - 14 дворов, 47 мужчин, 36 женщин, в 1897г. - 19 дворов, 64 мужчины, 79 женщин, а в 1913г. - 15 дворов, 42 мужчины, 52 женщины;

усадьба Ушковых "Ольговка" (в Рождествене), в 1884г. - 12 дворов, 22 мужчины, 31 женщина, в 1897г. - 9 дворов, 20 мужчин, 26 женщин, а в 1913г. - 12 дворов, 26 мужчин, 32 женщины;

их же прочие усадьбы, хутора, промышленные заведения в Рождествене (вместе взятые), в 1897г. 27 дворов, 189 мужчин, 117 женщин, а в 1913г. 48 дворов, 287 мужчин, 181 женщина;

известковый завод Г.С.Ванюшина (в Ширяеве), в 1913г. - 7 дворов, 186 мужчин, 142 женщины;

каменоломни Г.С.Ванюшина (там же), в 1913г. - 10 дворов, 195 мужчин, 121 женщина;

- его же три хутора при с.Ширяеве (вместе), в 1913г. - 4 двора, 60 мужчин, 4 женщины;

асфальтовый завод и штольни Общества Сызранско-Печерской горной промышленности (в Печерском), в 1897г. - 3 двора, 222 мужчины, 50 женщин;

- их же Бахилковский гудронный завод и асфальтовый завод товарищества Сызранских асфальтовых заводов, вместе взятые (см. Табл. 12-14)⁵.

Не будет трудно заметить, что населенность частновладельческих поселков испытывала ощутимые колебания, так как зависела в первую очередь от потребностей производства в рабочей силе в данный период, в данном году, даже данном конкретном сезоне или месяце. Более или менее устойчивым или постоянно растущим было население на старых усадьбах (Усолье, Жигули, С.Солонец, Рождествено), тесно связанное не только с помещичьим хозяйством, но и с жизнью всего села.

§4. Хозяйство и занятия

Основные занятия населения в пореформенную эпоху остались прежними. Однако, как крупное помещичье, так и крестьянское хозяйство были вынуждены приспособливаться к новым отношениям, вызванным падением крепостного права, быстрым развитием рынка и капитализма.

Условия, на которых осуществлялось освобождение крестьян из крепостной зависимости после 1861г., позволили Орловым-Давыдовым, Долгоруковым, другим помещикам Самарской Луки оставить подавляющее большинство площадей сельскохозяйственных угодий за собою и лишь малую часть отдать крестьянам. На этой земле помещики организовали крупное земледельческое и животноводческое хозяйство на новой капиталистической основе.

Поскольку Великая реформа лишила возможности использовать даровой крестьянский труд в полеводстве, особое внимание Орловы-Давыдовы уделили животноводческому хозяйству. В 1860-1874гг. строятся новые капитальные помещения для овец, рогатого скота, лошадей, составившие не только крупный производственный, но и великолепный архитектурный комплекс, сохранившийся до настоящего времени с некоторыми изменениями и утратами. По-прежнему важнейшее

место отводилось в нем овчарному заведению. Внук Владимира Петровича А.А.Орлов-Давыдов устроил в Усолье в начале XXв. также конный завод.

Все более широко использовались машины. В конце XIX начале XX вв. в усольских механических мастерских работало 25 человек, имелся паровой двигатель мощностью в 10 л.с., был установлен 150-пудовый паровой молот⁶.

Овчарное заведение, а также конный завод имелись и в Жигулях. Деревянные административные и часть служебных построек здесь были заменены в конце XIX-начале XX вв. на каменные.

Конный и винокуренный заводы появились в Рождественском имении Ушковых. На винокуренном заводе, основанном в 1897г., в начале XXв. было занято 80 рабочих⁷.

Горнодобывающая промышленность была представлена в крае каменоломнями и известковым заводом Г.С.Ванюшина в Ширяеве, алебастровым заводом М.Д.Маштакова в Винновке, штольнями и асфальтовыми заводами. На Бахилово-Аскульской лесной даче удельного ведомства, управлявшего собственностью императорской фамилии, в 1871г. был основан завод Общества Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности, которому принадлежала и копь "Бахиловская" по добыче асфальтового камня и гудрона. Кроме этой копии, Обществу Сызранско-Печерской асфальтовой и горной промышленности принадлежали копии "Винновская" и "Печерская" (на всех трех копиях занято 275 чел.), а также асфальтовый завод в с.Печерском.

Второй завод, возникший на упомянутой лесной даче также в 1870-е гг., принадлежал Сызранскому асфальтовому товариществу. Он производил гудрон из битуминозного песчаника, но залежи последнего к концу XIXв. на арендованном участке истощились⁸.

На промышленную основу переводилась лесобработка. Лесопильные заводы имелись в имениях Орловых-Давыдовых ("Жигулевский" при Морквашах, 49 рабочих) и Долгоруковых ("Анурьевский" в Аскульской волости). Развивался мель-

ничный промысел. Кроме обычных водяных и ветряных мельниц, появляются паровые. Одной из первых на Самарской Луке стала паровая мельница Чукина в Аскулах.

При всех успехах промышленности и крупного сельскохозяйственного производства в помещичьих имениях основой экономики на Самарской Луке оставалось крестьянское хозяйство. Его состояние зависело от многих социальных, исторических, географических и прочих факторов. Приведем примеры положения в различных селениях на 1911г.

Восточная часть Луки. Бывшее помещичье русское селение Рождествено (на дарственном наделе). В общине 317 наличных семей, 39 семей общинников порвали с хозяйством в селе, появилось 116 семей пришлых, не состоящих в общине. В наличных семьях общинников 1484 чел., на которых приходится всего 450 дес. надельной земли (покос, выгон, лес, усадьбы). 40 хозяйств имеют купленную землю (364 дес., в т.ч. 309 дес. пашни) и 193 ее арендуют (286 дес. пашни и 328 дес. покоса). В результате малоземелья полеводством занимаются только 169 хозяйств общинников (53%). 4 дес. и менее засевают 139 хозяйств, свыше 10 дес. – 2 хозяйства. Озимой культурой оставалась рожь, а среди яровых преобладали картофель (63% площади), подсолнечник (21%), остальное под пшеницей, помидорами, бахчевыми.

Полеводство в Рождествене явно было сориентировано на высокотоварные культуры и городской рынок. Такая специализация подстегивается высокими ценами аренды и покупки земли, так как в наделах нет ни одной десятины пашни⁹.

Скот прокормить тоже трудно. В общине 138 безлошадных хозяйств и 109 без коров, но у 39 хозяев три и более лошадей, а у 56 – две и более коров. В отхожих промыслах преобладает малоквалифицированный труд. 192 мужчины села нанимаются для возки дров, 57 мужчин и 47 женщин – в поденные работы.

Восточная часть Луки. Бывшее помещичье мордовское селение Горновое (на дарственном наделе). В общине 131 наличная семья, 12 семей с общиной порвали, пришлых – 1 се-

мья. На 849 человек общинников – 222 дес. наделной земли (выгон, усадьбы, пашня). 14 семей имеют купленную землю (104 дес. пашни), 124 – арендованную (292 дес. пашни и 467 дес. покоса). Полеводством занимаются практически все жители – 124 семьи. 4 дес. и менее засевают 105 семей, свыше 10 дес. – 6. На яровом поле преобладает пшеница (82,3 % посева), за нею – подсолнечник (14,4%), горох (1,9%), картофель (1,4%). Ориентировка на товарные, но вместе с тем и более традиционные культуры. Высок уровень животноводства. В среднем на 1 хозяйство приходится больше скота, чем в любом другом селении Рождественской и Аскульской волостей. Безлошадных – только 12% хозяйств, у 40 хозяев есть 3 лошади или более. И здесь почти в каждой семье есть люди, искавшие заработка вне своего хозяйства. В лесные рабочие идут 147 мужчин, в возчики дров – 124 мужчины, в поденные работники – 7 мужчин и 146 женщин.

Центральная часть Луки. Бывшее помещичье русское село Сосновый Солонец (на дарственном наделе). В общине 406 наличных семей, покинуло общину 69 семей, пришлых – 9 семей. В наличных семьях общинников 1054 чел., на которых приходится 691 дес. наделной земли (пашня, усадьбы, выгон). У 37 хозяйств купленная земля (237 дес. пашни), у 345 – арендованная (2828 дес. пашни и 709 дес. покоса). Полеводством занимаются 360 семей (90%) общинников. 4 дес. и менее засевают 150 семей, а свыше 10 дес. – 48. На яровом поле преобладает пшеница (78% посева), за нею – подсолнечник (13%), овес (6%) и просо (2%). Картофель – огородная, а не полевая культура. Средняя обеспеченность скотом неплохая, но реальное распределение – крайне неравномерное. 124 хозяйства – безлошадные (30,5%), и почти столько же (122 хоз.) имеют три лошади или более. 81 хозяйство не имеет коров, а в 68 их две или более. Вне своего хозяйства искали заработок 502 мужчины и 28 женщин. Первые в основном занимались возкой дров (270 чел.) и их пилкой (61 чел.), нанимались в батраки

(29 чел.) или плотниками (20 чел.). Вторые прежде всего шли в сельскохозяйственные работницы (15 чел.).

Центральная часть Луки. Бывшее удельное чувашское селение Березовый Солонец (на полном наделе). В общину входило 126 наличных семей, 3 семьи ее покинуло до столыпинской реформы. 40 наделов укреплены в собственность в ходе ее проведения. Пришлых – 5 семей. На 606 членов земельного общества, включая вышедших, есть 1370 дес. пашни, покоса, усадьбы, выгона. 89 семей арендуют землю (142 дес. пашни и 321 дес. покоса), а 21 землю в аренду сдают (92 дес.). 9 семей землю купили, но не у помещиков, а у своих же односельчан, оставивших наделы. Занимается полеводством более 90% всех наличных хозяйств (114), в основном засевающих от 4 до 10 дес. Больше засевают в 22 хозяйствах, меньше в 26. Относительный достаток земли сдерживает имущественное расслоение и рост товарности. Набор яровых культур близок к дореформенному: пшеница (67% посева), овес (22%), просо (7%), подсолнечник (4%). Картофель – только на приусадебных участках. Безлошадных 22 хозяйства (18%), зато 50 имеют трех и более лошадей. В 28 семьях нет коров, в 33 – их две или более. Почти во всех семьях были люди, искавшие заработка вне своего хозяйства. Самыми распространенными промыслами были среди мужчин возка и пилка дров (126 чел.), найм в батраки, пастухи, чернорабочие (18 чел.), а среди женщин – найм на сельскохозяйственные работы (17 чел.).

Западная часть Луки. Бывшее удельное русское село Переволоки (на полном наделе). В земельном обществе 249 наличных семей, 106 семей село покинули до столыпинской реформы. 67 наделов укреплены в собственность в ходе ее проведения. Пришлых – 11 семей. На 1350 членов земельного общества, включая вышедших, есть 2333,4 дес. пашни, 425 дес. покоса, 80 дес. усадьбы, 60 дес. выгона. 176 семей арендуют землю (482 дес. пашни и 120 дес. покоса), а 26 землю в аренду сдают (173 дес.). Земли, купленной у помещиков или у казны нет, а есть покупки у односельчан, оставивших наделы. Занимается полеводством более 70% всех наличных хозяйств (181), в

большинстве засевающих от 4 до 10 дес. Больше засевают в 11 хозяйствах, меньше в 70. Относительный достаток земли не стимулирует рост посевов культур повышенной товарности. Набор яровых культур близок к дореформенному: пшеница (84% посева), овес (9%), просо (7%). Началось полевое возделывание картофеля, но его доля составляет только 0,2% ярового клина. Безлошадных 94 хозяйства (38%), а 35 семей имеют трех и более лошадей. В 69 семьях нет коров, в 46 их две или более. В половине семей были люди, искавшие заработка вне своего хозяйства. Самым распространенным был традиционный здесь рыболовный промысел (42 мужчины). Остальные занимались различными кустарными промыслами, нанимались в плотничьи и малярные работы, в пастухи и чернорабочие.

Западная часть Луки. Бывшее помещичье русское село Жигули (на полном наделе). В земельном обществе 427 наличных семей, 59 семей село покинули до столыпинской реформы. 192 надела укреплены в собственность в ходе ее проведения. Пришлых — 40 семей. На 2219 членов земельного общества, включая вышедших, есть 1776 дес. пашни, 529 дес. покоса, 200 дес. усадьбы, 288 дес. выгона, 49 дес. леса. 189 семей арендуют землю (1130 дес. пашни и 68 дес. покоса), а 41 землю в аренду сдают (145 дес.). Земли, купленной у помещиков или у казны нет. Занимается полеводством более 80% всех наличных хозяйств (348), в большинстве засевающих менее 4 дес. (166), от 4 до 10 дес. засевают в 149 хозяйствах, больше 10 дес. в 33. Нет посевов культур повышенной товарности. Набор яровых культур близок к дореформенному: пшеница (75% посева), овес (21%), просо (4%). Еще не началось полевое возделывание картофеля. Безлошадных 129 хозяйств (30%), а 82 семьи имеют трех и более лошадей. В 113 семьях нет коров, в 106 их две или более. Более чем в половине семей были люди, искавшие заработка вне своего хозяйства. Самым распространенным промыслом были среди мужчин возка и пилка дров (143 чел.), а также найм на сельскохозяйственные работы.

Обратимся от обобщающих характеристик крестьянского хозяйства к конкретным фактам и иллюстрациям его состояния. Не останавливаясь на бедных хозяйствах, подорванных различными социальными, стихийными, демографическими причинами (чаще всего отсутствием трудоспособных взрослых мужчин-работников), обратимся к тем, которые сумели приспособиться к условиям хозяйствования конца XIX - начала XX вв.¹⁰

Первый пример – зажиточное хозяйство С.П.Максакова в Выползове. В его семье 12 человек, в т.ч. 6 в рабочем возрасте (2 мужчин и 4 женщины). В 1913 г. семья имела 28 дес. земли, практически полностью купленной у помещиков, т.к. д.Выползова была на дарственном наделе. Еще 6 дес. арендовалось. Для подсобных и сезонных работ нанимались работники. Труд последних примерно равнялся по объему трудовым затратам членов семьи. Под посевом 16 дес. пашни в двух полях, на которых преобладали подсолнечник и овес, высевались также рожь, пшеница, греча, горох, картофель.

На усадьбе был сад и огород, имевшие также товарное назначение: 120 вишен и слив, 1300 корней ягодных кустов и 500 квадратных сажен клубники. Просматривается явная ориентировка на городского потребителя.

На подворье одна жилая и 4 хозяйственных постройки. Их общая оценочная стоимость – 1270 руб. В составе сельскохозяйственного инвентаря, кроме самых распространенных орудий, есть два плуга, сеялка, веялка. Скот - 3 рабочих лошади, 5 коров, нетеля, 3 свиньи. Птица – 30 кур и 4 гуся. Это количество скота обеспечивало унавоживание пашни.

Хозяйство было товарным и приносило годовой доход в 1937 рублей. Этот доход складывался от продажи продукции полеводства (861 руб.), садоводства и огородничества (500 руб.), скотоводства (556 руб.), сдачи в пользование сельхозмашин (20 руб.). Общий расход составлял 1510 руб., 427 руб. шли в накопление.

Основной расход – хозяйственные потребности: 339,5 руб. на найм работников, 194,5 руб. – аренда и покупка земли, по-

винности и налоги – 60 руб., уплата долгов – 60 руб., покупка, ремонт, содержание инвентаря – 50 руб., покупка скота – 50 руб. На личные нужды: продукты питания (пшеничная мука, пшено, мясные и рыбные продукты, соль, постное масло, пряности, сладости, чай, сахар, спиртные напитки) – до 300 руб., одежда и обувь – более 200 руб., освещение, отопление, мебель и другие домашние расходы – 65 руб.

Сравнительно высокое благосостояние семьи Максакова было достигнуто прежде всего за счет исключительно высокой интенсивности труда всех ее членов, за счет хозяйственности и энергии главы большого дома. Вместе с тем ведение такого хозяйства было уже невозможно без привлечения в страдную пору сезонных работников, использования сельскохозяйственных машин на конной тяге.

Более характерным и распространенным был уровень достатка и хозяйствования, который представлен во втором нашем примере – хозяйстве П.А.Зиновьева из Березового Солонца. В 1913 г. его семья состояла из 6 человек, из которых 2 мужчин и 2 женщины были в рабочем возрасте. На поденную или сезонную работу нанимали работников, чей труд составлял примерно 1/5 трудовых затрат членов семьи.

У семьи 21 дес. земли (надельной). Купленной земли не было, но арендовалось 5 дес. покоса. В свою очередь 1 дес. надельной пашни хозяин сдавал в аренду. Озимое поле засеивалось рожью, яровое – пшеницей, подсолнечником, овсом.

Усадьба занята постройками и огородом. Построено столько же, сколько у Максаковых, т.е. одна жилая и 4 хозяйственных, но по качеству они оценены в 7 раз дешевле (175 руб.). Есть огород, но нет сада. В инвентаре нет сельхозмашин. Самое сложное орудие – один плуг.

Скот: три лошади и жеребенок, корова и теленок, 10 овец и 5 ягнят. Вся птица – 8 кур. Количество скота обеспечивало 1500 пуд. навоза для удобрявания полей.

Хозяйство имело мелкотоварный характер. Продажа зерна, подсолнечника, картофеля давала в год 235,5 руб., сена 15 руб., скота и продуктов животноводства – 42 руб. Сдача в

аренду излишков земли приносила 13 руб., вземземледельческие промыслы и работа по найму членов семьи – 50 руб. Общий годовой доход 420,5 руб.

На хозяйственные нужд тратилось: аренда покосов – 35 руб., найм работников – 38 руб., повинности и другие платежи – 18,5 руб., уплата долгов – 100 руб., покупка и ремонт инвентаря – 16,5 руб., возведение и ремонт построек – 10 руб., пастуху – 3 руб.. На личные потребности: продукты питания (крупа, мясная и рыбная продукция, чай, сахар, водка, приправы, сладости) – 89 руб., одежда и обувь – 54 руб., освещение и отопление, мебель, мелкие домашние нужды – 28 руб. Общий годовой расход – 416,5 руб., т.е. накоплений практически нет. Приведенные цифры говорят и о тяжелом труде, и о небогатом быте, хотя речь идет о крестьянине пусть среднего, но достатка.

Среди населения Луки, повсеместно занимавшегося вземземледельческими промыслами, растет число людей, для которых эти занятия становятся основными. Особенно это касалось тех профессий, которые требовали относительно высокой квалификации. Таких лиц в селениях Самарской Луки по данным 1911г насчитывалось:

Рождествено – 13 столяров, 5 санников, 3 производителя мочала, 12 угольщиков, 3 кузнеца и молотобойца, 10 слесарей, 8 сапожников;

Новинки – 1 пильщик, 1 колесник, 4 кузнеца, 6 сапожников, 3 портных и портних;

Выползово – 1 бондарь, 1 угольщик, 1 кузнец, 2 лапотника, 3 сапожника, 1 прядильщица, 1 овчинник;

Подгоры – 1 бондарь, 2 кузнеца, 1 слесарь, 1 часовщик, 3 лапотника, 1 сапожник, 2 портнихи;

Торновое – 2 пильщика, 1 бондарь, 5 угольщиков, 1 кузнец, 2 портных;

Шелехметь – 3 тележников, 1 угольщик, 2 сапожника, 1 портной;

Ширяево – 1 бондарь;

- Бахилово – 2 сапожника;
- Кармалы – 2 тележника, 1 кузнец, 1 лапотник, 2 портных;
- Севрюкаево – 1 пильщик, 2 столяра, 2 санника, 1 мастер по изготовлению балалаек, 2 кузнеца, 11 лапотников, 2 сапожников, 5 портных и портних, 1 шерсточесальщик;
- Винновка – 3 пильщика, 4 санника, 1 дегтарь, 2 кузнеца, 5 лапотников, 1 хозяин кирпичной мастерской;
- Ермаково – 4 пильщика, 2 столяра, 1 бондарь, 1 ведерник, 6 сапожников, 1 хозяин кирпичной мастерской;
- Осиновка – 5 пильщиков, 2 столяра, 1 бондарь, 1 слесарь, 7 сапожников, 21 портной;
- Аскулы – 7 пильщиков, 2 столяра, 2 гребенщика, 3 изготовителя осей и клещей к хомутам, 2 санника, 6 колесников, 4 угольщика, 3 кузнеца, 4 сапожника, 3 портных, 2 овчинника, 1 шорник;
- Сосновый Солонец – 3 пильщика, 1 бондарь, 3 кузнеца, 1 слесарь, 1 сапожник, 6 портных и портних;
- Березовый Солонец – 1 пильщик, 1 санник, 7 портных;
- Брусяны – 1 столяр, 2 колесника, 3 бондаря, 5 кузнецов, 1 жестянщик, 4 сапожника, 2 портных, 1 шерсточесальщица;
- Кольцово – 1 тележник, 1 сапожник;
- Александровка – 2 колесника, 1 жестянщик, 2 сапожника, 19 портних, 1 шерсточесальщик;
- Валы – 4 пильщика, 1 бондарь, 2 дегтаря, 3 кузнеца, 1 слесарь, 3 лапотника, 1 сапожник, 4 портных;
- Жигули – 2 столяра, 1 кузнец, 2 сапожника, 7 портных и портних, 2 валяльщика, 3 хозяина кирпичных мастерских, 3 обжигальщика извести;
- М.Рязань – 2 столяра, 1 кузнец, 4 сапожника, 4 портных;
- Б.Рязань – 1 пильщик, 4 сапожника, 2 портных, 1 шерсточесальщик;
- Отважная – 1 бондарь, 2 кузнеца, 1 сапожник, 3 хозяина кирпичных мастерских;
- Моркваша – 5 обжигальщиков извести;
- Мордово – 3 кузнеца, 2 сапожника, 2 портных;

- Кольцово – 1 тележник, 1 сапожник;
Ахтуши – 1 пильщик, 3 столяра, 4 кузнеца, 1 позолотчик, 2 сапожника, 1 портниха, 1 овчинник;
Благодатная – 1 кузнец, 1 сапожник;
Березовка – 1 столяр;
Карловка – 1 сапожник, 1 портной;
Комаровка – 1 колесник, 1 мастер по починке теплой обуви, 1 валяльщик, 4 портных;
Львовка – 10 пильщиков, 1 столяр, 18 дегтярей и смолокуров, 6 угольщиков, 1 кузнец, 3 сапожника, 3 портных и портних;
Ольгино – 3 пильщика, 2 сапожника;
Сытная – 4 пильщика, 1 сапожник, 1 валяльщик;
Тайдаково – 4 пильщика, 1 кузнец, 1 шерсточесальщик;
Услава – 3 столяра, 3 шерсточесальщика, 1 кожевник;
Усолье – 3 столяра, 7 кузнецов и молотобойцев, 6 слесарей, 1 жестянщик, 3 сапожника, 1 портной, 3 шерсточесальщика, 6 хозяев кирпичных мастерских;
Переволоки – 27 строителей лодок, 4 столяра, 4 кузнеца и молотобойца, 5 сапожников, 3 портных, 2 валяльщика¹¹.

Можно сразу заметить, что особое распространение получили на Самарской Луке лесные, деревообрабатывающие и лесохимические промыслы. Во второй половине XIX в. с распространением в городском быту стеклянных окончин Рождественно и некоторые другие селения Сызранского уезда стали одним из признанных центров кустарного промысла на Средней Волге, специализированного на изготовлении рам. Среди рождественских рамщиков, у которых промысел первоначально носил сезонный характер, появляются работающие круглый год кустари-ремесленники, некоторые из них уходили на заработки в другие места, где постепенно оседали.

Сырье приобреталось на ближних лесопильных заводах, необходимый для обработки дерева материал у местных торговцев. Мелкие производители и малосостоятельные кустари сбывали свой товар скупщикам и торговцам. Более "крепкие"

заготовленный за сезон товар сами развозили по селам и деревням, когда спрос на него был особенно высок, и продавали поштучно. Самые состоятельные из мастеров-рамщиков выступали и в роли скупщиков, продавая не только свои, но и чужие изделия.

Другой промысел был более древнего происхождения. В Самаре и других окрестностях Луки хорошо были известны тамошние угольщики и дегтярщики. Древесный уголь приобретался главным образом для кузниц и растопки самоваров. Деготь был необходим всякому, имевшему лошадь и телегу для обработки сбруи, смазки колес.

Для большинства тех, кто занимался этим промыслом, сидка дегтя и углежжение были сезонными занятиями. Обычно ими занимались осенью или весной, а также летом, но не в страдную пору. Иногда промысел велся и зимой. Некоторые кустари переходили к круглогодичному производству. Нередко производитель сам же выступал и в роли развозного торговца по округе и за ее пределами. Уголь и деготь вывозились на сельские и городские базары. Их скупали и крупные торговцы для перепродажи. Часть скупленного угля по железным дорогам и по воде вывозилась в степные места Нижнего Поволжья и Заволжья.

Из-за постоянно возрастающей дороговизны леса в начале XXв. угольный и дегтярный промысел почти везде приходили в упадок. Однако этот упадок не отразился на состоянии лесохимических промыслов на Самарской Луке, благодаря высокому спросу на данную продукцию. Они продолжали развиваться в связи с наличием такого потребительского центра, как быстрорастущая Самара, и такого удобного пути, как Волга.

Угольщики и дегтярщики использовали, как правило, отходы лесной промышленности. Сырье покупалось в помещичьих или казенных лесах, часто через вторые-третьи руки от лесопромышленников и богатых крестьян, снимавших на сруб деланки дровяного и строевого леса. приобреталось также право на сбор валежника и корчевку пней.

Промышленная заготовка леса на Самарской Луке вообще давала работу и заработок многим жителям, занимавшимся возкой дров и строевого материала, работавшим непосредственно на делянках. Постоянным устойчивым спросом на этот товар отличалась Самара. Спрос на него вырос в связи с развитием пароходного сообщения по Волге. Этот спрос продолжал расти по мере появления пароходных пристаней и промышленных предприятий не только в ближних городах, но и на самой Луке.

Ободно-колесный промысел носил, как правило, сезонный характер. Обода изготовлялись весной и зимой, колесники работали с весны до уборочной страды. Изделия делались из своего материала и сбывались скупщику или на базаре. Колесники иногда брали у скупщиков или закупали на базаре готовые ободья, а ступицы и спицы к ним изготавливали уже сами. Для этого производства преимущественно использовался дубовый или ясеневый лес, а на ступицы отчасти и березовый. Лес покупался делянками, иногда покупка совершалась мастерами артельно. Закупленные у мастеров ободья и колеса торговцы вывозили и в отдаленные районы Оренбуржья, Приуралья, Нижнего Поволжья.

Бондарное производство на Самарской Луке не было сконцентрировано в одном месте, а было разбросано по волостям единицами кустарей. Производство носило сезонный характер. Только 3% бондарей работали круглый год. Бондари редко покупали лесные делянки, а приобретали лес у разработчиков делянок, на лесопильных заводах.

В отличие от оседлых бондарей пильщики были народом бродячим. Они обслуживали и нужды своего селения с ближней округой, и уходили на заработки в другие уезды и в соседние губернии. Нанимались они и к мелкому хозяину-крестьянину для изготовления небольшого количества пильного материала на домашние надобности, и к крупному предпринимателю-лесопромышленнику, заготавливавшему этот материал на продажу.

Кузнецы и слесари обслуживали, как правило, своих односельчан и ближайших соседей. Без них не могло обойтись ни одно сколь-нибудь заметное поселение. Они производили ковку лошадей, починку земледельческих орудий, средств передвижения и другие виды работ с металлом. В то же время характер труда не допускал крупного скопления ремесленников этого профиля в каких-то селениях. Только в крупных торговых селах их могло быть много. Промысел этот требовал высоких физических кондиций, квалификации, услуги кузнеца и слесаря могли потребоваться в любое время, поэтому он не имел сезонного характера.

В отличие от предыдущего, валяльный и шерсточесальный промыслы были откровенно сезонными. Занимались ими осенью и зимой. Специальных помещений, как правило, не устраивали. Часть операций делали прямо в жилом доме, часть — в банях. Промысел развился в эпоху крепостного права, когда помещики активно культивировали на Луке овчарное дело.

Разброс по селам кирпичного производства объясняется громоздкостью товара и трудностью его дальней перевозки. Пожалуй, это был один из самых молодых промыслов на Луке. Спрос на кирпич приводил не к завозу кирпича из старых центров его производства, а к перемещению самого этого производства ближе к сельскому потребителю. Сырье добывалось, как правило, поблизости. Многие брали глину и песок прямо на своих земельных крестьянских наделах. Главный расход составляла покупка дров на топливо для печей. Спрос на кирпич рос постоянно, но цена росла еще быстрее из-за дороговизны леса. Эта цена заставляла многих сельских жителей отказываться от планов возведения кирпичных домов и строений в своем хозяйстве¹².

§5. Религиозная жизнь и культура

К сожалению, практически все храмы, выстроенные в этот период, не сохранились, за исключением каменных церквей Ильи Пророка в Подгорах и Козьмодемьянской в Брусных,

Козмодемьянская церковь в с.Брусыны.
Современное состояние

поставленных на средства прихожан соответственно в 1865 и 1885гг. Кроме них, в селениях Самарской Луки были в рассматриваемое время вновь заведены или перестроены деревянные церкви Покрова Богородицы в Морквашах (1864г.), Николая Чудотворца в Печерском (1864г.), Вознесения в Жигулях (1865г.), Сергия Радонежского в Валах (1885г.), Троицы в Сосновом Солонце (1885г.), Николая Чудотворца в Ширяеве (1885-1894гг.), Александра Невского в Александровке (1887-1895гг.), Воздвижения в Ермакове (1898г.)¹³.

В начале XXв. появились свои храмы в Комаровке, Березовке и М.Рязани. По-прежнему велись службы в церквях, выстроенных в предшествующие эпохи в Рождествено, Новинках, Осиновке, Винновке, Аскулах, Б.Рязани, Кольцове, Мордове, Усолье, Ахтушах, Тайдакове. Всего на 1913г. на Самарской Луке действовало 26 церквей. Из них 25 располагалось в русских селах и только одна в чувашском Тайдакове.

Было легализовано богослужение в старообрядческих и сектантских общинах. В документах имеются сведения о количестве их моленных домов в конце XIX начале XXвв. Это не значит, что раньше их здесь не было, просто теперь они открывались с ведома властей и действовали не тайно, а явно. Центрами старообрядчества и сектанства были селения, расположенные на востоке и в центральной части Луки: Винновка, Осиновка, Ермаково, Сосновый Солонец, Аскулы, Выползово, Новинки, Рождествено и Подгоры. Всего в этих селениях в 1913г. было 11 моленных домов старообрядцев и сектантов.

Однако, численность этих общин заметно уступала количеству прихожан православных храмов. Старообрядцы встречались также в большинстве русских селений на западе Луки (до р.Усы). В той части Луки, что находилась за Усою, раскольников практически нигде не было. Исключением было Печерское, где существовала их самая многочисленная на всей Луке община и имелся моленный дом.

Отмена крепостного права на первых порах вызвала серьезные проблемы в деле просвещения и здравоохранения. Помещичье содержание и поддержка вотчинных школ и больниц прекратились или резко сократились. Некоторые из них прекратили свое существование. Однако, довольно скоро ситуация изменилась к лучшему. Школы были взяты под опеку церковных приходов, крестьянских миров, уездного земства, государственных органов.

Школы на Самарской Луке, как и по всей России, не были единообразными и имели разное ведомственное подчинение: церковно-приходские, земские, министерские. Кроме того, школы заводились на средства крестьянских общин (школы грамоты), или частных лиц. Большинство этих, как их тогда называли, начальных народных училищ были одноклассными, то есть рассчитанными на двухлетний срок обучения. Однако, в качестве исключения из этого правила одноклассные школы могли быть переведены на трехлетнее обучение. Второклассные школы с четырехлетним обучением устраивались реже. На Самарской Луке их было всего две: училище Министерства Народного просвещения в Усолье и церковно-приходское училище в Сосновом Солонце, открытое в 1899г.

В одноклассные училища были преобразованы бывшие вотчинные крепостные школы в Жигулях и в Аскулах. Новые одноклассные училища на Луке заводились в 1860-70-х гг. как земские (в Переволоках, Ермакове, Б.Рязани, Осиновке, Сосновом Солонце, Новинках и Брусянах), или министерские (в Печерском, Рождествене, Винновке).

С 1880-х гг. преимущественно открываются церковно-приходские и школы грамоты: в Актушах в 1885г. (церковно-приходское училище), в Мордове в 1886г. (церковно-приходское), в Тайдакове в 1887г. (церковно-приходское), в Подгорах в 1891г. (школа грамоты), в Валах в 1893г. (школа грамоты), в Ширяеве, Березовке и Сытовке в 1895г. (школы грамоты), в М.Рязани в 1895г. (церковно-приходское), в Комаровке и Шелехмети в 1896г. (церковно-приходские), в Березовом Солонце в 1897г. (школа грамоты), в Кольцовке в

1898г. (церковно-приходское), в Торновом в 1899г. (школа грамоты), в Печерском в 1900г. (церковно-приходское). Исключением из сложившийся в самом конце столетия практики стало открытие земской чувашской школы в Севрюкаеве в 1897г. и министерской школы в Выползове в 1900г.

Позже других уже в начале XXв. начальное училище появилось в Александровке. К 1913г., однако, некоторые из крупных селений не имели своих школ. В их числе были Кармалы, Бахилово, Ольгино, Карловка и др.

Основными предметами школьного курса были Закон Божий (изучение молитв, священной истории, основ богослужения), на который отводилось 7 уроков в неделю, церковно-славянская грамота (4 урока), русский язык (7 уроков), чистописание (3 урока), арифметический счет (6 уроков). В церковно-приходских школах в число обязательных предметов включалось и церковное пение (6 уроков), которое в земских и министерских школах преподавалось "по возможности", а больше внимания уделялось предметам практического назначения (чтение, современное письмо, счет). Программы второго "класса" давали более обстоятельные знания по основным предметам, предусматривали введение новых дисциплин, в т.ч. основ истории.

Было принято, что начинался каждый учебный день в церковно-приходской школе с урока Закона Божьего, а заканчивался уроком пения. Учащимся вменялось в обязанность неперемнное присутствие на богослужениях в храме, а способным и подготовленным - пение в церковном хоре. Заведывал школой и вел уроки Закона Божьего сельский приходской священник. На нем же лежали обязанности контроля и попечения над школами грамоты.

В отношении мужчин свидетельство о получении начального образования служило основанием для льгот при отбывании воинской повинности, поэтому оно выдавалось по окончании курса не всем, а только успешно выдержавшим специальные "испытания", т.е. экзамены. Это правило распространялось на выпускников всех начальных народных училищ, подведом-

ственных или земству, или церкви, или Министерству Народного Просвещения. В школах грамоты выпускные экзамены не проводились, а желавшие получить упомянутое свидетельство могли держать их при ближайших церковно-приходских училищах.

Наиболее интересным и хорошо сохранившимся памятником развития образования на Самарской Луке является школа в Усолье, открытая 1 октября 1874г. как мужское образцовое училище Министерства народного просвещения. Оно первоначально открывалось как одноклассное, но затем было преобразовано в второклассное. В качестве одного из лучших в Поволжье, Усольское училище было представлено в числе участников Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде в 1896г.

В деле его создания огромная заслуга принадлежит И.Н.Ульянову, бывшему инспектором народных училищ Симбирской губернии. Первым заведующим здесь стал В.А.Калашников, ученик и сподвижник И.Н.Ульянова, который, кроме преподавания в различных учебных заведениях, был домашним учителем в семье Ильи Николаевича, занимался с его детьми Анной, Александром и Владимиром.

Традицию поддержки народного образования в Усольской вотчине, начатую родоначальником династии местных землевладельцев В.Г.Орловым, продолжали его потомки. Почетным попечителем упомянутого училища при его открытии согласился стать В.П.Орлов-Давыдов, позднее его сын А.В. и внук А.А.Орловы-Давыдовы. Последний израсходовал за один 1906г. на это училище 620 руб., да 25 руб. пожертвовал на одноклассную школу в том же селе. Еще 30 руб. на Жигулевское училище пожертвовала тогда графиня Орлова-Давыдова¹⁴.

На средства Орловых-Давыдовых, точнее женщин этой семьи, содержались во второй половине XIX - начале XXвв. школы для девочек, появившиеся еще в дореформенное время: чувашская в Тайдакове, русская в Усолье. Эти учебные заведения были единственными на Луке, которые после реформы 1861 года полностью обеспечивались крупными землевладель-

цами и напрямую продолжали историю крепостных вотчинных школ. Программа занятий здесь не соответствовала общим правилам и была более упрощенной по сравнению с училищами земского, министерского или церковного ведения.

С целью распространения среди сельских жителей агрономических знаний Сызранским уездным земством устраивались свои показательные усадьбы, одна из которых находилась при Сосновом Солонце. Они должны были стать образцом рационального хозяйствования. На таких усадьбах хозяйство вели, как правило, выпускники земских сельскохозяйственных училищ с применением передовой для своего времени техники и достижений науки. При этой усадьбе в Сосновом Солонце были устроены богадельня и приемный покой (амбулатория).

Основную заботу о здравоохранении взяло на себя именно земство. Наиболее интересным памятником земской деятельности в этой области жизни является замечательный больничный комплекс в Сосновом Солонце, сохранившийся до наших дней и используемый по своему первоначальному назначению.

Больница была "построена в конце села, на отведенном общественном лесном участке и почти со всех сторон окружена деревьями". По оценке инспектировавшего ее в 1893г. симбирского губернатора, "помещение этой больницы очень удобно и находится вполне в удовлетворительном состоянии, и только лишь баня, построенная при этой больнице, требует ремонта", т.к. нижние венцы подгнили от постоянной сырости. Инфекционные больные содержались в отдельных строениях вне самой больницы, которые были "устроены также крайне удобно". Признавалось, что "существующая при больнице аптека вполне достаточна"¹⁵.

По описанию, сделанному в 1890-1891гг., Сосново-Солонецкая больница помещалась в каменном одноэтажном здании, в плане напоминающем букву "П". В нем имелось 5 палат, на каждую приходилось по 60 куб.аршин воздуха. Для инфекционных больных была выделена отдельная палата. Во всех комнатах имелась вентиляционная система, в ряде помещений были устроены камины.

В больничном здании находилась также амбулатория, а коридоры использовались как "ожидальня". Кроме теплого зимнего помещения, было устроено летнее. Оно находилось в деревянном бараке на 30 коек, сооруженном в больничном лесочке и разделенном на три одинаковые палаты. Неподалеку стояла деревянная усыпальница. В отдельном деревянном флигеле жил врач, а в самой больнице (в боковых частях) размещались квартиры для двух фельдшеров и фельдшерицы. Интересно, что при больнице в отдельном каменном здании разместилась арестантская. На фельдшера земством были возложены обязанности смотрителя, а на врача – попечителя этого "арестного дома". Сами же арестанты были заняты работами в саду при больнице.

Медицинская помощь для большинства сельских жителей оставалась малодоступной. Кроме Соснового Солонца, больницы и амбулатории имелись в 1913г. из всех сел на Луке только в Усолье и Рождествене.

Самарская Лука во второй половине XIX начале XXвв. привлекала все больше и больше внимания деятелей русской культуры. Особенно популярными ее красоты стали среди художников. 1870г. отмечен пребыванием здесь И.Е.Репина, который особенно охотно посещал Морквашу и Ширяево с их живописными окрестностями.

Примечания

¹Заметки Симбирского губернатора при объезде им всех уездов Симбирской губернии в июле, августе и сентябре месяцах 1893 г. Б.м., б.г. Л.5-6.

²Заметки Симбирского губернатора при объезде им губернии в конце июля - начале августа. [Симбирск], [1865]. Л.3.

³Подворная перепись Симбирской губернии 1910-1911гг. Вып.8. Съезранский уезд. Симбирск, 1914.

⁴Статистический ежегодник по Симбирской губернии за 1914 год. Симбирск, 1916. С.219-220.

⁵Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884; Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1897; Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1913.

⁶Адресная книга заводов, мастерских и складов сельскохозяйственных машин и орудий. СПб., 1912. С.83.

⁷Адресная книга фабрично-заводской и ремесленной промышленности всей России. СПб., 1907-1908. Отдел V. С.568.

⁸Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т.VI. СПб., 1901. С.416.

⁹Хозяйственно-статистические сведения по Симбирской губернии. Отд.2. Симбирск, 1896. Вып.1. Приложения. С.23.

¹⁰Краткие бюджетные сведения по хуторским и общинным хозяйствам Симбирской губернии (1913 г.). Симбирск, 1916.

¹¹Кустарно-ремесленные промыслы Симбирской губернии. Симбирск, 1916. С.210-239.

¹²Там же. С.30-84.

¹³Бажанов Н. Статистическое списание соборов, церквей Симбирской губернии. Симбирск, 1903. С.87-105.

¹⁴Отчет о состоянии низших общеобразовательных и профессиональных учебных заведений Симбирской губернии за 1906 г. Симбирск, 1908. С.97.

Глава IV

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА САМАРСКОЙ ЛУКИ

Географические названия – топонимы являются одним из важнейших памятников истории и культуры наряду с письменными источниками, археологическими находками, архитектурными сооружениями, произведениями искусства. Они требуют бережного сохранения и научного исследования. В названиях селений, рек, гор, урочищ, других географических объектов зафиксированы этапы заселения края, освоения его природных богатств человеком, культурного развития. В них отражены исторические события и имена жителей этой земли. Географические названия также интересны разновременностью своего возникновения и разноязычностью происхождения.

Самарская Лука отличается обилием географических антропогенных объектов. В настоящее время на ее территории расположено несколько десятков разных населенных пунктов: город, поселки, села, деревни, кордоны, места с непостоянным составом жителей (турбазы, санатории, детские лагеря). Свои названия закрепились за местами проживания людей в древности: городища, селища, стоянки.

Еще более многообразны природные объекты. Среди них есть горные и лесные массивы, отдельные горы, скалы, бугры, курганы, долины, овраги, поля, урочища, поляны, боры, дубравы, рощи, колки, дороги, зимники, прогоны, подъемы, спуски, реки, озера, воложки, ерики, заливы, протоки, острова, луга и т.д. и т.п. По далеко не полным данным, учитывая только наиболее крупные и приметные из них, отдельных гор здесь – более трех десятков, оврагов – более восьмидесяти; урочищ – более семидесяти, озер, полян и островов – более двух десятков.

Всего же на данной территории установлено около пятисот географических объектов. Давнее заселение и освоение Самарской Луки человеком обусловило то, что абсолютное большин-

ство этих объектов, расположенных на ней, оказывается словесно обозначенным, то есть имеет собственные названия.

Многочисленность географических объектов приводит к большому количеству топонимов. Количество последних в какой-то мере увеличивается и за счет того, что некоторые объекты исторически имели разные имена, а некоторые и по сей день известны под параллельными названиями, официальными, бытовыми, местными.

Разнообразие географических объектов ведет к тому, что их названия тоже являются разнотипными. По связям с типами и разновидностями географических объектов можно выделить следующие группы топонимов Самарской Луки:

ойконимы – собственные названия любых поселений;

хоронимы – собственные названия отдельных территорий, участков, урочищ;

оронимы – собственные названия любых форм рельефа, положительных и отрицательных;

гидронимы – собственные названия всех видов водоемов и источников (рек, озер, болот и т.п.);

агронимы – собственные названия полей, их участков, пашен;

дримонимы – собственные названия лесов и лесных участков;

дромонимы – собственные названия любых путей сообщения, дорог, троп и т.д.

Все эти разновидности географических названий Самарской Луки в своей совокупности образуют не строгую, но достаточно выраженную региональную топонимическую систему. Она проявляется и в словнике, на основе которого возникали конкретные топонимы данного района, и во взаимосвязях здешних топонимов, и, наконец, в месте и роли, в удельном весе каждого вида топонимов в региональном топонимическом континууме.

Анализ этой топонимической системы, безусловно, может быть многогранным и связанным со значительным числом проблем. Однако, представляется возможным ограничиться здесь вопросами, которые касаются времени формирования самаролукской топонимики, ее связей с различными языками

и, наконец, принципов, определяющих мотивировку конкретных топонимов региона.

Среди поставленных вопросов исходным следует считать языковую принадлежность топонимов Самарской Луки, их связь с языками тех народов, которые исторически обитали в ее пределах. Этническая история южного Средневолжья довольно сложна. На протяжении тысячелетий здесь обитали многие народы, звучали разные языки. Однако, несмотря на неоднократную историческую смену лингво-этнических общностей, современная система самаролукских топонимов характеризуется относительной языковой однородностью. Последняя проявляется в том, что почти девять десятых учтенных географических названий Самарской Луки по происхождению связана с русским языком.

В этом нетрудно убедиться уже при общем ознакомлении с перечнем здешних топонимов. Названия русского происхождения оказываются преобладающими среди наименований всех разновидностей географических объектов региона. Так, из тридцати четырех сельских поселений Самарской Луки русские названия имеют двадцать семь, т.е. 86% всех **ойконимов**. Также имеют русские наименования около 95% учтенных оврагов и более 86% гор. Многочисленные (их здесь более пятидесяти) урочища, то есть участки территории, своеобразные в том или ином отношении и выделяющиеся в окружающем ландшафте, на 90% поименованы по-русски.

Всего в пределах Самарской Луки учтено 420 топонимов. Из них лишь около сорока (чуть более 9%) по происхождению связаны с нерусскими языками. Примерами таких топонимов могут быть села Аскулы, Актуши, Кармалы, Моркваша, Шелехметь, деревни Ижбулдина и Чуракаевка, реки Уса, Муранка, озеро Елгуши, гора Эрьке Пандо. Они же дали целый ряд производных или вторичных названий типа Усинский залив, Шелехметское озеро.

Нетрудно заметить, что производные или вторичные топонимы с нерусской основой возникли тоже в русском употреблении, на что указывает их морфемная и словообразовательная

структура: Ус-инск-ий, Шелехмет-ск-ое и т.п. Суффиксы и окончания бесспорно связаны с русским языком.

Русскому этносу и русскому языку обязаны своим появлением и закреплением топонимы двухсложной структуры типа Верхние Елгаши, Сыртный подъем, Аусин камень, Бирючьы Ямы. В таких названиях одно слово явно русского происхождения, другое – нерусского. Топонимы этого типа по языковой основе можно считать **гибридными**. Однако возникают подобные названия, безусловно, в русской языковой среде, хотя и на базе ранее существовавших нерусских топонимов.

Все это свидетельствует о решающей роли русского этноса и русского языка в формировании современной топонимической системы Самарской Луки. Господство названий, возникших на основе русского языка и в русском употреблении, само по себе говорит о том, что данная система, несмотря на неоднократную смену лингвистических общностей, исторически формировалась относительно поздно. Даже самые ранние топонимы русского происхождения могли закрепиться на данной территории не ранее второй половины XVIв. Значительная же часть собственно русских и гибридных топонимов утверждалась в процессе довольно интенсивного освоения Луки русским населением на протяжении XVII-XVIIIвв.

Относительно немногочисленные нерусские топонимы Самарской Луки заметно различаются по времени своего возникновения. Некоторые здесь существовали задолго до прихода русских людей, другие появлялись и утверждались одновременно с русскими названиями. Так, селения с названиями Кармалы, Аскулы, Моркваши, Чуракаевка, Шелехмет возникли, судя по их упоминаниям в письменных источниках, в конце XVI – середине XVIIIвв. В то же время такие гидронимы, как Уса или Муранка закрепились здесь еще в золотоордынские времена (вторая половина XIII – XIVвв.). Однако, очень древних нерусских топонимов, уходящих истоками за пределы нынешнего тысячелетия, в пределах Самарской Луки по существу не выявлено.

Смена этносов в регионе практически полностью уничтожила древнейший пласт здешних географических названий. Не будет преувеличением сказать, что Самарская Лука может быть своеобразным примером того, как имевшие место в истории мощные миграционно-этнические потоки резко изменили топонимическую карту отдельной территории.

Значимую особенность самаролукских топонимов представляет их мотивировка. В момент возникновения любой топоним так или иначе мотивирован, то есть обусловлен признаком, по которому и назван географический объект. Одни названия сохраняют свою мотивировку на протяжении всего существования. Другие, и их много в любой местности, по разным причинам эту мотивировку утрачивают. Учитывая большую познавательную ценность мотивировочных (номинативных, назывательных) признаков, топонимика, как отрасль знаний, стремится к их установлению. Она уделяет значительное внимание топонимической этимологизации – историческому объяснению конкретных географических названий, для чего требуется выявление их мотивировочной семантики (значений, признаков).

По особенностям мотивировки географические названия можно разделить на три большие группы: топонимы **первичной, вторичной, смешанной** номинации. **Первичные** топонимы возникают, как правило, вне конкретной связи с названиями других географических объектов, без непосредственной опоры на то или иное из ранее существовавших географических названий. Такими, например, являются овраг Барак, село Валы, гора Верблюды, река Уса и т.п.

Многие **вторичные** (производные) самаролукские топонимы возникали на основе **первичных** в результате префиксально-суффиксального словообразования. Сравни: село Александровка – Александровский овраг, Александровское поле; село Бахилово – Бахилловский остров; овраг Барак – урочище Забарак Забарашный овраг и т.д.

Особую группу среди топонимов составляют названия **смешанной** номинации. К их числу относятся наименования,

состоящие не менее, чем из двух слов типа Большая Бахилова гора, урочища Большой и Малый Рынок, Малое Каменное поле. В таких двухсловных или составных топонимах один компонент (слово) обусловлен переносом ранее возникшего названия в связи с пространственной смежностью называемых объектов, а второй – самостоятелен, первичен. Сравни: Сидоровы горы – Большой Сидоров овраг, озеро Елгуши – урочище Верхние Елгуши, река Брусяна – овраг Сухая Брусяна – деревня Чувашская Брусяна.

По ориентировочным подсчетам **вторичные и смешанные** топонимы в пределах Самарской Луки составляют около одной трети всех учтенных географических названий (до 180 из 420). Следует подчеркнуть, что объяснение происхождения топонимов вторичной номинации, да по существу и смешанной номинации, обычно сводится к указанию первичного топонима, ставшего основой производного названия. Не приходится доказывать, что Александровское поле названо по нахождению близ села Александровки, а урочище Забарак по расположению за оврагом Барак. Отмечая значительное количество топонимов вторичной и смешанной номинации, следует обратить внимание на то, что всё же две трети географических названий Самарской Луки возникло без опоры на ранее появившиеся.

Первичные топонимы неоднородны по исходной смысловой основе, по тем номинативным (назывным) признакам, с которыми связано возникновение этих названий. По особенностям мотивировочной семантики выделяются группы **топонимов – терминов, топонимов – антропонимов, топонимов – геонимов, топонимов – метафор, топонимов – символов, топонимов – прагонимов**. В своей совокупности они и составляют основной массив самаролукских первичных названий.

Топонимы – термины. Среди нарицательных слов любого языка имеются географические термины, в том числе и местные (диалектные). Они являются родовыми или видовыми обозначениями различных объектов (река, село, озеро, мыс и т.д.) и нередко топонимизируются, то есть превращаются в имена собственные этих объектов. В небольшом количестве

подобного терминологического происхождения названия встречаются и на Самарской Луке: овраги Ущелье, Труба, Барак, дороги Тракт, Зимник, Прогон, урочища Перелесок, Лука, Рынок и некоторые другие. Так, ороним Барак возник на основе местного географического термина барак – "овраг, балка, буерак". Название Рынок восходит к термину рынок – "мыс, обрыв, высокий крутой утес". Урочище Стрелка получила название от термина стрелка – "мыс, длинная коса при слиянии рек, оврагов; стык двух оврагов; небольшие отроги хребтов, тянущиеся в виде мысов".

Топонимы – антропонимы. В топонимике любой территории широко используются названия, образованные от личных имен, прозвищ и фамилий людей, то есть с антропонимической основой. Обычно для образования топонимов используются имена собственные людей, связанных с именуемым объектом по рождению, по жизненным обстоятельствам, по принадлежности, по тому или иному случаю. Среди самаролукских названий первичной номинации насчитывается более пятидесяти антропонимов, что составляет около одной шестой части здешних первичных топонимов. В числе примеров можно назвать селения Александровку, Гаврилову Поляну, Жигули, Чуракаевку, овраги Андреев и Варламов, Алёнино поле, урочище Ларькин Круг.

От топонимов-антропонимов первичной номинации возникло значительное количество производных названий вторичной и смешанной номинации. На Самарской Луке примерами могут служить: село Александровка – Александровский овраг, Александровское поле; село Жигули – Жигулевские горы, овраг Жигулевская Труба, город Жигулёвск; село Кольцово – Кольцовская воложка, Кольцовский овраг и др.

Удельный вес всех топонимов с антропонимической основой на Самарской Луке оказывается весьма значительным. По ориентировочным подсчетам такие топонимы составляют здесь до 26% всех учтенных географических названий (110 из 420).

Имена лиц, составившие основу топонимов-антропонимов, в ряде случаев подтверждены письменными документами. В них,

например, упомянут в XVIIв. среди первопоселенцев села Жигули "Сёмка Григорьев сын Жегуля", то есть Семен Григорьевич по прозвищу Жегуля. В ряде случаев письменного подтверждения существования человека с данным именем нет, но антропонимическая основа проглядывает очевидно. Многие топонимы-антропонимы поддаются объяснению на базе собственно лингвистического анализа. Так, в названии деревни Ижбулдиной об этом свидетельствует корень от татарского личного имени Ижбулда и русский притяжательный суффикс *ин*.

Топонимы – геонимы. К ним относятся названия-характеристики, образованные от слов, которые обозначают различные природные особенности географических объектов. Многочисленны они и на Самарской Луке. Достаточно указать на то, что среди первичных топонимов их насчитывается несколько десятков: овраги Бездонный, Бирючий, Смородинный, Вишневый, Песчаный, горы Белая, Косая, озера Белужье, Змеиное, сёла Березовка, Березовый Солонец, Сосновый Солонец, урочища Вислый Камень, Верхняя Дубрава, поля Ягодное, Студёное.

Из числа природных признаков, по которым именуется географические объекты, в самаролукской топонимике наиболее часто встречаются следующие: размеры и форма (Большая поляна, Малый Рынок, Рывуша, Косая гора), цветовые особенности (Белая гора, овраг Белый, роща Зеленая, остров Зеленьский), характер растительности (село Березовка, село Осиновка, овраг Вязки, Липовая поляна, Ягодное поле), виды животных (Бирючьи Ямы, Кошачий колок, Сурки, озеро Белужье), особенности рельефа и почв (урочища Камешки и Каменное, овраги Песчаный и Ущелье). Реже встречаются здесь названия по признакам температурных особенностей объектов (Студёное поле, Студёный ерик), наличия полезных ископаемых и воды (Гипсовый карьер, овраг Водяной).

Топонимы - метафоры возникают в результате переносообразного (метафорического использования в топонимической функции таких нарицательных слов, которые в своих прямых

значениях в топонимике не используются. Так, гору, вершина которой лишена растительности, именуют словом Плешка. Овраг, склоны которого в теплые периоды года отличаются пышной растительностью, называют Курчавым. Близко расположенные, похожие вершины гор получили имена Два Брата и Семь Братьев. Метафоричность основы очевидна и в таких топонимах, как остров Башмак, урочище Балалайка, Верблюд-гора, Веселая поляна, Золотая поляна, Сарафанный дол, Солнечная поляна и др. В целом же метафорических названий среди самаролукских топонимов выявлено относительно немного и составляют они немногим более одного процента.

Топонимы – символы не отражают каких-либо особенностей называемых объектов, являются чисто условными обозначениями последних, служат часто выражению определенных символов-идей. Такие названия характерны для советского времени и на Самарской Луке появились сравнительно поздно: Красный Пахарь, Новый Путь, Богатырь.

Топонимы – прагмонимы. Эту группу составляют названия, отражающие профессионально-производственную деятельность людей, связанную так или иначе с называемыми объектами, особенности использования последних. На Самарской Луке можно указать урочища Дегтярка, Мочала, Сечки, овраги Зольный, Молебный, Караульный Бугор и др. Многие из топонимов-прагмонимов ясно говорят сами за себя. Но есть и такие, которые требуют комментариев. Например, название горы Точильной обусловлено добычей здесь точильного камня (бруса).

Таковы основные типы самаролукских первичных топонимов по их номинативной (назывательной) семантике, то есть по тем признакам, с которыми связано возникновение этих географических названий. Выявление и учет подобной семантики названий в региональных топонимических системах служит основой для понимания таких систем в целом, для получения такой научно-практической информации, которая дополняет другие источники, а нередко и отсутствует в источниках иного вида.

СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ САМАРСКОЙ ЛУКИ

АКТУША. Речка, правый приток Волги выше с. Усолья. Сложный гидроним тюркского происхождения от *ак* – "ручей, поток, течение" и *туси* (*туши*) – "нагорный, горный". В целом смысл названия – "нагорная речка".

АКТУШИ. Село близ устья речки **Актуша**, по которой и поименовано. Исторические варианты названия: **Ахтуша**, **Актуша**, **Архангельское** (по престолу приходской церкви).

АЛЕКСАНДРОВКА. Село. Именовалось также **Александровское**, **Нагорная Александровка**, **Ново-Александрово**. Основное название связано с престолом приходской церкви во имя Александра Невского, с именем владельца князя Александра Меншикова. Уточнения данного названия обозначают то, что село находится на правом (горном) берегу Волги и возникло позже некоторых одноименных селений. По селу поименованы **Александровский** овраг и **Александровское** поле.

АЛЁНИНО ПОЛЕ. Урочище. Топоним с антропонимической (фамильно-именной) основой.

АНАТКАС. Урочище в участке **Большого Чувашского** леса. В чувашском языке *анат* – "нижний", *кас* – "поселок, выселок".

АРЕСТАНСКОЕ. Урочище в западной части **Чарокайского** леса. Произведено от слова "арестант". Обстоятельства такого именования объекта не установлены.

АСКУЛЫ. Село. По-татарски *ас* – "нижний, вниз, низ", *кул* – "озеро". Название в целом означает "Нижнее озеро". В связи с исходной семантикой село проименовано по озеру, точнее по овражно-му скоплению полной воды. Служит основой вторичных топонимов: **Аскульский** овраг, **Аскульское** селище.

АУСИН овраг. Близ с. Винновки. Топоним-прагмоним. По-татарски *ау* – "охота, охотничий", *син* притяжательный аффикс второго лица. Вторичные топонимы **Аусин Камень**, **Аусин Просек** возникли в русской языковой среде, где *камень* означает "гора, скала, утес", а *просек* или *просека* – "полоса, дорога в лесу, освобожденная от деревьев".

БАРАК. Овраг. Наименование-термин. Диалектное нарицательное *барак* в Поволжье, в чернозёмных областях употребляется со значением "овраг", "балка", "буерак".

БАРСКАЯ ПОЛЯНА, БАРСКИЙ ПЧЕЛЬНИК. Поименованы по признаку принадлежности.

БАХИЛОВО. Село. До революции считалось деревней. Исторические варианты названия **Бахилровка, Бахилова, Мордовская Бахилова, Бахиллов Буерак.** Вторичное название от **Бахилова** оврага (буерака). В основе названия, видимо, лежит прозвищный антропоним. По селу или оврагу поименованы **Бахилова гора, Бахилова Поляна, Бахилловский остров.**

БАШМАК. Остров. Название-метафора.

БЕЛАЯ гора, **БЕЛОКАМЕННЫЙ** хребет. Цветовые названия по известнякам беловатой окраски, из которых сложены горы.

БЕЛЫЙ КОЛОДЕЦ. Озеро. Наричательное *колодец* могло употребляться в значении "ключ, ручей, исток, водоем". С этими значениями, видимо, связано данное слово и в структуре этого топонима. В этом случае слово "белый" указывает на особую свежесть, прозрачность, хорошие качества воды. В этом же значении оно употреблено в топонимах **Белый Ключ, Белое озеро** и т.п.

БЕРЁЗОВКА. Село. Название-характеристика с флористической основой. Первоначально называлось **Шоркин Буерак** по одноименному оврагу, у которого первоначально находилось до своего переноса к устью р.Усы.

БЕРЁЗОВЫЙ СОЛОНЕЦ. Село. Топоним указывает на наличие солончаковых почв и берёзового леса в окрестностях. Называлось также **Березовский Солонец, Чувашский** (по национальному составу жителей) **Солонец.**

БИРЮЧИЙ ОВРАГ. Топоним в своем возникновении связан с диалектными нарицательными *бирюк* – "волк" и *бирючий* – "волчий". Ср. тюркское *бире* – "волк, волчий"

БИТЫЙ овраг. Находится на волжско-усинской переволоке. Топоним образован от глагола *бить*, видимо, в значении *бить, добывать камень, щебень.*

БОЛЬШАЯ дорога. Неоднократно встречающийся на Самарской Луке топоним. Так именуются дороги с интенсивным движением в отличие от проселков, зимников и т.п.

БОБЫЛЬСКОЕ. Урочище. Очевидна связь названия с нарицательным "бобыль".

БОЛЬШАЯ РЯЗАНЬ. Село. В источниках называлось также **Брусяна** (по одноименной реке), **Рязань** (видимо, по месту

выхода переселенцев из-под окской Рязани), **Старая Рязань** (для отличия от новой деревни с тем же названием), **Введенское** (по престолу приходской церкви). Существующее название появилось как антоним к меньшей по размеру **Малой Рязани**. В окрестностях села вторичные топонимы **Большерязанский лес**, **Большерязанское городище**, **Рязанский овраг**, **Рязанское поле**.

БОЛЬШИЕ РЕПИЦА. Урочище в окрестностях с.Торное. В старинном употреблении и русских диалектах *репище* означает или "репное поле", или "вновь вспаханное поле". С одним из этих значений и связано название. Антоним к находящимся неподалеку **Малым Репицам**.

БОЛЬШОЙ ЧУВАШСКИЙ лес. Находится близ сёл **Северюкаево** и **Кармалы**, название отражает национальный состав жителей ближайших селений.

БОРКОВКА. Урочище. Вероятна связь топонима с нарицательным *борки* "небольшие участки соснового или елового леса по сухой возвышенности" или с деревней **Борковка** (см. **НОВИНКИ**).

БОТНЫЙ КОЛОК. Лес. Наричательное *колок* в русских говорах имеет значение "отдельная рощица, лесок или лесной остров на сухом, непоемном месте". Слово "ботный" может указывать на то, что здешний лес использовали для изготовления *ботников* – "корыт для лодок без набоек, долбленных колод, долблёнок, однодеревок".

БРУСЯНА. Река, правый приток Волги. Гидроним связан или с диалектным *брусёна* (*брусяна*) – "заросли брусники", или на основе словосочетания "брусаяна, брусаянноточильная ломка", то есть место добычи точильного камня.

БРУСЯНЫ. Село. Название получило по речке **Брусяне**, оставившей на окраине села овраг **Сухая Брусяна**. Варианты названия: **Брусаяна**, **Брусьяна**, **Козьмодемьянское** (по приходской церкви).

БУРДОВКА. Распространенное в селениях Самарской Луки название окраинных улиц. Не исключено возникновение топонима на основе диалектного нарицательного *бурдить* – "проказничать, колобродить, хулиганить".

БУРТАШНОЕ озеро. Возможна связь гидронима с этнонимом *буртас* (название одного из народов, обитавших в Средневожье в V-XI вв.).

ВАЛЫ. Село. Исторические варианты названия **Валовка**, **Воловка**, **Сергиевское** (по престолу приходской церкви). Основное

название произошло от расположенных неподалеку остатков земляных валов-укреплений средневекового болгарского поселения, известного как **Муромский Городок**. Народная молва позднее переосмыслила старинное название как природную особенность местности – сильные снежные заносы в зимнюю пору. Железнодорожная станция близ села названа именно **Снежные Валы**.

ВАЛОВСКИЙ овраг. Находится к северу от с. **Валы**, по которому и поименован.

ВАЛОВСКИЙ ОСТРОГ Топоним образован на основе нарицательного *острог* в значении "боковая ветвь горы, хребта" и дифференцирующего определения, производного от с. **Валы**.

ВАЛОВСКИЙ УГОЛ. Урочище близ дороги Валы-Жигули. Названо по селу и нарицательному *угол* в значении "клин чего-либо, край, конец".

ВАНЮШИН КАРЬЕР. Топоним с антропонимической основой (от фамилии владельца – предпринимателя Ванюшина).

ВАСИЛЬЕВСКИЕ острова. Волжские острова близ сел **Брусяны** и **Малая Рязань**. Название с антропонимической (фамильно-именной основой).

ВЕРБЛЮД ГОРА. Гора на берегу Волги между с. **Ширяево** и п. **Гаврилова Поляна**. Топоним-метафора. Обусловлен формой двухглавой горной вершины, напоминающей верблюжьей горбы.

ВИНЕДУСЬ. Урочище, восточнее с. **Березовый Солонец**. Видимо, топоним по происхождению связанный с татарским языком, в котором *дус* – "друг, приятель".

ВИННОВКА. Село. Варианты названия деревня **Винная** на ключе, село **Богородское**. Название дано по местонахождению на **Винновском** овраге (буераке). Второй вариант названия произошел от престола приходской церкви. Производные от названия села или оврага: **Винновская стрелка** – урочище между оврагами **Крестовым** и **Винным**, **Винновские горы**, **Винновские острова**, **Винновский** подъем, **Винновское поле**, **Винновское селище**.

ВИННОКУРЕННЫЙ ОВРАГ Топоним-прагмоним, обусловлен практиковавшимся в окрестностях оврага винокурением.

ВИСЛЫЙ КАМЕНЬ. Утёс в южной части Самарской Луки. Топоним связан с нарицательными *вислый* "висячий, свесившийся" и *камень* "гора, скала, утёс" скала, утёс" Производные названия: **Вислокаменная воложка**, **Вислокаменные родники**, **Вислокаменское городище**, **Вислокаменское озеро**.

Казанско-Богородицкая церковь в с.Винновка.
Современное состояние

ВОЛГА. Древнейшим, засвидетельствованным со II-го века до н.э. названием реки было слово РА. Не исключено, что оно сохранилось в современном мордовском названии этой реки РАВ (РАВА). По одной из гипотез, основой такого названия могло быть древнее слово со значением "спокойная река".

Чуваши именовали реку **АТАЛ**, татары – **ИДЕАЛ**, башкиры – **ИДЕЛЬ**, марийцы – **ЮЛ**. Все эти названия связаны со средним и нижним течением Волги и в переводе на русский язык, как полагают некоторые исследователи, и означают "река; великая (большая) река". Но общепринятым названием как для большинства народов нашей страны, так и многих народов мира стало слово "Волга".

Исследователи неоднократно пытались разобраться в истории этого названия, ответить на вопрос, почему река зовется Волгой. К сожалению, приходится признать, что и до настоящего времени однозначного ответа на этот вопрос нет. Было высказано несколько предположений-гипотез, но ни одно из них не обладает неоспоримой научной доказательностью. Подобное, кстати, характерно для происхождения названий многих крупных рек. Ведь чем крупнее река, тем, как правило, древнее её наименование. А чем древнее наименование, тем сложнее строго научное установление его истоков. К числу таких сложных для объяснения названий относится и речной гидроним Волга.

Многие исследователи обращали внимание на то, что Волгой именуется один из притоков Днепра, что река Волга есть и в бассейне Вислы (Польша). В связи с этим высказывались предположения о том, что название Волга – славянское по происхождению и связано с такими нарицательными словами как "волглый", "влага" (подревнерусски "волога"). Возражая против такого объяснения, некоторые исследователи считают, что корень *волг* в значении "мокрый, влажный" очень редко встречается в славянских названиях небольших рек, а в названиях крупных рек вообще не используется.

Было обращено внимание на корень *волг* со значением "белый, светлый", распространенный в ряде финно-угорских языков. С ним, в частности, связаны марийское "волгыдо", эстонское "валге", карельское "валге" и др. Как полагают, от этого корня произошло название реки Вологды, от которой был поименован современный город. Противники данной гипотезы указывают на то, что волжские финно-угры (мордва и марийцы) Волгу не зовут Волгой. Принимая во внимание этот факт, нельзя, однако, исключить и то, что гидроним Волга мог возникнуть на финно-угорской основе в верховьях

реки, по крайней мере, севернее тех территорий, где теперь обитают мордва и марийцы

Высказывалась также мысль о возможной связи названия Волги с балтийскими языками, к которым относятся современные латышский и литовский. Отмечалось, в частности, наличие в этих языках нарицательного слова *валка* со значениями "текущий ручей, заболоченное место, лужа". Допускается, что подобным словом были поименованы истоки реки, в русском употреблении Валка изменилось в Волгу и распространилось на всю реку.

Наконец, некоторые исследователи, например, акад. Г.А.Серебренников, полагают, что название Волга по происхождению связано с древними и ныне не существующими языками. При таком подходе вопрос о возможности объяснения исходного значения гидронима Волга отпадает сам собой, так как нельзя обнаружить нарицательное слово, некогда ставшее основой географического названия.

ВОЛЬНИЦА. Урочище близ с.Винновки. Название связано с нарицательным словом в двух возможных значениях "самовольная запашка или захват сенокоса; место сбора вольной братии, гулливых и своевольных людей".

ВОРОВСКОЙ овраг. Топоним ассоциируется с нарицательным *воровской* в значении "место сбора воровских людей". Вместе с тем не исключено и наличие в основе названия чувашского слова *вар*, что означает "долина", трансформированного и переосмысленного в русском употреблении в *вар* – "варовский" – "воровской".

ВОРОТА. Урочище неподалеку от с.Винновки. Наричательное "ворота" в русском языке используется и с такими значениями, как "проход, глубокое ущелье, прорезающее горную гряду; узкие участки долины, через которые прорывается река, овраг". С одним из этих значений и связано название.

ВЫПОЛЗОВО. Село. В старину так нередко называли выселки, слободки, предместья, "выползшие" за пределы основного селения или из тех мест, где располагалось большинство селений.

ГАВРИЛОВА ПОЛЯНА. Поселок. Поименован по одноименному урочищу при овраге (буераке) и ключе (речке) **Гавриловском.** В основе лежит антропонимическое (фамильно-именное) название.

ГЛУХАЯ воложка. Протока между **Зелененькими** островами и самаролукским берегом. *Глухими* обычно называются "застойные заводи, заливы, непроточные или слабопроточные рукава реки, в т.ч. воложки".

ГОЛОДНЫЙ остров. Один из волжских островов. Название-метафора указывает на скудность травяного покрова и непригодность для пастбищного содержания скота.

ГОРЕЛЫЙ ГРЕБЕНЬ. Одна из продолговатых вершин Самарской Луки. Топоним свидетельствует о некогда бывшем здесь лесном пожаре.

ГРАННЫЙ овраг. В основе названия слово *грань* в значении "граница, рубеж, межа". Отсюда *гранный* означает "пограничный, порубежный, межевой" по отношению к чьим-то владениям.

ГРАБОЗДИНО. Урочище-поляна. Возможна связь с нарицательным *грабазда*, означающем того, "кто захватывает и присваивает себе чужое". Не исключена и антропонимическая (прозвищно-именная) основа.

ГРУНИНА гора. Входит в состав Усольского массива Жигулёвских гор. Топоним-антроним (образован от женского имени).

ГУСИНЦЕВ овраг. Можно предположить связь с нарицательным *гусинец*, которое означает "полевой, мышиный, гусиный, журавлиный или воробьиный горошек".

ДВА БРАТА. Гора с двумя похожими вершинами. Название-метафора.

ДЕВЬЯ гора. Она же **Девичий Курган.** Возвышенность по течению Волги рядом с **Молодецким Курганом.** Современный топоним, возможно, является результатом трансформации более раннего названия, связанного с нарицательным *дивья*, то есть "дивная, чудесная, удивительная, редкостная" по своей природной красоте. О происхождении названия существуют раз-

личные легенды. По одной из них похищенная удальцом-молодцом девица-красавица не захотела жить в неволе и, бросившись с горы, разбилась. С тех пор и зовется гора Девьей.

ДЕНИСОВ КОРДОН. Урочище имеет в названии антропонимическую (фамильно-именную) основу.

ДЕРЕВНЯ. Урочище. Возможна связь топонима с нарицательным *деревня* в значении "поле, полоса земли, пустошь, пашня" или с наличием здесь в прошлом небольшого поселения.

ДЕРЕВЯННОЕ поле. Топоним, видимо, образован на основе диалектного нарицательного *деревки* – "росчисть, чищоба, подсека".

ДОЛГАЯ ЯМА. Овраг с восточной стороны с. Брусяны. Топоним-характеристика, отражающий реальное своеобразие географического объекта. Наричательное *яма* используется и со значением "ров, впадина, промоина, овраг".

ЕЛГУШИ. Озеро в карстовой воронке на склоне юго-восточного отрога долины **Ширяевского** оврага. Топоним неясного происхождения. Не исключена связь его с финно-угорскими *ел(ела)* – "небольшая речка с озеровидным расширением", *кужо (гуша?)* – "поляна". Тогда Елгуши – это "поляна с озеровидным водоемом".

Заслуживает внимания и тюркские *елга* – "река, речка", *уч(уш-а)* – "верх, вершина". В этом случае Елгуши (Елгауча, Елгауша) – "верхняя речка, водоем." Сравните с названием, расположенного рядом урочища **Верхние Елгуши**, где первый компонент обусловлен русским нарицательным *верхний* в значении "находящийся на более возвышенном месте; расположенный ближе к началу, истоку, вершине реки (оврага)".

ЕКАТЕРИНОВСКИЕ острова. Волжские острова близ левобережного села **Екатериновки**, по которому и поименованы. Само же село было названо в честь императрицы Екатерины II.

ЕРМАКОВО. Село. Первоначально называлось деревней **Ермаковой, Ермаковой** поляной, **Ермачихой**. Название дано по местонахождению на поляне **Ермаковой** или **Ермачихе**

и имеет антропонимическую основу, связанную с личным именем Ермак. Еще один вариант названия, село **Воздвиженское**, произошел от престола приходской церкви.

ЖАРЕНЬИ БУГОР. Гора к северо-западу от с. Подгоры. Возможна связь дифференцирующего определения с нарицательным *жареный* в значении "горелый, горевший". Не исключено и наличие в основе тюркских слов *джар* (*жар*) в значении "крутой обрывистый берег, склон горы; круча, уступ стеною, яр". В последнем случае "жареный" означает "крутосклонный".

ЖИГУЛИ. Село недалеко от устья р. Усы. Исторические варианты названия **Жегулевка**, **Жегули**, **Жегулиха** произведены от прозвища одного из первопоселенцев Семена Григорьевича по прозвищу Жегуля, выходца из Устюга Великого. Термины "жигуля", "жигуль", "жигулина" встречались довольно часто в русском языке XVI—XIX вв. и обозначали несколько понятий — шомпол для чистки огнестрельного оружия; тонкий гибкий прут; высокого смуглого мужчину, гуляку и повесу. Этимологически все эти обозначения являются производными от понятий, связанных с воздействием огня — жечь, жгу, прожигать и т.д. В нашем случае сравнительно редко употребляемым в русском языке явился формообразующий суффикс — "ул".

Второе официальное наименование **Вознесенское** дано по престолу приходской церкви. Еще одно название **Труба** произошло от характера местности, долины в которой расположено село.

ЖИГУЛИ. Горный кряж, образующий Самарскую Луку. Высказывалось несколько предположений о происхождении названия массива. По одному из них топоним связан с тюркско-татарским *джигуле*, что значит "запряженный, впряженный, гужевой", то есть связанный с трудом бурлаков. Наиболее обоснованным является предположение о происхождении оронима **Жигули**, **Жигулевские горы** от села **Жигули**. Вначале это наименование обозначало лишь ту часть гор Са-

марской Луки, что находилась вблизи селения, но постепенно распространилось на весь их массив.

Имеется целый ряд топонимов, производных от названия одноименных гор и села: город **Жигулевск**, **Жигулевские ворота**, **Жигулевский** заповедник, **Жигулевский** овраг, **Жигулевский** перевоз, **Жигулевское** плато, **Жигулевское** селище, **Жигулевское** побережье.

ЗАБАРАК. Урочище северо-западнее с.Торное. Поименовано по расположению "за барак", то есть "за оврагом". В диалектах поволжских и черноземных областей *барак* употребляется со значением "балка, овраг, буерак".

ЗАВЕРТЯЕВ остров. Вероятна связь топонима с нарицательным *заверть*, что означает "водоверть, пучина, водокруть".

ЗАВОЛЖСКИЙ остров. В названии отражено расположение острова близ левого, "заволжского" берега.

ЗАГРАННОЕ поле. Находится за **Гранным** оврагом, что и отразилось в названии.

ЗАДЕЛЬНАЯ гора, **Задельное** городище, **Задельный** овраг. Все эти объекты поименованы, видимо, по расположению "за делью". В старину слово *дель* использовалось со значением "борть, бортный". Так могла именоваться лесистая местность с "бортными ухожьями", то есть местами, где занимались бортничеством – добычей меда диких пчел.

ЗИМНИК. Зимняя дорога, обычно прокладываемая там, где нет летнего пути. Зимники имеются в разных местах Самарской Луки.

ЗМЕЙКА. Одна из гор Жигулёвской гряды. Поименована по извивающемуся контуру вершины, что хорошо просматривается на фоне небосвода. Топоним с метафорической основой.

ЗОЛЬНОЕ. Пристань и поселок на Волге. Топоним, видимо, вторичной номинации, обусловлен близостью к **Зольному** оврагу. Название последнего скорее всего объясняется производством в данной местности золы для выработки поташа, ценного химического сырья.

ИВКИН КОЛОК. Роща вблизи дороги из с.Переволоки в с.Большая Рязань. Топоним образован от имени Ивка (уменьшительное от Иван или Иона) и нарицательного *колок*, т.е. "лесок, роща".

ИГРИЩЕ. Название местности связано с нарицательным *игрище*- "место для игр, забавы, увеселений, потех, народных сходбищ и сборищ".

ИЖБУЛДИНА. Деревня. Ныне не существует. Располагалась вблизи **Винновского** оврага, где и в настоящее время имеется **Ижбулдина** поляна. В основе топонима имя Ижбулда, распространенное среди татар и мордвы.

ИОРДАН озеро. Поименовано по одноименной реке в Палестине. В России так назывались обычно водоемы, в которых совершались обряды крещения и водосвятия.

КАЗАЧИЙ подъём. Горный склон западнее с.**Винновки**. Названия с основой "казак" получили распространение в конце XVI в., указывая на места казачьих станов.

КАЗЁННОЕ поле. Названо по принадлежности казне, государству в отличие от частновладельческих или общинных крестьянских полей.

КАМЕННАЯ КОЗА. Городище, археологический памятник. Топоним с метафорической основой.

КАМЕННАЯ КОЗА. Овраг близ одноименного городища. Топоним вторичной номинации.

КАМЕННАЯ ЧАША. Источник у кордона **Колоды**. Топоним обусловлен каменисто-скальным основанием источника. Возможна трансформирующая метафоризация более раннего тюркского *чешме*, означающего "ключ, родник, источник".

КАРАУЛЬНЫЙ БУГОР. Так в старину называли горы, на которых располагались караульные дозоры.

КАРМАЛЫ. Село. До начала 20 в. считалась деревней. В документах также встречаются варианты названия **Кармал**, **Кармала**, **Кармол**. Топоним неоднократно встречается в Среднем Поволжье в качестве названия как селений, так и речек. Вероятна связь с тюркским нарицательным карама – "вяз, вязовый". Так объясняет топоним и местное чувашское население,

но в соответствии с особенностями своего языка произносят его "Хурмал". Производные названия: **Кармальский** овраг, **Кармальское** городище.

КИЛЬДЯНУС. Поле в участке **Большого Чувашского** леса. Топоним связан по происхождению с чувашским языком, в котором нарицательное *нус* значит "исток, начало, вершина". Исходная семантика компонента "кильдя" не установлена.

КЛЮЧУЖНЫЙ залив. Возможна связь топонима с нарицательным *ключ* в значении "родник, источник". В этом случае *ключужный* объясняется как "богатый ключами, родниками".

КИРГИЗЫ. Урочище на берегу Усинского залива. Топоним имеет этнонимическую основу по старинному названию современных казахов.

КОЗЛОВО РЕПИЩЕ. Урочище. Определение Козлово может иметь антропонимическую (по фамилии) основу, но не исключена связь с нарицательными "козел, коза". Обозначение *репище* не раз встречается в топонимике Самарской Луки (см. **БОЛЬШИЕ РЕПИЩА**).

КОЗЬИ РОЖКИ. Скала в Восточных Жигулях. Топоним-метафора, отражает своеобразие формы скальной вершины.

КОЗЬИ РОЖКИ. Межгорное ущелье (глубокий овраг) названо по одноименной скале, примыкающей к устью ущелья с западной стороны.

КОЛОДЫ. Урочище восточнее с. **Жигули**. Не исключена связь топонима с нарицательным *колода* в значении "цельный долблённый улей". Отсюда *Колоды* – "место, где ставили колодные ульи". Овраг близ урочища называется **Колодный**.

КОЛЬЦОВО. Село. Ныне не существует как постоянный населенный пункт. В документах также встречается вариант названия **Кольцовка**. Название произведено от имени собственного (фамилии владельца). Еще один вариант названия **Николаевское**, произошел от престола приходской церкви.

По названию села поименованы расположенные рядом объекты: **Кольцовская** воложка, **Кольцовский** лес, **Кольцовский** овраг, **Кольцовский** остров.

КОПТЕВ овраг, **КОПТЕВ** затон. Находятся в восточной части Самарской Луки. Первично, видимо, название оврага с антропонимической (по прозвищной фамилии) основой. Затон поименован по оврагу. Однако не исключена и связь названия оврага с нарицательным *копоть* в значении "яма, в которой гонят смолу, деготь". Первичность овражного топонима в этом случае становится очевидной.

КОРОВИЙ остров. Название обусловлено тем, что на этом волжском острове в летнее время пасли (содержали) коров.

КОРЧЁВКА. Урочище. Топоним обозначает место, где корчевали лес под пашню, где была рощица из-под леса.

КОЧКАРКА. Урочище в участке **Чарокайского** леса. Топоним объясняется по связи с нарицательным *кочкарь* "болото с кочками, моховина по кочкам". Часть урочища составляет **Кочкарный** овраг (топоним вторичной номинации).

КОШАЧИЙ КОЛОК. Лес близ **Кармальского** оврага. Определяющая часть топонима образована от слова *кошка*, но лесок мог быть поименован и по травам, которые здесь произрастают и имеют в своём названии слово "кошачий". Сравни: "кошачья трава", "кошачья мята" и др.

КРЕСТЬЯНСКИЙ овраг. Назван по принадлежности угодий к крестьянским, общинным землям.

КРЕСТОВ овраг. Так мог быть поименован овраг с развилем, перекрещивающийся овраг. Вторичное к данному топониму название **Крестовая поляна**.

КРИВУША. Этим словом нередко называли реки, овраги с крутыми изгибами, извилинами, имеющие частые поворотные колена.

КУНЬЯ воложка. Волжская протока близ города Тольятти. Не исключена связь топонима с татарским нарицательным *куи* "выкуп, откуп; выкупной, откупной". Воложка могла получить название на этой семантической основе в связи с ис-

пользованием для рыбной ловли по откупу, выкупу. В связи с этим заслуживает внимания и старорусское *куна* в значении "определённая форма платы, дань, подать".

Менее вероятной представляется связь названия с русским *куница* (*кунь*) – "зверёк семейства куньих".

КРУТЕЦ. Исток **Точильного** оврага. Топоним указывает на крутые, отвесные берега оврага.

КУРУНОВО поле. Находится на горе **Печёра**. Исходное значение нарицательного *курун* – "индюк". Однако наличие в определяющем слове топонима притяжательного суффикса *-ов-* допускает связь названия с прозвищным антропонимом (бытовым именем, фамилией).

ЛБИЩЕ. Гора, выходящая к Волге. Название обусловлено нарицательным народно-географическим термином *лбище* – "гористый, обрубистый крутой мыс; отвесный, крутой берег; выдающаяся скала". Вторичным к названию прибрежной возвышенности является название села **Лбище**.

ЛЕВАНТУ. Урочище в участке **Большого Чувашского** леса. Топоним представляет собою сложное образование, по происхождению связанное с чувашским языком, в котором нарицательное *ту* означает "гора". Леван – трансформированная форма личного имени Леонтий, Левонтий, Левон. Отсюда Леванту – то же, что и Леонова (Леонтьева) гора.

ЛЕПЁШКА. Гора, обрывом спускающаяся к реке Усе. Название – метафора, образно отражающее плоский характер горной вершины.

ЛИЗИНКА. Овраг. Возможна связь оронима с нарицательным *лиса* (лиса-лисинька-лизинка).

ЛОТКИ. Урочище близ оврага **ТРУБА**. Топоним скорее всего представляет результат трансформации в русском употреблении мордовского *латко*, что означает "овраг, балка, котловина".

ЛЫСАЯ гора. Часто встречающееся название отдельных гор, лишенных древесной растительности по склонам и вершине. Топоним-метафора.

МАЛАЯ РЯЗАНЬ. Село. Имя получила от соседнего более старого селения (см. **БОЛЬШАЯ РЯЗАНЬ**), в отличие от которого первоначально называлась деревня **Рязань** или **Новая Рязань**, а также **Городищи** (от располагавшегося в окрестностях древнего городища). С начала XX в. именуется современным названием и считается селом.

В составных топонимах, являющихся названиями селений, определение *малая*, во-первых, указывает на их меньший размер в момент возникновения, а, во-вторых, оказывается синонимичным слову *новая*.

МАЛЫЙ РЫНОК. Урочище. Слово *рынок* известно и в значении "обрыв, высокий крутой утес; высокий мыс или стрелка у слияния рек (оврагов)". Одно из этих значений и составило номинативную основу топонима, в котором отразилось также противопоставление по размеру урочищам **Большой Рынок, Рынок**.

МАНЧИХА. Гора северо-западнее с. **Подгоры**. Географические названия с финальной частью *-их-а* (Потапиха, Соловчиха и т.п.) широко представлены в Ивановской, Нижегородской, Ульяновской и в других областях Поволжья. Как правило, такие названия образуются от календарных (церковных) или прозвищных имен. Это даёт основание считать, что и рассматриваемый топоним образован от личного имени Мария в его уменьшительной форме Маня. Подобное предположение в какой-то мере подтверждается существованием легенды о связи топонима с именем женщины-богатырки Манчихи. Мнение о происхождении названия из чувашских *ман* – "забытый, широкий", *чик* – "рубеж, грань" или татарских *ман* "каёмка", *чик* . "грань, предел" также заслуживает внимания. Но в последнем случае топоним является русифицированной формой ранее возникшего нерусского названия.

МЕЛЬНИЧНЫЙ овраг. Назван по находившейся здесь мельнице.

МИРОНОВ КОЛОК, МИРОНОВА поляна, **МИРОНОВО** поле. Топонимы с антропонимической (фамильно-именной) основой.

МИССЕРЮХА. Урочище. Топоним с затемненной этимологией, обусловленной, как можно полагать, его трансформацией при функционировании в разноязычной среде. Суффиксальное оформление названия, видимо, связано с русским языком. Суффикс *-их-а* достаточно продуктивен в русском словообразовании, в том числе и в антропонимическом (см. **МАНЧИХА**).

Корневая часть названия, видимо, связана с тюркскими языками. Ср. татарские: Мисыр (Мисер) – личное имя, *Мишэр* (*Мисер*) – "мишар" (этноним), *меше* (*месе, мисе*) – "лес, лесной, лесные заросли". Вероятно, что одно из этих татарских слов и послужило основой названия, позднее видоизменённого в русском употреблении.

МОГУТОВАЯ гора. В основе топонима, возможно, лежит нарицательное *могучий* (*моготный*) – "могучий, большой, крепкий". Название в этом случае обусловлено размерами горы, более чем на 250 метров возвышающейся над Волгой. Также возможна антропонимическая основа.

МОЛЕБНЫЙ овраг. Поименован, возможно, в связи с совершением молений, молебнов, культовых религиозных обрядов.

МОЛОДЕЦКИЙ КУРГАН. Горный массив в Жигулях. По существующей преданию название связано с гибелью некоего молодца, якобы, сброшенного возлюбленной с курганной вершины во время сна. Но такое объяснение относится к жанру так называемых топонимических легенд. (ср. **ДЕВЬЯ** гора), которые представляют интерес прежде всего как произведения устного народного творчества, но мало что проясняют в происхождении соответствующих географических названий. Более вероятно то, что наименование кургана связано с существовавшим на нём в прошлом мест сбора "беглых добрых молодцов, скрывающихся от властей".

МОРДОВО. Село. До конца первой трети XIX в. считалось деревней. Варианты названия в документах – *деревня на ключе Мордовинная, Мордов, Мордова*. Название дано по местонахождению на речке (ключе) и протоке, называвшихся

Мордовинскими. В конце 1830-х гг. на **Мордовинской даче**, то есть земельных угодьях исчезнувшей к тому времени деревни, возникло новое поселение под названием село **Новопрераженское** или **Новопрераженская слобода**, связанным с престолом приходской церкви. *Слободами* назывались селения, жители которых (здесь это были отставные солдаты) пользовались льготами, в частности, полностью или частично освобождались от некоторых налогов и податей. Со временем за селом закрепилось имя, доставшееся от прежней деревни и образованное от этнонима "мордва", которое указывает на проживание некогда в данной местности мордовского населения.

МОРЗАЙ. Урочище. Топоним с антропонимической основой. Личное имя Морзай используется у татар до настоящего времени (диалектные варианты: Мурзай, Мирзай).

МОРКВАШИ. Река – правый приток Волги и село на этой реке, которое в настоящее время вошло в состав г. Жигулевска. По церковному приходу село именовалось также **Покровское**. Топоним сложной структуры и не совсем ясной этимологии. Достаточно определенно можно сказать о финно-угорской основе названия. Об этом свидетельствует прежде всего наличие такого же топонима на территории республики Мари Эл. Не исключено, что жигулёвские Моркваша представляют собой топоним-мигрант, принесённый переселенцами с верховых территорий Поволжья, где обитали народы, говорящие на финно-угорских языках.

МОРКВАШИЙСКИЙ БУЕРАК. Овраг близ села **Моркваша**. Диалектное нарицательное *буерак*, как уже отмечалось, используется в местных говорах со значением "овраг".

МОЧАГА. Урочище. Топоним возник на основе нарицательного географического термина *мочаг* – "непросыхающая впадина, влажное место, низменный луг, нетопкое болото без кочкарника; место выходы ключевых вод, заболачивающих землю". Название-характеристика, указывающая на природно-географическое своеобразие местности.

МУРАВЕЙНАЯ ДУБРАВА. Лес близ оврага **Рубежный**. Подобное название могло возникнуть от слов *муравей*,

муравейник. Не исключено, что здесь же водились медведи-муравейники.

МУРАНКА. Небольшая речка, впадающая в Усинский залив. Название, как можно полагать, закрепилось в золотоордынский период, как и имя принимающей реки **Уса**, и связано с монгольским *мурэн* (*муран*), которое в переводе на русский и означает "река".

МУРОМСКИЙ ГОРОДОК. Искусственное, созданное в научной терминологии обозначение остатков древнего болгарского города близ села **Валы**.

НАЁМНЫЙ ДОЛ. Долина севернее Большерязанского леса. Название связано с нарицательным *наёмный* – "отдаваемый в аренду, нанимаемый".

НОВИНКИ. Село. Современный топоним произведен от более раннего – деревня **Новокараульная**, то есть расположенная у новой караульной сторожки. По престолам приходской церкви именовалось также селом **Архангельское** или **Успенское**. Первоначально находилось неподалеку от современного с.Рождествена, на рубеже XVIII – XIXвв. было перенесено на место выселенной деревни **Борковка**, поэтому располагавшаяся в селе станция на почтовом тракте продолжала называться **Борковской**.

ОПКАН. Озеро восточнее с.Торновое. На базе современных языков Средневожья гидроним не объясняется, что позволяет отнести его к числу названий с неясной этимологией и семантикой. Вместе с тем не исключено, что топоним имеет основу, восходящую к иранским языкам, в которых *об*, *оп*, *аб*, *ап* "вода", а *кан* "рыть, копать; канал". Отсюда Опкан может означать "роющая, копающая вода"(?).

ОСИНОВКА. Село. Вариант названия – **Осиновый Буерак**. Название дано по местонахождению на **Осиновском** овраге (буераке) и связано с флористической основой (зарослями осины). Еще один вариант названия, село **Николаевское**, произошел от престола приходской церкви.

ОТВАГА. Железнодорожная станция. Названа по старинному селу **Отважное**, ныне находящемуся в составе г. Жигулёвска. Топоним с символической семантикой.

ПАЧКАРАЙКА. Урочище. Топоним сложной структуры, состоящий из двух частей, *пачка* и *райка*. Однако, языковая принадлежность каждой из этих частей не может быть интерпретирована с достаточной определенностью. Можно лишь указать, что компонент *райка* соотносится с русскими диалектными лексемами: *рай* в значении "рига, овин"; *райа* "граница, рубеж", *райник* "большой, обширный лес". Семантически каждая из трех указанных лексем могла войти составной частью в структуру топонима. Компоненту *пачка* не обнаружено подходящих соответствий в языках, исторически связанных с Самарской Лукой. Лишь учитывая особенности чувашской речи в воспроизведении русских слов, можно предположить, что перед нами трансформация, произошедшая при неточной передаче иноязычного для чувашей слова. Ср.: батя, батька, бачка, пачка.

ПЕРЕВОЛОКА. Село в самой узкой части волжско-усинского перешейка, на переволоке, то есть сухопутной переправе из одной реки в другую (от слова *волочить* "переволокачивать, перетаскивать судно посуху"). Исторические варианты названия: деревня **Переволокская**, **Переволоцкая**, **Переваловка**. По престолу приходской церкви именовалось также село **Покровское**.

ПЕЧЁРСКОЕ. Село. Называлось также **Печеры**, **Печерская слобода**, а по церковному престолу – **Никольское**. Топоним вторичной (метонимической) номинации. Возник в связи с переносом названия с расположенных в окрестностях **Печерских гор**.

ПЕЧЁРСКИЕ горы. Возвышенный гористый волжский берег на юго-западе Самарской Луки. Основу названия составило нарицательное *печёры* (*пещеры*) – "углубления, пустоты, выемки в обрывистых берегах, в крутых склонах гор". Менее вероятным представляется утверждение В.А.Никонова о том, что название произошло от Печёрского монастыря в Нижнем

Новгороде, который имел в здешних горах промысловые угодья.

ПЛЕТНЕВ овраг. Находится между урочищами **Деревня** и **Аленино Поле**. Топоним с антропонимической (по фамилии) основой.

ПЛЕШКА. Гора близ устья Усинского залива. Поименована по наличию на склонах обширного участка, лишённого древесной растительности. Топоним синонимичен распространённому названию **Лысая** гора.

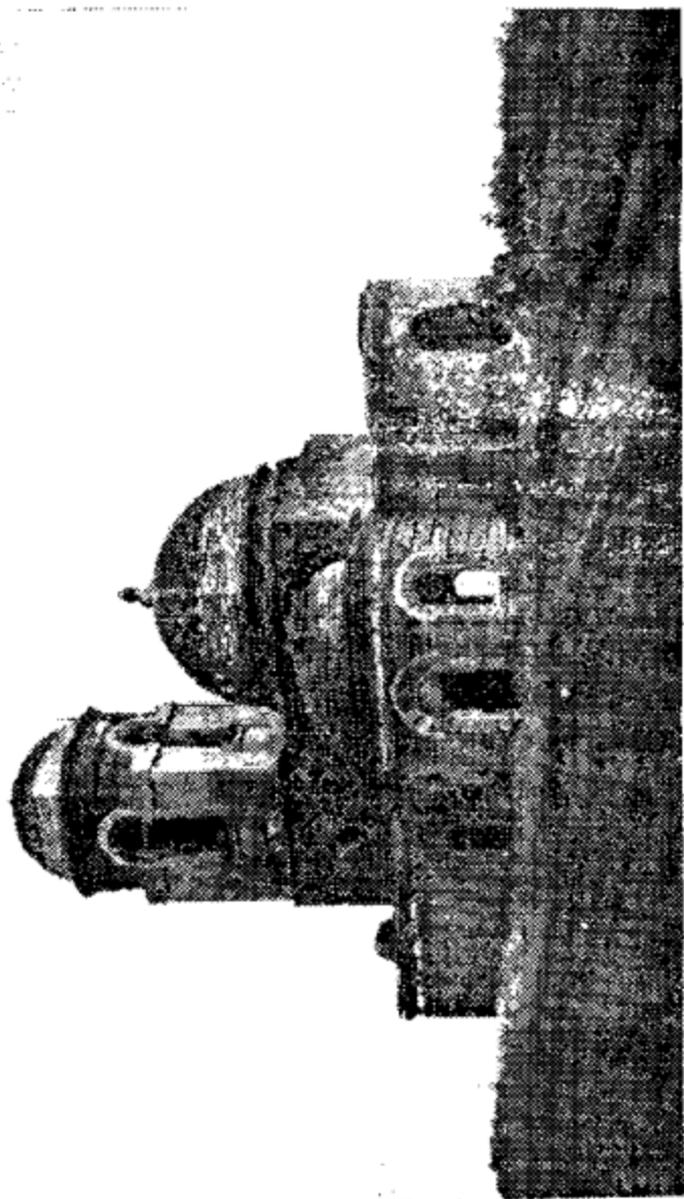
ПЛИЦИН КОЛОК. В названии этого леса имеется дифференцирующее определение с притяжательный суффиксом *-ин*, что даёт основание усматривать антропонимическую основу (по прозвищу или прозвищной фамилии).

ПОВАР. Овраг, являющийся ответвлением от оврага **Кольцовский**. Наличие ударения на втором слоге топонима может указывать на связь названия с нарицательным *вар* – "долина, лощина". В связи с этим название как бы свидетельствует, что овраг проходит по низменной местности, по долине, по лощине, по "вару".

ПОДГОРЫ. Село. Топоним-характеристика указывает на расположение у подножья гор, "под горой". Исторические варианты названия: "деревня под **Лысой горой**", с. **Ильинское** (по престолу приходской церкви).

ПОКРОВСКОЕ ПОЛЕ. Урочище в **Большом Чувашском** лесу юго-западнее с. **Кармалы**. Название указывает на связь объекта с селом **Переволоки**, именовавшимся также **Покровское**.

ПОЛЗОВАЯ. Урочище. Несомненна связь топонима с глаголами *ползти, ползать*. Однако, конкретизация исходной семантики, признака, по которому именовано урочище, затруднено, так как основа названия обладает широким спектром значений. Не исключено, что наименование урочища связано с наличием в этой местности *ползухи* "малорослого, уродливого, заморенного кустарникового леса" или *ползика* – "мокрых глинистых подпочв, по которым верхний пласт ползёт, сползает".

Церковь Ильи Пророка в с.Подгоры (современное состояние)

ПОЛИВНИЦКИЙ ВЫГОН. Урочище на острове Башмак. Топоним образован от нарицательного *поливно* (*поливница*) – "пойма, поёмное место, заливные луга."

ПОЛЬНЫЙ овраг. Является продолжением оврага Мельничный. Назван по расположению близ Студеного поля.

ПРОГОН. Дорога близ урочища Сечки. Топоним с терминологической основой. Обусловлен нарицательным *прогон* – "дорога, по которой прогоняют, перегоняют скот."

ПУСТЫННЫЙ овраг. Находится близ урочища Пустынный Угол, по которому и поименован на основе топонимической метонимии (переноса названия со смежного объекта).

ПУСТЫННЫЙ УГОЛ. Урочище. Здесь слово *пустой, пустынный* указывает на "пустоту, незаселенность, необжитость" местности. Вместе с тем не исключена и связь топонима с существованием когда-то здесь *пустыни* – "уединённой обители, одинокого жилья, кельи отшельника, уклонявшегося от мирских сует".

ПЧЕЛЬНИК. Распространенное название-термин, обусловленное нарицательным *пчельник* – "пасека, место содержания пчёл в ульях; местность, где расставлялись ульи с пчёлами."

РАЗДИРКА. Название возникло на основе нарицательного *раздирка*. Топонимизация слова могла быть обусловлена таким его значением, как "место раздирания, деления русла реки, оврага на отдельные рукава, отвершки". Урочище с этим названием действительно находится в месте, где от оврага Крестовый отделяется овраг Раздирочный, и оказывается между ними двумя.

РАЗЛИВ. Урочище. Названо по нарицательному *разлив* "заливаемое в половодье поёмное место, пойма."

РЕПЧА ПРЕ. Урочище. Топоним, видимо, связан с мордовским языком и в переводе означает "Репчатая Голова (Вершина)". Ср.: мордовское *пря* "голова, вершина".

РОЖДЕСТВЕНО. Село. Названо по приходской церкви Рождества Христова. Варианты исторического названия: Рождествено, Христорождественское.

РУБЕЖНЫЙ овраг. Назван по нарицательному *рубеж* "грань, межа, граница, предел, стык двух земель или владений". *Рубежный* - "граничный, межевой".

САМАРСКАЯ ЛУКА. Волжская излучина, образованная горным кряжем, напротив устья реки Самара и одноименного города. Дифференцирующее определение является производным от гидронима Самара. В основе названия географический термин *лука* "большая протяжённая излучина реки, дуга и образуемый ею полуостров".

САРАФАННЫЙ ДОЛ. Урочище южнее оврага *Миссерюха*. Метафорическое (переносно-образное) название, словарная основа которого очевидна. Однако, конкретная ситуация, послужившая основанием метафоризации, не установлена.

СЕВРЮКАЕВО. Село. Название дано по личному имени одного из чувашей-первопоселенцев (*Сеvрюкай*), о чем еще в XVIIIв. писал П.С.Паллас.

СЕМЬ БРАТЬЕВ. Гора близ Усинского устья. Название-метафора дано по сходству горных вершин.

СЕЧКИ. Урочище. Топоним обусловлен нарицательным *сечки* "место, где рубят (секут) лес или где он уже срублен (посечён)".

СИДОРОВЫ ГОРЫ. Урочище. Топоним с антропонимической (лично-именной) основой.

СОЛДАТСКОЕ ОЗЕРО. Словарная и семантическая основа названия очевидна, но конкретная ситуация возникновения и закрепления топонима документально не установлена. Возможно названо по принадлежности или по прикосновенности к земельным угодьям отставных солдат из села *Мордово*

СОСНОВЫЙ СОЛОНЕЦ. Село. Топоним указывает на наличие солончаковых почв и соснового леса в данной местности. Называлось также *Сосновка*, *Сосновое*, *Дмитриевское* (по престолу приходской церкви).

СТРЕЛКИ. Урочище близ оврага *Аскульский*. Топоним с терминологической основой. Наричательное *стрелка* широко используется в значении "мыс на соединении оврагов, ущелий, рек".

СТРЕЛЬНАЯ гора. Топоним допускает двойное толкование. Семантика и происхождение названия могут быть обусловлены топонимической метонимией, то есть переносом наименования с близлежащего оврага **Стрельный**. Не исключено и наличие в основе топонима нарицательного *стрельня*, употреблявшегося в старину со значением "сторожевая башня, башня в укреплении". В последнем случае этот топоним оказывается синонимичным топониму **Караульный Бугор**.

СТРЕЛЬНЫЙ овраг. Так нередко именуются овраги, образующие мысы-"стрелки". См. **Стрелки**.

СТУДЁНОЕ поле. Поименовано по холодным почвам, какими считаются сырые, мокрые, болотистые или же белые, известковые, иловатые.

СТУДЁНЫЙ ЕРИК. Волжская протока близ сёл **Кольцово** и **Мордово**. Топоним возник на основе нарицательного *студёный* в значении "холодный", что в данном случае могло быть обусловлено родниково-ключевым водоснабжением протоки, и диалектного *ерик* "рукав реки, старица, глухой проток".

СУХАЯ БРУСЯНА. Овраг, устьем выходящий в речку **Брусяна** и названный по принимающей реке. В названии отражен факт пересыхания водотока по оврагу.

СЫРТ. Урочище. Топоним-термин по нарицательному *сырт* – "невысокая плоская возвышенность, водораздельная гряда, междуречье; увал со сглаженными формами."

СЫРТНЫЙ ПОДЪЕМ. Участок дороги от села **Вяиновка** по склону Сырта, по которому и назван.

ТАРАТОРНОЕ поле. Находится близ оврага **Раздирочный**. Маловероятно изначальное именование поля по русскому глаголу *тараторить* "болтать без умолку, скоро, неутомочно". Этот признак не используется для называния географических объектов. Не исключено, что топоним представляет собою результат переосмысления и структурного преобразования (трансформации) в русском употреблении ранее существовавшего нерусского названия на основе так называемой "ложной этимологии". Ср. татарские: *тарау* "отроги гор";

тарак "ломаные вершины гор"; *тарла, тарлаг, тарлау* "пашня, поле; вспаханная обработанная земля". Указанные слова и значения вполне могли лежать в первоначальной основе названия.

ТЕЛЯЧИЙ остров. Поименован, видимо, по летнему содержанию на нём скота, в т.ч. телят.

ТОРНОВОЕ. Село. Варианты исторического названия: деревня **Торнова, Торновая**. Топоним возник на основе флористической семантики и связан с диалектным нарицательным *торн* (литературное *тёрн*) "разновидность мелкой сливы, произрастающей в средней и южной полосе и отличающейся круглыми плодами." Буквальное истолкование названия – "место зарослей торна, богатое торновником (терновником)".

ТОЧИЛЬНАЯ гора. Поименована по добыче точильного камня.

ТРАКТ. Нередко встречающийся топоним-термин, обусловленный нарицательным *тракт* "большая дорога, торный путь; дорога почтовая, установленная".

ТРУБА. Овраг в Винновском участке близ урочища **Лотки**, устьем выходящий в Горно-Винновскую воложку. Поименован на основе нарицательного *труба* в значении "русло, коренное ложе оврага, реки; узкая долина без террас и поймы; каньон".

ТУЗЕРПАН. Гора северо-восточнее с.Кармалы. Вероятна, сложная структура названия. Первый компонент соотносится с тюркским *туз* в значениях "соль, солончак; засоленный ручей; самосадочное озеро". Компонент *ер* может быть тюркским же нарицательным в значениях "земля; место; урочище". Наконец, финальная часть *пан*, видимо, обусловлена мордовским *пандо* "гора". Таким образом, допускается гибридная (татарско-мордовская) основа оронима, который может быть истолкован как "горное урочище (место) с солончаками".

УВИН. Урочище. Основу топонима, скорее всего, составило русское нарицательное *овин* "строение для сушки хлеба в снопах" с заменой начального гласного *о* гласным *у*, что харак-

терно для многих средневожских говоров. Близ урочища находится и по нему назван **УВИНСКИЙ** овраг.

УРКИНО. Урочище. Возможно, что исходную основу топонима составило тюркское *урге, урга* "возвышенность, крутое место", в русском употреблении переосмысленное по созвучию с *урка* "вор, грабитель".

УСА. Река, правый приток Волги. Учитывая особенности этнической истории региона и тот факт, что речной гидроним Уса широко распространен в Прибайкалье, в Сибири, на Алтае, представляется обоснованным его сопоставление с монгольским нарицательным *ус (усу)* "вода, река". Вместе с тем следует указать и на то, что некоторые авторы считают встречающиеся в Средневожье топонимы типа *уж, уз* (варианты произношения: *уш, ус*) финно-угорскими по происхождению, связанными со значением "приток, приточная река". Производные топонимы: **Усинский** залив, **Усинское** побережье, **Усинский** курган.

УСОЛЬЕ. Село. Исторические варианты названия: **Усольские** слободы (**Верхняя, Средняя, Нижняя**), **Надене Усолье, Надеино, Николаевское.** В вариантах используются производные от имени собственного (**Надей**), от природных, хозяйственных особенностей (выходов соляных ключей в долине реки **Усольки** и некогда бывших соляных промыслов), от престола приходской Никольской церкви.

УШКОВ пруд. Топоним с антропонимической основой (по фамилии помещика).

УЩЕЛЬЕ. Овраг у западной окраины с. **Винновка.** Топоним образован на основе нарицательного *ущелье* в значении "крутой глубокий овраг с узким дном".

ЦЕРКОВНАЯ воложка. Находится между **Мордвинскими** островами и коренным волжским берегом у с. **Севрюкаево.** Названа по владельческой принадлежности.

ЧАРОКАЙКА. Урочище. В основе топонима чувашское и татарское имя, употребляемое в нескольких вариантах: **Чарокай, Черекей, Черыкай, Чуракай.** По урочищу назван **Чарокайский** лес и ныне заброшенная деревня **Чуракаевка**

(Черакаевка, Чириксева, Черетева), существовавшая в XVIIIв.

ШЕЛЕХМЕТЬ. Село. В старину именовалось также деревня Шелехметская, Шелехметкино. Последний вариант, включающий притяжательный суффикс *-ин-*, указывает на связь топонима с личным именем. Соотносятся с названием селения, первичный по отношению к нему, ороним **Шелехметские Прямые горы** и гидроним **Шелехметское озеро**.

ШИРЯЕВСКИЙ БУЕРАК (овраг). Топоним образован на основе прозвищного личного имени Ширяй и нарицательного *буерак* "овраг, ров, рытвина, ложбина".

ШИРЯЕВО. Село. Именовалось первоначально "деревня в Ширяевом буераке", что объясняет появление названия поселения. Известно в исторических источниках как **Ширяев Буерак, Ширяевка, Ширяевское**, а также **Богоявленское** (по церковному празднику).

Производными от названия села и оврага являются **Ширяевский Угол, Ширяевские луга, Ширяевское урочище**.

ЭРЬКЕ ПАНДО. Гора южнее с.Торное. Топоним восходит к мордовским нарицательным *эрьке* "озеро" и *пандо* "гора" и означает "Озёрная гора".

После присоединения Поволжья к России на протяжении более чем столетия до конца XVIIв. Самарская Лука находилась вне границ сплошного массива освоенных земледельческих территорий, являлась как бы островом в безбрежном лесостепном и степном пространстве кочевых сообществ. В данный исторический период возникло своеобразное сочетание естественных природных укреплений и двух городков-крепостей, Самарского (1586г.) и Усольского (1631/32г.). Оно позволило в столь необычных условиях сложиться комплексу постоянных сельских поселений, уникальному для поволжского региона своей относительной изолированностью, ощущавшейся до тех пор, пока на правом берегу Волги не возник г.Сызрань (1683г.), а на левом берегу не началось сооружение Новоказакамской и Самарской укрепленных линий (1730-е гг.).

Несомненно, что полной изоляции Самарской Луки не было никогда, хотя бы потому, что ее территория находилась в кольце крупнейшего волжского торгового пути. И все же ограниченность, замкнутость этих мест, раннее складывание здесь сети постоянных сельских поселений, формирование промысловых (соляного и рыбного) комплексов способствовали становлению специфического историко-культурного облика Луки.

Основными его чертами, ведущими свое начало с той эпохи, являлись:

- этнический и конфессиональный состав населения;
- состав, местоположение, планировка большинства селений;
- размещение основных религиозных центров;
- особенности внутреннего районирования и проч.

Важнейшим этапом в формировании историко-культурного облика Самарской Луки стала эпоха от петровских преобразований до Крестьянской реформы 1861 года. В это время окончательно складывается структура сельских поселений Луки,

просуществовавшая до революции и сохранившаяся в основных чертах до настоящего времени. Завершается освоение пригодных к земледелию угодий, складывается крупное специализированное животноводческое производство, продолжается включение в природопользование лесных ресурсов и полезных ископаемых. Практически вся территория Самарской Луки оказалась в составе помещичьих землевладений, среди которых выделялась громадные крепостные вотчины графов Орловых и их наследников. Закончилась христианизация, хотя в ряде случаев и формальная, нерусского населения.

В реконструкции историко-культурного облика Самарской Луки эпохи XVIII- первой половины XIX вв. по письменным источникам и сохранившимся памятникам выделяются следующие наиболее важные моменты:

1. Ведущее место, занятое земледелием в хозяйственных занятиях населения, находит свое отражение в планировке и размещении сельских поселений. Примечательный пример перенос села Жигули от волжского берега, где прекращается солеваренный и хиреет рыболовный промысел, ближе к пашенным угодьям.

2. Промышленность переориентируется с добычи химического сырья (соль, сера, поташ) на производство стройматериалов (камень, известь, кирпич). Несмотря на негативное отношение землевладельцев, продолжают занятия традиционными лесными промыслами, отход на судовые работы. Появляются пароходные пристани. Растет потребление дров на транспорте, предприятиях, в быту. Усиливается антропогенное воздействие на природу.

3. Высокий естественный прирост населения регулируется землевладельцами постоянными, зачастую массовыми переселениями крепостных крестьян на свободные земли Заволжья. В результате исчезают с карты небольшие малоземельные деревни во внутренних районах Луки, в основном с чувашским и мордовским населением. Одновременно за счет перераспределения населения внутри вотчин появляются новые селения на самой Луке.

4. Возникают и усложняются развитые усадебные комплексы в крупных поместьях, в т.ч. сохранившиеся в Усолье и Рождествено.

5. Строятся культовые здания в традициях провинциального классицизма и ранней эклектики. К их числу относятся сохранившиеся (в разной степени) церкви в Рождествено, Новинках, Переволоках, Винновке и не дошедшие до нас храмы Усолья.

Завершение складывания историко-культурного облика Самарской Луки в основном приходится на пореформенные и предреволюционные десятилетия. Более поздний (после 1917г.) период характеризуется нарастанием негативных тенденций, приводивших к утрате цельности и своеобразия этой территории, ее природных и художественных памятников, и требует специального изучения.

Главной особенностью времени после 1861г. является ликвидация крепостного права и исчезновение вместе с ним многих рычагов помещичьего и государственного воздействия на хозяйственные, демографические, культурные процессы. Вместо них постепенно включаются экономические и социальные регуляторы, порожденные рынком, промышленным переворотом, разрушением традиционного вотчинного и общинного землепользования.

Заметный отток населения в города не поглотил его большой естественный прирост. Часть сельских жителей находила заработок в крупных помещичьих имениях, транспортных и промышленных заведениях на самой Луке. Характерной чертой этого периода стало возникновение новых рабочих сельскохозяйственных и промышленных поселков, хуторов и других небольших населенных пунктов.

Отказ большинства крупных землевладельцев от расходов на строительство и содержание религиозных объектов, больниц, школ был компенсирован активностью общин, земства, правительственных органов. Каменное храмовое строительство практически прекратилось на территории Луки, где в пореформенное время появились каменные церкви лишь в Бруся-

нах и Подгорах. Однако, продолжается строительство деревянных церквей (все не сохранились). Усилия приходов направляются на создание церковно-приходских училищ и школ грамоты. Новые учебные заведения создаются и при участии земства, и государственных органов. Наиболее интересный памятник (сохранившийся и используемый под музей) – образцовое училище Министерства народного образования в Усолье. В развитии здравоохранения ведущая роль принадлежала земству, о чем свидетельствует прекрасный больничный комплекс в Сосновом Солонце, до сих пор используемый по первоначальному назначению.

В усадьбах и экономиях наиболее важными объектами строительства становятся помещения производственного и хозяйственного назначения. Это можно видеть на примере замечательного, в том числе с художественной точки зрения, животноводческого комплекса в Усолье.

Образцы дореволюционной крестьянской жилой застройки сел сохранились на Самарской Луке только от конца XIX - начала XXвв. Особое место среди них имеют мемориальные здания, связанные с жизнью поэта А.В.Ширяевца (Абрамова) и пребыванием художника И.Е. Репина в с.Ширяеве.

Памятники культуры и гражданской истории Самарской Луки являются столь же неотъемлемой ее частью, как и природные достопримечательности. Прошлое этого небольшого, но одного из самых красивых уголков России отразило и преломило в себе историю Среднего Поволжья, всей нашей страны. Опыт объяснения и воспроизведения историко-культурного облика уникального географического объекта вполне применим к дальнейшим региональным исследованиям других территорий.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1. Самарская Лука в середине XVIIв. Селения и жители

а. Самарский уезд по переписи 1646-1647гг.¹

Поселения	КОЛИЧЕСТВО ЖИТЕЛЕЙ						
	Всего		Бобылей		Подсоседейков		Наем. людей (мужч)
	дво-ров	мужчин	дво-ров	мужчин	семей	мужчин	
Дворцовые селения							
с.Ильинское (Подгоры)	82	255	9	22	13	22	-
д.Выползова	56	195	4	9	10-11	25-27	-
д.Ново-Караульная	41	140	-	-	7	18-20	-
Итого:	179	590	13	31	30-31	65-69	-
Патриаршие селения							
с.Рождествено	123	390	11	24	5	5	13
Помещичьи селения							
д.Ширяев Буерак	19	67	6	14	-	-	1
д.Осиновый Буерак	7	30	-	-	-	-	2
д.Моркваши	1	4	-	-	-	-	-
Итого:	27	101	6	14	-	-	3
ВСЕГО:	329	1081	30	69	35-36	70-74	16

б.Надеинское Усолье Светешниковых по описанию 1646г.²

Всего в слободах и городке мужчин	Из них:				
	Бобылей	Крестьян	Воинских людей	Работных людей	Прочих
108 (без духовенства)	28	30	33	13	4

Источники:

1. РГАДА. Ф.1209. Д.6468. Л.22об.-63. Данные о населении мордовских и чувашских селений отсутствуют.

2. РГАДА. Ф.214. Оп.253. 1646г. Л.50-73.

Таблица 2. Самарская Лука в последней трети XVIIв.

Селения и жители.

а. Самарский уезд. Дворцовые села и деревни

№	Селения	1671/72г. ¹	1678г. ²
		дворы	дворы
1.	с.Рождествено	-	200
2.	с.Архангельское (Новинки)	-	110
3.	с.Ильинское	-	116
4.	д.Выползова	-	83
	Итого:	430	509
Мордовские и чувашские			

5.	д.Торновая	24	-
6.	д.Борковская	10	-
7.	д.Шелехметская	24	-
8.	д.Березовый Солонец	-	-
9.	д.Старая Аскула	-	-
10.	д.Бахилев Буерак	-	-
11.	д.Сосновый Солонец	-	-
12.	д.Винная на ключе	-	-
13.	д.Ширьевские вершины	139	-
14.	д.Брусняна	-	-
15.	д.Карамал (Кармалы)	-	-
16.	д.Мордовская на ключе	-	-
17.	д.Мордвинная	-	-
18.	дд.чувашицкая и мордовская пусты	-	-
	Итого:	197	
	ВСЕГО:	627	509

6. Надвинское Усолье Звенигородского Савво-Сторожевского монастыря

№	Селения	1678/ 79г. ³	1683г. ⁴			1686/87г. ⁵		
		дво- ры	дво- ры	жит. м.п.	насел двора	дво- ры	жит. м.п.	насел двора
Русские селения								
1.	сл.Усольская с городком	38	42*	115	2,7	41*	124	3,0
2.	сл.Нижняя Усольская	52	53	146	2,8	52	158	3,0
3.	сл.Верхняя Усольская	57	68	160	2,4	58	187	3,2
4.	с.Жигулевка Вознесенское тож	84	100*	192	1,9	78*	254	3,5
5.	сл-ка Шоркин Буерак	22	21	32	1,5	18	56	3,1
6.	сл-ка Переволокская	-	39	94	2,4	24	124	5,2
	Итого:	253	323*	739	2,3	271*	902	3,4
Чувашицкие селения								
7.	д.Старый Теплый Стан	26	11	16	1,5	7	18	2,6
8.	д.Новый Теплый Стан на Ногайском броду	4	14	20	1,4	9	26	2,9
9.	д.Новый Теплый Стан на Бруснянском ключе	-	10	16	1,6	14	35	2,5
	Итого:	30	35	52	1,5	30	79	2,6
	ВСЕГО:	283	358*	791	2,3	291*	981	3,5

Примечания:

*При пересчете населенности дворов не учтены дворы священнослужителей, где указано население, а также пустые дворы.

Источники:

1. РГАДА. Ф.282. Оп.16. Д.10845. Л.3-5. Сведения имеются только о дворцовых селениях Самарского уезда. О помещичьих ничего неизвестно.

2. РГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.140-157. Имеются сведения только по русским дворцовым селениям Самарского уезда.

3. РГАДА. Ф.1199. Оп.1. Д.66. Л.64-66, 72.

4. РГАДА. Ф.282. Оп.17. Д.11553. Л.22 об.-65.

5. РГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11562. Л.3-36.

**Таблица 3. Самарская Лука в начале ХУІв. (по первой ревизии).
Селения и жители**

а. Самарский уезд.¹

№	Селения	Тип селения	Владельческ. принадлеж./ статус насел.	Кол-во мужчин
1	2	3	4	5
1.	Рождественское	село	дворцовое	435
2.	Ильинское (Подгоры)	село	-/-	199
3.	Архангельское (Новники)	село	-/-	217
4.	Козмодемьянское (Брусяна)	село	-/-	129
5.	Выползова	дер.	-/-	129
6.	Богородское (Винновка)	село	ясачное, дворц.	189/549?*
7.	Архангельское (Аскула)	село	ясачное	435
8.	Дмитриевское (Сосновый Солонец)	село	-/-	454
9.	Березовка (Березовый Солонец)	дер.	-/-	98
10.	Брусяна	дер.	-/-	106
11.	Шелехметская	дер.	-/-	131
12.	Ширяевские Вершины	дер.	-/-	123
13.	Толбахтина	дер.	-/-	55
14.	Севрокаявка	дер.	-/-	111
15.	Борковка	дер.	-/-	79
16.	Кармазы	дер.	-/-	85
17.	Бахилово	дер.	-/-	99
18.	Торново	дер.	-/-	54
19.	Покровское (Морквашн)	село	ясачн. помещ	262
20.	Воздвиженское (Ермаково)	село	помещицье	171
21.	Богоявленское (Ширяевское)	село	помещицье	82
22.	Николаевское (Осиновка)	село	помещицье	136
23.	Кольцовка	дер.	помещицья	32
	ВСЕГО:			3918/4378†¹

б. Наденинское Усолье А.Д.Меншикова²

№	Селения (владельческие)	Число дворов	Кол-во мужчин	Населен. двора (мужск.)
1.	с.Наденинское Усолье	190	690	3,6
2.	с.Жегулевка	131	430	3,3
3.	с.Брусяны (Б.Грязань)	108	481	4,5
4.	с.Переволока	133	437	3,3
5.	с.Ахтуша	88	302	3,4

6.	с.Козмодемьянское (Кузькино)	63	248	3,9
7.	с.Ногайский брод (Шигоны)	69	324	4,7
8.	д.Тайдакова	25	85	3,4
9.	д.Яблонная	19	30	1,6
	ВСЕГО:	826	3027	3,7

Примечания:

*¹ Не совсем ясна численность населения с. Винновки.

Источники:

1. РГАДА. Ф. 248. Д.1159. Л.498-505 об.

2. РГАДА. Ф.11. Д.70. Л.70. об.

Таблица 4. Профессии и занятия населения Надеинского Усолья в последней четверти XVIIв. (1686/87г.)¹

№	Профессии	Кол-во дворов					итого
		бобыли	работ-ные люди	мас-теро-вые	крес-тьяне	монас-тырские люди ²	
1	2	3	4	5	6	7	8
Солеварение							
1	Трубные мастера	-	-	1	-	-	1
2	Варничные солевары	10	3	-	-	-	13
3	Варничные водоносы	9	3	-	1	-	13
4	Варничные сливальщики	12	5	-	-	-	17
5	Варничные работники	35	40	1	-	-	76
6	Варничные дрововозы	27	1	-	2	-	30
7	Дровяные задельщики	17	1	-	-	-	18
8	Варничные цренные мастера	-	-	2	-	-	2
	Итого:	110	53	4	3	-	170
Рыболовство и судоходство							
1	Рыбные ловцы	9	12	-	-	-	21
2	Рыбные ловельщики	1	-	-	-	-	1
3	Рыбные разделщики	-	1	-	-	-	1
4	Вятжский рыбный разделщик	1	-	-	-	-	1
5	Струговой кормщик	-	1	-	-	-	1
	Итого:	11	14	-	-	-	25
Мельничное и пищевое производство							
1	Монастырский мельник	1	-	-	-	-	1
2	Мельничный засыпщик	1	-	-	-	-	1
3	Монастырский повар	-	1	-	-	-	1
4	Монастырский хлебник	2	2	-	-	-	4
	Итого:	4	3	-	-	-	7
Охрана города							
1	Городской караульщик	10	2	-	-	-	12
2	Часовник	-	-	1	-	-	1
	Итого:	10	2	1	-	-	13

Прочие специальности						
1	Бочкари	1	-	-	-	1
2	Монастырский конюх	-	-	-	4	4
3	Монастырский кузнец	-	-	3	-	3
4	Угольщик	1	-	-	-	1
5	Монастырский угольщик	1	-	-	-	1
6	Монастырский работник	-	1	-	-	1
7	Кирпичник	1	-	-	-	1
8	Монастырский котельник	-	-	1	-	1
9	Плотник	-	-	-	1	1
	ВСЕГО:	137	72	9	4	226⁴

Примечания:

¹ Мы можем судить только о количестве дворохозяев, т.к. сведения даются лишь о главе семьи, живущем в отдельном дворе. Как правило, большинство из указанных дворовладельцев в большей или меньшей степени занимались также земледелием.

² Выделение категории мастеровых шло по косвенным признакам.

³ Присылаемые погодно

⁴ Кроме того в вотчине насчитывалось 17 крестьянских и 30 чувашских дворов, основным занятием населения которых являлось земледелие.

Профессиональная принадлежность ряда дворовладельцев неизвестна.

Источники:

РГАДА. Ф.281. Оп.17. Д.11562.

Таблица 5. Сельскохозяйственные угодья Самарской Луки в XVII - начале XVIII вв.

а. Самарский уезд

	Владельцы или землепользователи	Усадебн. земля в десят.	Память крестьян, четв. в 1 поле	Память церковная, четв. в 1 поле	Память десятинная, четв. в 1 поле	Перелог. дикое поле, лес, четв. в 1 поле	Сенные покосы
<i>1641/42г.¹</i>							
1	Монастырь	-	248	-	-	2954	31760 копен
	<i>Всего по уезду</i>	-	248	-	-	2954	31760 копен
<i>1685-1686гг.²</i>							
1	Дворцовое ведомство	206	3260	35	80	?	?
2	Ясачные чуваш и мордва	123	3870	-	-	сена и леса десятин	2499
3	Помещики	55	2097	-	-	?	155
	<i>Всего по уезду</i>	389	8727	35	80	?	?

б. Наденское Усолъе

Вид сельскохозяйственных угодий	Размеры (в четв. в 1 поле и в копнах)*			
	50-60 гг. ³	1677/78гг. ⁴	1686/87гг. ⁵	10-20 гг. ⁶ XVIIIв.
Пашня церковная	-	-	35 четв.	-
Пашня владельческая	30 четв.	112 четв.	417 четв.	503 четв.
Пашня крестьянская, бобыльская, работничья	-	-	938 четв.	-
Сено церковное	-	-	105 копен	-
Сено монастырское	-	-	16060 копен	-
Сено крестьянское, бобыльское, работничье	-	-	4690 копен	-
Лес пахотный и "дикие пахотные и непахотные степи"	-	-	41030 четв.	-
ИТОГО:				
<i>Пашни</i>	-	-	1090 четв.	-
<i>Сена</i>	-	-	20855 копен	-
"Лесу пахотного и дикие пахотные степи"	-	-	41030 четв.	-

Примечания:

*В десятины 2 четверти. Указаны размеры только 1 поля, следовательно при существовавшей трехпольной системе все показатели в четвертях нужно умножать на 3. Вес одной копны сена мог колебаться от 5 до 15 пудов.

Источники:

- 1 РГАДА. Ф.1239. Оп.52. Д.1407. Л.26 об. -29
2. Там же; РГАДА. Ф.281. Оп. 17 Д.10845. Л.1.об. -2.
- 3 РГАДА. Ф.281. Оп. 17 Д.11540. Л.1.
- 4 РГАДА. Ф. 1199. Оп.1. Д.66. Л.66.
- 5 РГАДА. Ф.281. Оп.17 Д.11565. Л.28-29.
6. РГАДА. Ф.11. Д.70. Л.73 -73 об.

Таблица 6. Урожайность и соотношение сельскохозяйственных культур хозяйства Наденского Усолъя в последней четверти XVIIIв. (1684-1687гг.)

№	Сельскохозяйственные культуры	Среднегодовой посев в четвертях*	Среднегодовой сбор в четвертях	Среднегодовая урожайность в сажмах	Среднегодовой посев в %	Среднегодовой урожай в %
1	Рожь	149	583	5,1	39,8	58,5
2	Пшеница	38	129	3,4	13,0	11,8
3	Овес	116	284	2,5	39,9	26,0
4	Ячмень	17	39	3,8	5,8	4,9
5	Горох	3	18	6,6	0,9	1,6
6	Просо	17	32	18,2	0,6	2,2
	ВСЕГО:	290	1085	3,8	100	100

Примечания:

*В XVIIIв. четверть сыпучих мер колебалась в среднем от 4 до 8 пудов.

Источник:

РГАДА. Ф.125. Оп.1. Д.35. 1684г.

Таблица 7. Численность населения на Самарской Луке по 3-й ревизии (1762 г. с уточнениями последующих лет)

Территории и селения	Статус селения	душ мужского пола	% от всех жителей Луки
Рождествено	село	668	7.45%
Выползово	деревня	139	1.55%
Подгоры	село	275	3.07%
Новинки	село	321	3.58%
Шелехметь	деревня	94	1.05%
Торное	деревня	41	0.46%
Борковка	деревня	46	0.51%
Чуракаевка	деревня	37	0.41%
Серный Городок	деревня	11	0.12%
Ширяевские Вершины	деревня	59	0.66%
Ширяево	село	97	1.08%
Всего в восточной части Луки	сел - 4 деревень. - 7	1788	19.95%
Бахилово	деревня	87	0.97%
Аскулы	село	319	3.56%
Сосновый Солонец	село	394	4.40%
Березовый Солонец	деревня	155	1.73%
Кармазы	деревня	86	0.96%
Северюкаево	деревня	155	1.73%
Ижбулдина	деревня	20	0.22%
Безводовка	деревня	75	0.84%
Осиновка	село	260	2.90%
Винновка	село	338	3.77%
Ермаково	село	235	2.62%
Всего в центральной части Луки	сел - 5 деревень. - 6	2124	23.70%
Морквашин	село	261	2.91%
Яблонная	деревня	36	0.40%
Жигули	село	389	4.34%
Александровка	село	171	1.91%
Валы	село	270	3.01%
Б.Рязань	село	545	6.08%
М.Рязань	деревня	171	1.91%
Чувашская Брусяна	деревня	155	1.73%
Брусяны	село	325	3.63%
Кольцово	село	72	0.80%
Мордово	село	124	1.38%
Всего в западной (до р. Усы) части Луки	сел - 7 деревень. - 3	2519	28.11%
Усолье	село	559	6.24%
Алгуши	село	328	3.66%
Тайдаково	деревня	137	1.53%
Комаровка	деревня	132	1.47%
Березовка	деревня	180	2.01%

Львовка	деревня	62	0.69%
Московка	деревня	65	0.73%
Переволоки	село	442	4.93%
Печерское	село	625	6.97%
<i>Всего в западной (за р. Усою и переволо- кою) части Луки</i>	<i>сел - 4 деревень. - 5</i>	<i>2530</i>	<i>28.23%</i>
ИТОГО:	сел-20, деревень 21	8961	100.00%
В том числе: в русских поселениях		7778	86.80%
в мордовских		327	3.65%
в чувашских		856	9.55%

Источники:

РГАДА. Ф.16. Оп.1..Д.931; Ф.248. Д.4238; Ф.350. Оп.2. Д.2899.

Таблица 8. Численность населения Самарской Луки по данным 5-й ревизии и Экономических примечаний к Генеральному межеванию /конец XVIII - начало XIX веков/

Территория и селения	душ муж. пола	в % к 3-ей ревизии	душ жен. пола.	душ обоих пола	в % от всех жогте лей Луки
Рождествено	523	78.29%	588	1111	3.45%
Выползово	341	245.32%	323	664	2.06%
Подгоры	406	147.64%	410	816	2.53%
Новинки	535	166.67%	525	1060	3.29%
Шелехметь	379	403.19%	380	759	2.36%
Торновое	226	551.22%	230	456	1.42%
Борковка	*				
Чуракаевка	*				
Серный Городок	13	118.18%	10	23	0.07%
Ширяев. Вершины	*				
Ширяево	141	145.36%	153	294	0.91%
<i>Всего в восточной части Луки</i>	<i>2564</i>	<i>143.40%</i>	<i>2619</i>	<i>5183</i>	<i>16.08%</i>
Бахново	291	334.48%	271	562	1.74%
Аскуль	805	252.35%	722	1527	4.74%
Сосновый Солонец	720	182.74%	748	1468	4.56%
Березовый Солонец	414	267.10%	420	834	2.59%
Кармалы	246	286.05%	208	454	1.41%
Севрюкаево	390	251.61%	397	787	2.44%
Ижбулдина	*				
Безводовка	*				
Осиновка	456	175.38%	477	933	2.90%
Винновка	553	163.61%	586	1139	3.53%
Ермаково	365	155.32%	365	730	2.27%
<i>Всего в центральной части Луки</i>	<i>4240</i>	<i>199.62%</i>	<i>4194</i>	<i>8434</i>	<i>26.17%</i>
Моркваши	87	33.33%	95	182	0.56%
Яблонная	*				
Жигули	823	211.57%	821	1644	5.10%

Александровка	496	290.06%	568	1064	3.30%
Валы	707	261.85%	681	1388	4.31%
Большая Рязань	983	180.37%	950	1933	6.00%
Малая Рязань	374	218.71%	408	782	2.43%
Чуваш. Брусята	385	248.39%	400	785	2.44%
Брусяны	628	193.23%	672	1300	4.03%
Кольцово	90	125.00%	98	188	0.58%
Мордово	140	112.90%	153	293	0.91%
Всего в западной (до р. Усы) части Луки	4713	187.10%	4846	9559	29.67%
Усолье	716	128.09%	729	1445	4.48%
Ахтуши	511	155.79%	498	1009	3.13%
Тайдаково	434	316.79%	455	889	2.76%
Комаровка	300	227.27%	298	598	1.86%
Березовка	264	146.67%	278	542	1.68%
Львовка	196	316.13%	184	380	1.18%
Московка	141	216.92%	123	264	0.82%
Переволоки	691	156.33%	685	1376	4.27%
Печерскос	1220	195.20%	1324	2544	7.89%
Всего в западной (за р. Усою и переволокою) части Луки	4473	176.80%	4574	9047	28.08%
ИТОГО	5990	178.44%	16233	32223	100.00%
В том числе: в русских селениях	3225	170.03%	13472	26697	82.85%
мордовских	896	274.01%	881	1777	5.51%
чувашских	1869	218.34%	1880	3749	11.63%

Примечания:

* жители деревни полностью сведены помещиком на новое место жительства

Источники:

РГАДА. Ф.1355. Оп.1. Д.1422; Ф.1273. Оп.1. Д.3323, 3333;
РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.19023; ГАУО. Ф.147. Оп.1. Д.12-19.

Таблица 9. Население Самарской Луки по данным 10-й ревизии /1857г./ и Экономическим примечаниям к межеванию 1859 года

Территории и селения	душ муж. пола	душ жен. пола	душ обоого пола	в % к 5-й ревизии	в % от всех жителей Луки
Рождествено	590	600	1190	107.11%	3.68%
Выползово	414	470	884	133.13%	2.74%
Подгоры	270	340	610	74.75%	1.89%
Новинки	491	420	911	85.94%	2.82%
Шелехметь	350	395	745	98.16%	2.31%
Торное	240	270	510	111.84%	1.58%
Ширяево	234	259	493	167.69%	1.53%
Всего в восточной части Луки	2589	2754	5343	103.09%	16.54%
Бахидово	418	412	830	147.69%	2.57%
Аскуды	689	771	1460	95.61%	4.52%
Сосновый Солонец	758	918	1676	114.17%	5.19%

Березовый Солонец	277	286	563	67.51%	1.74%
Кармалы	110	126	236	51.98%	0.73%
Севрюкаево	326	347	673	85.51%	2.08%
Осиновка	467	469	936	100.32%	2.90%
Вишовка	437	544	981	86.13%	3.04%
Ермаково	530	595	1125	154.11%	3.48%
Всего в центральной части Луки	4012	4468	8480	100.55%	26.25%
Моркваша	164	211	375	206.04%	1.16%
Отважная	147	172	319	*	0.99%
Жигули	774	903	1677	102.01%	5.19%
Александровка	288	316	604	56.77%	1.87%
Валы	422	509	931	67.07%	2.88%
Б.Рязань	438	486	924	47.80%	2.86%
М.Рязань	398	450	848	108.44%	2.62%
Брусяны	508	609	1117	85.92%	3.46%
Кольцово	95	87	182	96.81%	0.56%
Мордово	71	73	144	49.15%	0.45%
Всего в западной (до р. Усы) части Луки	3305	3816	7121	74.50%	22.04%
Усолье	799	948	1747	120.90%	5.41%
Ахтуши	461	526	987	97.82%	3.06%
Тайдаково	402	403	805	90.55%	2.49%
Комаровка	483	527	1010	168.90%	3.13%
Березовка	322	329	651	120.11%	2.02%
Львовка	176	206	382	100.53%	1.18%
Карловка	92	138	230	*	0.71%
Услава	96	109	205	*	0.63%
Благодатная	134	132	266	*	0.82%
Ольгино	127	142	269	*	0.83%
Сыговка	108	110	218	*	0.67%
Переволоки	704	797	1501	109.08%	4.65%
Печерское	1422	1670	3092	121.54%	9.57%
Всего в западной (за р. Усою и переволокою) части Луки	5326	6037	11363	125.60%	35.17%
ИТОГО	5232	17075	32307	100.26%	100.00%
В том числе: - в русских поселениях***	3109	14836	27945	104.67%	86.50%
мордовских	896	1077	1973	111.03%	6.11%
чувашских**	1869	1162	3031	80.85%	9.38%

Примечания:

*Новые деревни

** С территории Луки переселена владельцами Чувашская Брусяны

*** Переселены владельцами Московка и Серный Городок

Источники:

РГАДА. Ф.1357. Оп.1. Д.35/217; Списки населенных мест Российской Империи. Симбирская губерния. СПб., 1863.

Таблица 10. Церкви и господские усадьбы на Луке на рубеже XVIII-XIX вв.

Территории и селения	Церквей каменных	Церквей деревянных	Всего церквей	Господских домов
Рождествено	1		1	
Подгоры		1	1	
Новинки		1	1	
Ширяево		1	1	
<i>Всего в восточной части Луки</i>	1	3	4	
Аскулы		1	1	
Сосновый Солонец		1	1	
Осиновка	1		1	1
Виновка		1	1	
Ермаково		1	1	1
<i>Всего в центральной части Луки</i>	1	4	5	2
Моркваши		1	1	2
Жигули		1	1	
Александровка		1	1	1
Вапы		1	1	
Б.Рязань		1	1	
Кольцово		1	1	2
Мордово				2
<i>Всего в западной (до р. Усы) части Луки</i>		6	6	7
Усолье	1		1	1
Ахгуши		1	1	
Переволоки		1	1	
Печерское		1	1	
<i>Всего в западной (за р. Усою и переволокою) части Луки</i>	1	3	4	1
ИТОГО	3	16	19	10

Источники:

РГАДА. Ф. 1355. Оп. 1. Д. 1422; Ф. 1273. Оп. 1. Д. 3323, 3333; РГВИА. Ф. 846 Оп. 16. Д. 19023; ГАУО. Ф. 147. Оп. 1. Д. 12-19.

Таблица 11. Церкви, господские усадьбы, школы и больницы на Луке в середине XIX в.

Территории и селения	Церквей каменных	Церквей деревянных	Всего церквей	Господских домов	Больниц	Школ
Рождествено	1		1	1	1	1
Новинки	1		1	1	1	1
<i>Всего в восточной части Луки</i>	2		2	2	2	1
Аскулы		1	1			
Сосновый Солонец		1	1			
Осиновка	1		1			

Винновка	1		1			
Ермаково		1	1			
<i>Всего в центральной части Луки</i>	2	3	5			
Моркваши				1		
Жигуди		1	1	1	1	1
Александровка		1	1		1	
Валы		1	1			
Б.Рязань		1	1		1	
Кольцово		1	1	1		
Мордово	1		1			
<i>Всего в западной (до р. Усы) части Луки</i>	1	5	6	3	3	1
Усолье	2		2	1	1	1
Ахуши		1	1			
Тайцаково		1	1		1	
Перволоки	1		1			
Печерское		1	1			
<i>Всего в западной (за р. Усою и переволокою) части Луки</i>	3	3	6	1	2	1
ИТОГО	8	11	19	6	7	3

Источники:

РГАДА. Ф.1357. Оп.1 Д.35/217; Списки населенных мест Российской империи по сведениям 1859 года. Симбирская губерния. СПб., 1863.

Таблица 12. Сведения о численности населения и общественных зданий Самарской Луки по статистическим данным Сыранского уезда на 1884 год

Территория и селения	дво-ров	душ муж. пола	душ жен. пола	душ обо-его пола	в % к данным 10-й ревизии	% от всех жителей Луки	Церк-ковей ка-мен-ных	Церк-вей дере-вян-ных	Всего церк-вей	Школ
Рожdestвено*	210	522	647	1169	98.24%	3.25%	1		1	1
Выползово	169	275	440	715	80.88%	1.99%				
Подгоры	138	245	310	555	90.98%	1.54%	1		1	
Нованки	140	389	420	809	88.80%	2.25%	1		1	1
Шелекметь	120	315	336	651	87.38%	1.81%				
Торхово	67	240	235	475	93.14%	1.32%				
Ширясово	60	240	300	540	109.53%	1.50%				
другие насел. пункты**	15	17	16	33	***	0.09%				
Всего в восточной части Луки	919	2243	2704	4947	92.59%	13.76%	3		3	2
Бахидово	140	598	545	1143	137.71%	3.18%				
Гудронные заводы	8	121	10	131	***	0.36%				
Асулары	220	844	943	1787	122.40%	4.97%		1	1	1
Сосновыи Солонец	248	932	1114	2046	122.08%	5.69%		1	1	1
Березовый Солонец	109	275	270	545	96.80%	1.52%				
Кармалы	53	111	117	228	96.61%	0.63%				
Севиюксово	108	292	297	589	87.52%	1.64%				
Осиновка	268	592	655	1247	133.23%	3.47%	1		1	1
Винновка	234	561	638	1199	122.22%	3.44%	1		1	1
Ермаково	254	696	774	1470	130.67%	4.09%		1	1	1
другие насел. пункты**	4	8	5	13	***	0.04%				
Всего в центральной части Луки	1646	5930	5368	10398	102.38%	28.93%	2	3	5	5
Морквашы	58	216	224	440	117.33%	1.22%		1	1	
Отмяжная	82	255	280	535	167.71%	1.49%				
Жигули	347	937	1113	2050	122.24%	5.70%		1	1	1
Александровка	102	312	324	636	105.30%	1.77%		1	1	1
Валы	91	431	430	861	92.48%	2.40%		1	1	1
Б.Рязань	173	573	648	1221	132.14%	3.40%		1	1	1

М.Рязань	120	395	401	796	93.87%	2.21%		
Брусныи	218	468	457	925	82.81%	2.57%		1
Кодцово	37	93	107	200	109.89%	0.56%		1
Мордово	35	62	65	127	88.19%	0.35%	1	1
Всего в западной (до р. Усы) части Луки	1263	3742	4049	7791	109.41%	21.68%	1	6
Усолье*	329	803	960	1763	100.92%	4.91%	2	2
Ахтуши	183	513	548	1061	107.50%	2.95%	1	1
Тайдаково	196	413	376	789	98.01%	2.20%	1	1
Комаровка	234	568	667	1235	122.28%	3.44%		
Березовка	116	350	382	732	112.44%	2.04%		
Львовка	104	195	200	395	103.40%	1.10%		
Карловка*	50	129	153	282	122.61%	.78%		
Уселда	58	170	189	359	175.12%	1.00%		
Благодатная	59	149	181	330	124.06%	0.92%		
Ольгино	64	197	213	410	152.42%	1.14%		
Сытовка	61	153	194	347	159.17%	0.97%		
Переволохи	235	648	731	1379	91.87%	3.84%	1	1
Печерское	631	1787	1936	3723	120.41%	10.36%	1	1
Всего в западной (за р. Усою и перволюкою) части Луки	2320	6075	6730	12805	112.69%	35.63%	3	3
Итого	6148	17090	18851	35941	111.25%	100%	9	12
В том числе:								
в русских селениях	5355	14846	16675	31521	112.80%	87.70%	9	11
в мордовских	327	1153	1116	2269	115.00%	6.31%	0	0
в чувашских	466	1091	1060	2151	70.97%	5.98%	0	1

Примечания:

*С учетом поместичьих дворов и усадеб (отмеченных как отдельные населенные места) при данных селениях;

** Населенные пункты с малым количеством дворов и жителей или непостоянного сукмествоания; хутора, дворя при мельницах, пристанях;

*** Не существовали или не учтены в 10-ю ревизию.

Источники:

Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1884;

Баженов Н. Статистическое описание соборов, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск, 1903.

Таблица 13. Сведения о населении Самарской Луки на 1897 г.

Территория и селения	число дворов	муж пола	жен пола	обоего пола	в % к данным 1884 г.	в % от жителей всей Луки
Рождествено*	304	1103	1144	2247	192.22%	5.04%
Выползово	230	580	657	1237	173.01%	2.78%
Подгоры	166	406	463	869	156.58%	1.95%
Новинки*	169	439	516	955	118.05%	2.14%
Шелехметь*	164	475	500	975	149.77%	2.19%
Торное	115	304	298	602	126.74%	1.35%
Ширяево	146	383	430	813	150.56%	1.82%
Гаврилова Поляна**	2***	2	4	6		0.01%
другие насел. пункты**	30	235	109	344	1042.4%	0.77%
Всего в восточной части Луки	1326	3927	4121	8048	162.68%	18.06%
Бахилово	182	552	529	1081	94.58%	2.43%
Гудронные заводы	2	157	16	173	132.06%	0.39%
Аскулы*	313	858	943	1801	100.78%	4.04%
Сосновый Солонец*	332	925	1063	1988	97.17%	4.46%
Березовый Солонец	116	301	305	606	111.19%	1.36%
Кармазы	55	161	167	328	143.86%	0.74%
Севрюкасво*	110	296	281	577	97.96%	1.29%
Осиновка*	187	557	564	1121	89.90%	2.52%
Винновка	249	632	741	1373	114.51%	3.08%
Ермаково*	249	749	853	1602	108.98%	3.59%
другие насел. пункты**	31	87	87	174	1338.5%	0.39%
Всего в центральной части Луки	1826	5275	5549	10824	104.10%	24.28%
Моркваши*	81	305	291	596	135.45%	1.34%
Отважная	79	358	329	687	128.41%	1.54%
Жигули	432	1070	1149	2219	108.24%	4.98%
Александровка	124	358	440	798	125.47%	1.79%
Валы*	214	572	616	1188	137.98%	2.67%
Б.Рязань*	251	754	787	1541	126.21%	3.46%
Бруснян*	266	803	907	1710	184.86%	3.84%
Кольцово*	44	125	147	272	136.00%	0.61%
Мордово	34	104	124	228	179.53%	0.51%
другие насел. пункты**	18***	31	37	68		0.15%
Всего в западной (до р. Усы) части Луки	1750	4931	5389	10320	132.46%	23.15%
Усолье*	385	1085	1250	2335	132.44%	5.24%
Алтуши*	202	518	576	1094	103.11%	2.45%
Тайдаково*	176	469	446	915	115.97%	2.05%
Комаровка	253	630	714	1344	108.83%	3.02%
Березовка	131	305	341	646	88.25%	1.45%
Львовка	131	312	347	659	166.84%	1.48%
Карловка*	46	117	125	242	85.82%	0.54%
Услава*	78	220	244	464	129.25%	1.04%
Благодатная	69	169	194	363	110.00%	0.81%

Ольгино*	75	253	262	515	125.61%	1.16%
Сытовка	71	215	238	453	130.55%	1.02%
Переволоки	238	680	789	1469	106.53%	3.30%
Печерское*	679	2205	2179	4384	117.75%	9.84%
Печерский Выселок	61***	190	182	372		0.83%
другие насел. пункты**	24***	61	64	125		0.28%
Всего в западной (за р. Усою и переволокою) части Луки	2619	7429	7951	15380	120.11%	34.51%
ИТОГО	7521	21562	23010	44572	124.01%	100.00%
В том числе:						
в русских селениях	6603	19004	20484	39488	125.28%	88.59%
в мордовских	461	1331	1327	2658	117.14%	5.96%
в чувашских	457	1227	1199	2426	112.78%	5.44%

Примечания:

- * с учетом частных и удельных дворов, усадеб, мельниц, заводов, пристаней (отмеченных как отдельные населенные места) при данных селениях;
 ** населенные пункты с малым количеством дворов и жителей или непостоянного существования: хутора, дворы при мельницах, сторожки, зимовья, пасеки;
 *** не существовали или не учтены в 1884 г.

Источники:

Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1897;
 Баженов Н. Статистическое описание соборов, приходских и домовых церквей Симбирской епархии по данным 1900 года. Симбирск, 1903.

Таблица 14. Население Самарской Луки по статистическим данным на 1913 год

Территория и селения	число дворов	муж пола	жен пола	обоего пола	в % к данным 1897 г.	в % от всех жителей Луки
Рождествено*	497	1337	1309	2646	117.76%	4.95%
Выползово	240	765	860	1625	131.37%	3.04%
Подгоры	182	477	526	1003	115.42%	1.88%
Новинки	202	449	518	967	101.26%	1.81%
Шелехметь*	177	548	602	1150	117.95%	2.15%
Торниовое	126	415	438	853	141.69%	1.60%
Ширяево*	193	1330	981	2311	284.26%	4.33%
Гаврилова Поляна**	1	2	3	5	83.33%	0.01%
другие населенные пункты**	14	41	35	76	22.09%	0.14%
Всего в восточной части Луки	1632	5364	5272	10636	132.16%	19.91%
Бахилово	135	684	628	1312	121.37%	2.46%
Гудронные заводы*	5	40	4	44	25.43%	0.08%
Аскулы*	385	1026	1134	2160	119.93%	4.04%
Сосновый Соловец*	415	1196	1316	2512	126.36%	4.70%
Березовый Солонец	120	249	263	512	84.49%	0.96%
Кармалы	73	191	180	371	113.11%	0.69%
Севрюкаево	110	272	284	556	96.36%	1.04%
Осиновка	237	789	837	1626	145.05%	3.04%

Винновка	315	823	914	1737	126.51%	3.25%
Ермаково	365	918	961	1879	117.29%	3.52%
другие населенные пункты**	7	23	17	40	22.99%	0.07%
Всего в центральной части Луки	2167	6211	6538	12749	117.78%	23.87%
Моркваши	101	300	291	591	99.16%	1.11%
Отважная	118	443	464	907	132.02%	1.70%
Жигули*	437	1672	1716	3388	152.68%	6.34%
Александровка	140	442	467	909	113.91%	1.70%
Валь*	230	603	757	1360	114.48%	2.55%
Б.Рязань*	288	653	730	1383	89.75%	2.59%
М.Рязань	210	641	778	1419	140.08%	2.66%
Брусяны*	321	802	960	1762	103.04%	3.30%
Кольцово	50	215	226	441	162.13%	0.83%
Мордово	40	200	252	452	198.25%	0.85%
другие населенные пункты**	2	5	11	16	23.53%	0.03%
Всего в западной (до р.Усы) части Луки	1937	5976	6652	12628	122.36%	23.64%
Усошь*	414	1108	1120	2228	95.42%	4.17%
Ахтуши*	210	498	511	1009	92.23%	1.89%
Тайдаково*	201	515	418	933	101.97%	1.75%
Комаровка	265	711	809	1520	113.10%	2.85%
Березовка	163	357	423	780	120.74%	1.46%
Львовка	166	412	450	862	130.80%	1.61%
Карловка*	50	178	192	370	152.89%	0.69%
Услава*	106	313	293	606	130.60%	1.13%
Благодатная	70	194	199	393	108.26%	0.74%
Ольгино*	110	266	335	601	116.70%	1.13%
Сыговка	84	209	214	423	93.38%	0.79%
Переволоки	274	747	763	1510	102.79%	2.83%
Печерское*	1021	2673	2878	5551	126.62%	10.39%
Печерский Выселок	98	280	295	575	154.57%	1.08%
другие населенные пункты**	9	25	17	42	33.60%	0.08%
Всего в западной (за р.Усоею и переволокою) части Луки	3241	8486	8917	17403	113.15%	32.58%
ИТОГО	8977	26037	27379	53416	119.84%	100.00%
В том числе:						
в русских селениях	35	23163	24566	47729	120.87%	89.35%
мордовских	438	1647	1668	3315	124.72%	6.21%
чувашских	504	1227	1145	2372	97.77%	4.44%

Примечания:

* с учетом частных и удельных дворов, усадеб, мельниц, заводов, пристаней (отмеченных как отдельные населенные места) при данных селениях

** находящиеся за пределами селений усадьбы и хутора, лесопильные заводы и мельницы, сторожки

Источник:

Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1913.

Таблица 15. Культовые здания, школы и больницы по данным 1913 г.

Территории и селения	церкви	мольель-ные дома	школы	больницы
Рождествено	1	1	1	1
Выползово		1	1	
Подгоры	1	1	1	
Новинки	1	1	1	
Шелехметь			1	
Торное			1	
Ширяево	1		1	
Всего в восточной части Луки	4	4	7	1
Аскулы	1	1	1	
Сосновый Солонец	1		2	2
Березовый Солонец			1	
Североклаво			1	
Осиновка	1	2	1	
Вишновка	1	2	1	
Ермаково	1	2	1	
Всего в центральной части Луки	5	7	8	2
Моркваша	1			
Жигули	1		1	
Александровка	1		1	
Валы	1		1	
Б.Рязань	1		1	
М.Рязань	1		1	
Брусяны	1		1	
Кольцово	1		1	
Мордово	1			
Всего в западной (до р. Усы) части Луки	9		7	
Усолье	2		2	2
Ахтуши	1		1	
Тайдаково	1		1	
Комаровка	1		1	
Березовка	1		1	
Сытовка			1	
Переволоки	1		1	
Печерское	1	1	2	
Всего в западной (за р. Усою и переволокою) части Луки	8	1	10	2
ИТОГО:	26	12	32	5
В том числе: в русских селениях	25	12	27	5
мордовских	0	0	2	0
чувашских	1	0	3	0

Источник:

Список населенных мест Симбирской губернии. Симбирск, 1913.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
<i>Глава I. У истоков становления ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ОБЛИКА САМАРСКОЙ ЛУКИ (Конец XVI - начало XVIII вв.)</i>	15
<i>Глава II. САМАРСКАЯ ЛУКА В ЭПОХУ КРЕПОСТНИЧЕСТВА И АБСОЛЮТИЗМА (Вторая четверть XVIII - середина XIX вв.)</i>	56
<i>Глава III. САМАРСКАЯ ЛУКА МЕЖДУ ВЕЛИКОЙ РЕФОРМОЙ И РЕВОЛЮЦИЯМИ (Вторая половина XIX - начало XX вв.)</i>	103
<i>Глава IV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОНИМИКА САМАРСКОЙ ЛУКИ</i>	140
СЛОВАРЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ТОПОНИМОВ САМАРСКОЙ ЛУКИ	149
Заключение	177
Приложение	181